БК
15
Б 79
Л, 1925.
Большаков.
Хресто-
матия
по истории..
в. 2

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

А. М. БОЛЬШАКОВ и Н. А. РОЖКОВ

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

ВЫПУСК ВТОРОЙ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПЯТИ ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТ, СОСТАВЛЕННЫХ К. В. КУДРЯШОВЫМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1925

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

А. М. Большаков и Н. А. Рожков

ХРЕСТОМАТИЯ
по
ИСТОРИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

ВЫПУСК ВТОРОЙ
с приложением пяти исторических карт,
составленных К. В. Кудряшовым

Государственное Издательство
ЛЕНИНГРАД
1925

Гиз. № 10.217 Ленинградский Гублит № 11013. Печ. 10.000—19 п.+5 прилож. Зак. № 857

Вводные замечания.

Второй выпуск хрестоматии охватывает XVIII век, XIX столетие и первые годы XX века до 1905 года, другими словами, — два периода: период торгового капитализма — XVIII и первую половину XIX века — и период производственного (сельскохозяйственного и промышленного) капитализма, начавшийся с половины XIX в., точнее, — со времени крестьянской реформы 19-го февраля 1861 года. В первый из этих периодов господство в обществе и организация хозяйства принадлежали дворянам-землевладельцам и крупным торговцам, скупщикам, а во второй — производственно-капиталистической буржуазии вместе с перерождавшимися в нее медленно крепостниками, при чем это разделение власти и дела хозяйственной организации во второй период было создано особенностями крестьянской реформы в России.

В обоих периодах материал подобран так, что на первую очередь выдвинуты господствовавшие отрасли хозяйства — земледелие и фабричная промышленность, а также, в связи с ними, торговля — внешняя и внутренняя. Таким образом, не останавливаясь на вопросе о том, какие отрасли хозяйства преобладали, занимающийся должен сосредоточить свое внимание на технике производства, потом на его формах, затем на формах землевладения и на покупательной способности масс населения и условиях рынка вообще.

При этом надо иметь в виду те предварительные вводные замечания, которые были предпосланы первому выпуску хрестоматии, и сверх того следует иметь в виду некоторые дополнительные замечания, — те именно, которые сейчас и предлагаются.

XVIII век — время торгового капитализма, т.-е. такой организации хозяйства, когда производство остается по преимуществу мелким крестьянским — в земледелии, кустарным — в промышлен-

ности, а капиталист — оптовый торговец — господствует только в обмене, в торговле берет на себя сбыт, подчиняя себе в этом отношении производство. Помещик оптом сбывает хлеб и другие продукты сельского хозяйства, эксплоатируя труд крепостного крестьянина; сбывает он иногда и фабричные изделии, имея свои фабрики, работающие тоже крепостным трудом. Крупный торговец - скупщик скупает и продукты сельского хозяйства и кустарные крестьянские изделия, обычно являясь не только скупщиком, но и ростовщиком: осенью, объезжая кустарей, он снабжает их в долг материалами и орудиями, а весной собирает с большими процентами готовый продукт. Но иногда и такой скупщик заводит свою фабрику, работающую или вольнонаемным трудом или, чаще, несвободным посессионным трудом, установленным в 1721 г. законом Петра I. При этом и крепостная, и посессионная, и очень редкая тогда вольнонаемная фабрика, XVIII века является мануфактурой, работает ручным способом, не имеет парового или электрического двигателя, технически не имеет преимуществ перед кустарным производством, поэтому связана с ним, опирается на него.

Таким образом, основная задача изучения хозяйства в XVIII веке — характеристика крепостного хозяйства в земледелии и промышленности, а также и развития торговли. При этом статистический материал и здесь, и позднее требует вычислений, установления процентных отношений, наглядно характеризующих состояние хозяйства.

Для XVIII века надо еще иметь в виду состояние техники в добывании и выработке железа. В XVIII веке, до конца его, во всем мире господствовал всецело кричный способ железоделательного производства: в небольших печах в форме цилиндров, расширяющихся посредине, или домницах, нагреваемых древесным топливом (дровами), выделывался из руды чугун, а из чугуна получалось железо в виде криц, т.-е. больших кусков. Так как домницы работали на дровах, то тогда наиболее выгодно было производить железо в тех странах, которые богаты были лесом, дровами.

Первая половина XIX века — до 19-го февраля 1861 года — является также продолжением периода торгового капитализма и крепостного хозяйства. Однако, это продолжение имеет свой особый характер: крепостное хозяйство начинает разлагаться, падать и на - ряду с торговым капитализмом начинает частично

возникать в сельском хозяйстве и промышленности капитализм производственный, организующий на наемном труде и новой улучшенной технике крупное производство. Проследить это разложение, падение старого хозяйства и зародыши хозяйства нового, переходные формы от старого к новому и составляет задачу изучающего приведенный в хрестоматии материал, относящийся к первой половине XIX века. В частности, надо помнить, что барщина представляет собою более резкое проявление крепостничества, чем оброк.

Переходя к изучению истории хозяйства в России со второй половины XIX века до революции 1905 года, надо прежде всего точно определить исходный пункт этой истории — экономический смысл реформы 19-го февраля 1861 года. Основной вопрос здесь — вопрос о том, сколько земли получили крестьяне и на каких условиях. Ответив на него на основании предлагаемых в хрестоматии материалов, изучающий встанет на твердую почву в понимании русского производственного капитализма в земледелии и промышленности. Основная цель заключается в определении, поскольку хозяйство стало капиталистическим и поскольку оно сохранило крепостнические остатки.

Здесь придется иметь дело со статистическим, цифровым материалом и вычислять процентные отношения. При этом, изучая историю сельского хозяйства после реформы 1861 г., надо иметь в виду соотношение между посевной площадью и чистым сбором, отношение посевной площади к пару и залежи, относительные размеры посевной площади, находящейся под зерновыми хлебами, с одной стороны, и под корнеплодами (картофелем, свекловицей) и кормовыми травами — с другой (сравни то, что сказано о системах земледелия во вводных замечаниях к первому выпуску).

Изучая фабричную промышленность, надо установить по данным о капиталах вновь основываемых акционерных предприятий периодическое чередование подъема (благоприятной конъюнктуры) и кризиса и депрессии, — угнетенного состояния промышленности. Это чередование характерно для производственного капитализма и объясняется тем, что в капиталистическом хозяйстве нет единого плана, производство не приспособлено к потреблению, и так как масса населения не имеет достаточных средств для удовлетворения всех своих потребностей или, как говорят обыкновенно, не имеет большой покупательной способности, то изготовляемые в период подъема все в большем количестве товары не находят сбыта,

залеживаются, производство сокращается, фабрики закрываются, растет массовая безработица, словом, получается кризис и затем депрессия, угнетенное состояние промышленности, когда она развивается слабо. Во время кризиса и депрессии погибают остальные предприятия с низкой техникой и выживают и развиваются предприятия с высоким уровнем техники. В то же время предприниматели стараются развить и усовершенствовать технику дальше, чтобы тем удешевить товар и сделать его доступным более широкому кругу покупателей. Когда это достигается, кризис прекращается, и начинается новый подъем, чтобы потом смениться снова кризисом, и так далее.

Чтобы уяснить себе смысл и значение статистических данных, касающихся капитализации (техники) индустрии, надо иметь прежде всего в виду, что здесь есть цифры, дающие иллюстрацию *сравнительной* высоты техники, т.-е. отношения этой высоты в России к высоте техники передовых капиталистических стран. Здесь, как и почти везде в статистическом материале, необходимы вычисления процентных соотношений, ответ на вопрос, на сколько процентов техника передовых капиталистических стран была выше русской.

Но здесь необходимо, кроме того, принять во внимание ряд чрезвычайно важных технических частностей, перемен в технике индустрии, совершившихся и введенных во второй половине XVIII века в Англии и потом распространившихся и на другие страны, в частности и на Россию.

Прежде всего надо сказать два слова о добывании кокса. Кокс получается из каменного угля путем выделения из последнего светильного газа. Но не всякий уголь коксуется, превращается в кокс. Между тем, кокс необходим, как топливо для достижения высших температур в доменных печах. Поэтому количество добываемого кокса является одним из важных признаков степени индустриально-капиталистического развития.

Затем важное значение имеет применение минерального топлива (каменного угля, нефти) в промышленности вместо топлива древесного (дров): мы сейчас увидим, что новейшие доменные печи могут особенно успешно работать именно на минеральном топливе.

Наконец, надо принять во внимание ряд новейших технических усовершенствований в промышленности.

Во второй половине XVIII в., особенно в конце его, в Англии произошли глубокие перемены в технике чугуноплавильного и же-

лезоделательного производства. Старая домница — небольшая печь в форме цилиндра, расширяющегося в середине, — была преобразована в большую доменную печь той же формы, но отличающуюся большими размерами, и сверх того рядом других усовершенствований. Первым из этих усовершенствований была воздуходувная машина, вдувавшая в доменную печь воздух, что необходимо, чтобы иметь для плавки руды и получения чугуна достаточно высокую температуру. В 1828 г. Нильсон изобрел особый аппарат, которым вдуваемый воздуходувной машиной в доменную печь воздух нагревался, становился горячим, и таким образом получалось горячее дутье вместо холодного. Этим достигнута была большая экономия кокса. Таким образом, процент доменных печей с горячим дутьем является также одним из ярких показателей высоты технического развития промышленности.

Употребление минерального топлива в железоделательном производстве стало признаком высокого прогресса техники тогда, когда в конце XVIII в. англичанин Корт открыл так называемое пудлингование, т.-е. производство железа в усовершенствованных доменных печах — так называемых пламенных или отражательных. В таких печах чугун не находится в непосредственном соприкосновении с топливом: топливо сжигается в особой топке, пламя переходит из топки в печь и раскаляет свод печи, а жар, являющийся результатом этого, расплавляет лежащий в печи чугун, заставляет сгорать выделяемый им углерод и тем превращает чугун в железо, получающееся в тестообразном виде, очень удобном для дальнейшей его обработки, для выделения железных изделий. При этом нужно перемешивать (по-английски „пуддль“) расплавленную массу чугуна, отчего и весь процесс такого производства получил название „пудлингование“. Выгоды при пудлинговании получаются, во-первых, в большей и скорейшей производительности, во-вторых, в большей чистоте и плавкости железа, в-третьих, в более высокой температуре, получаемой в отражательных или пламенных печах, т.-е. в экономии топлива, в-четвертых, в возможности и необходимости употреблять уголь вместо дров, т.-е. сберегать леса. Применение минерального топлива и является поэтому признаком развития пудлингования, технических успехов в железоделательной промышленности.

Вслед за пудлингованием в 1850 г. англичанин Бессемер изобрел так называемое бессемерование. Сущность его заключается в том, что расплавленный пламенной или отражательной

печью чугун помещается в так называемом конвертере — реторте, или большом сосуде, в который снизу вдувается множеством струй горячий воздух, отчего сгорают примеси расплавленного чугуна — углерод, кремний и марганец, — и температура конвертера быстро поднимается до чрезвычайной высоты, железо получается чистое и в жидком виде, удобном для дальнейшего производства, и производительность оказывается огромной. Поэтому, чем выше выработка на один бессемеровский конвертер, тем техника промышленного производства совершеннее.

Наконец, во второй половине XIX века французы — отец и сын Мартены — усовершенствовали изобретение англичанина Сименса, произведенное незадолго до того и заключавшееся в том, что использовались все выделявшиеся при пудлинговании и бессемеровании газы для повышения температуры доменной печи, — и в результате получились так называемые мартеновские печи для производства стали. Высота выработки стали на одну мартеновскую печь также указывает на развитие промышленной техники.

На фабриках работают живая человеческая сила рабочих и машины. Новые ценности создаются только живым человеческим трудом, без которого и машины были бы мертвы. Но машины увеличивают производительность человеческого труда. Чем выше развитие капитализма, тем больше применяются машины. Все, что затрачивается на живой труд, машины и материалы, и составляет капитал. При этом различаются две части капитала: во-первых, та, которая затрачивается на оплату труда, заработную плату, — это — переменный капитал, во-вторых, та, которая затрачивается на машины и материалы, — постоянный капитал. Отношение между этими двумя частями капитала — переменным и постоянным — называется строением капитала. Чем дальше развивается капитализм, тем больше меняется строение капитала в том смысле, что доля постоянного капитала становится большей сравнительно с долей капитала переменного. Поэтому и увеличивается производительность труда — выработка на одного рабочего, выработка на одну фабрику, количество станков, веретен и пр., приходящихся на одну фабрику. Все это — признаки развития техники и роста капитализма.

Капитализация производства (рост техники его) есть только одна сторона развития производственного капитализма. Не менее ее важна другая сторона — концентрация производства, рост круп-

ных предприятий. Оценивая концентрацию производства, как признак развития капитализма, надо, однако, принимать во внимание и степень его капитализации для того, чтобы не переоценить значения концентрации.

Промышленность развивается, когда есть достаточный для нее рынок, когда значительна покупательная способность населения. Поэтому важно определить и эту покупательную способность.

Важнейшая литература по истории народного хозяйства в России XVIII и XIX веков:

1) Билимович, Товарное движение по русским железным дорогам; 2) Брандт, Иностранные капиталы; 3) Гулишамбаров, Всемирная торговля в XIX веке и участие в ней России; 4) Гурвич, Экономическое положение русской деревни; 5) Дементьев, Фабрика, что она дает населению и что она у него берет; 6) Ден, Очерки экономической географии, ч. I; 7) Ден, Каменноугольная и железоделательная промышленность; 8) Игнатович, Помещичьи крестьяне накануне освобождения; 9) Ильин Вл., Развитие капитализма в России; 10) Карышев, Крестьянские вненадельные аренды; 11) Лосицкий, Выкупная операция; 12) Лунц, Сборник статей; 13) Лященко, Очерки аграрной эволюции России, т. I; 14) Мартов, Развитие крупной промышленности и рабочего движения в России—в „Истории России XIX в.“, изд. бр. Гранат, и отдельно; 15) Маслов, Аграрный вопрос; 16) Николай—он, Очерки нашего пореформенного хозяйства; 17) Огановский, Закономерность аграрной эволюции; 18) Погожев, Учет численности и состава рабочих в России; 19) Покровский В., Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России; 20) Покровский М., Русская история с древнейших времен (в соответствующих частях); 21) Покровский М., Очерк истории русской культуры, ч. I; 22) Постников, Южно-русское крестьянское хозяйство; 23) Радциг, Железоделательная промышленность всего света; 24) Рожков, Город и деревня в русской истории; 25) Рожков, Развитие народного хозяйства в России в первой половине XIX века—в „Истории России XIX в.“, изд. бр. Гранат, и в сборнике „Из русской истории“, том 2-й; 26) Рожков, Русская история в сравнительно-историческом освещении (в соответствующих частях); 27) Семевский, Крестьяне в царствование императрицы

Екатерины 2-й, два тома; 28) Струве, Критические заметки об экономическом развитии России; 29) Струве, Крепостное хозяйство; 30) Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем; 31) Ходский, Земля и земледелец; 32) Энгельгардт, Письма из деревни; 33) Янсон, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах.

I. Полное развитие торгового капитализма.

А. ЭПОХА ПЕТРА I.

1. Де-Бруин. — Путешествие через Московию [1]).

Царь ежегодно получает значительный доход от пошлин, установленных в этом городе [2]). Говорили прежде, что доходы эти простирались до 300.000 рублей, но это неверно. Я нашел по точным справкам, что в прошлое время они не восходили за 180 или 190 тысяч рублей, считая рубль в 5 серебряных Голландских гульденов. Ежегодно сюда приходит от 30 до 35 наших кораблей; но в настоящий год [3]) их сюда прибыло 50 и 33 Английских; а прибавить к ним Гамбургские, Датские и Бремские, число всех их простирается до 103 купеческих кораблей. Причина этому та, что туземные купцы привозили обыкновенно в мирное время множество товаров в Ригу, Нарву, Ревель, и даже в Королевец [4]) и Гданск [5]), и что большая часть торговли здесь прервана войною с Швецией, так что вся она теперь перешла в Архангельск. Считают также, что Его Царское Величество в нынешний год получит пошлин, наложенных на эти товары, с прибытия первых кораблей до отплытия последних из них, до 130 тысяч рублей, или 260 тысяч риксдалеров [6]). В это число по договору

---

[1]) Корнелий Де-Бруин (род. 1652, год смерти неизвестен), совершивший ряд путешествий на Восток, голландец, предпринимая одно из своих новых путешествий на Восток, решил проехать туда непременно через Россию, и 3/IX 1701 г. он был уже в Архангельске, затем (январь 1702 г.) прибыл в Москву, откуда через несколько месяцев и отправился на Восток. На обратном пути (в 1707 г.) он снова побывал в России. Сочинение Де-Бруина о России изобилует ценными сведениями по географии страны, по ее экономике, быту и пр. (Между прочим, он первый сообщил Европе обстоятельные сведения о самоедах.) Де-Бруин был лично знаком с Петром I, встречаясь с ним запросто в Немецкой слободе.

[2]) В г. Архангельске.

[3]) 1701 год.

[4]) Кенигсберг.

[5]) Данциг.

[6]) Риксдалер — датская монетная единица.

следует половину уплатить риксдалерами, а другую—хорошим золотом (червонцами); когда же хотели было вносить все червонцами, Русские не согласились на то, потому что они предпочитают им риксдалеры. Все это, разумеется, относится до товаров заграничных. Главные из этих товаров, привозимых сюда, суть: золото, шолк, сукна, саржа, золотые и серебряные предметы роскоши, и т. п., также кружева, золотые нитки (канитель), индиго и другие краски.

Говоря о пошлинах, которыми облагались товары, заметим здесь, что с 1667 по 1699 год платили по 20 риксдалеров с боченка вина, вместо 5 риксдалеров, которые платятся только в течение последних 3-х лет. Однако же, и теперь еще платят по 36 риксдалеров с боченка водки и 40 риксдалеров с пипа Испанского вина, содержащего в себе два боченка.

Что касается до кораблей, стоящих тут, то мы видели их на воде 15, а именно: 4 корабля военных, из которых самый большой о 54 пушках; 3 корабля для клади с продовольствием; 2 брандера и 6 бомбард. На берегу же стояли, готовые уже к спуску на воду: 5 военных кораблей, построенных по Голландскому образцу, о 60-ти или о 64-х пушках; 2 по образцу Итальянскому, от 50 до 54-х пушек; один галеас, или большая галера, по Венецианскому образцу, и 4 простых галеры; кроме того, есть еще 17 галер в Чижове, в 2-х верстах от города. Изготовлялись еще и были в работе: 5 военных кораблей, 4 устроенных по Английскому образцу, и из них два о 74-х пушках, и другие два о 60, или 64-х пушках; пятый же, носящий имя Его Величества, потому что он строился под его наблюдением, о 86-ти пушках. Там изготовлен и один пакебот, тоже под его надзором. На берегу, по другой стороне реки, видны были еще с 200 бригантин, большая часть которых построены в Воронеже. Около этого времени на р. Днепре близ Крыма находилось 400 больших бригантин, и на р. Волге 300 плоскодонных барок; более 18-ти военных кораблей у Азова, одно бомбардирское судно и одна яхта. Кроме того, у Царя есть много и других кораблей, из коих самый большой о 66 пушках; 4 корабля от 48 до 50 пушек; 5 кораблей о 36 пушках, два о 34-х, и другие поменьше, из коих самый меньший о 28-ми пушках.

В этих же местах [1]) находится лучшая сера, которую открыли здесь только два года тому назад. Работают здесь по производству этой серы в настоящее время более 4000 человек, Русских, Черемисов и Мордвы. Его Величество присылает сюда смотрителей и солдат для надзора за рабочими.

В съестных припасах в этой стране изобилие, за исключением ржи, привозимой из Казани и других мест, но в особенности мясо и рыба. Самая лучшая здесь рыба белуга, которая попадается иногда сажени в две длиной; стерлядь бывает величиной в аршин, и можно сказать, что это—лучшая рыба во всей России. В Москве ее продают живую по 5, 6 и даже 7 рублей за одну, тогда как здесь по два и по три штивера. Ее готовят и жарят почти так же, как и семгу, и это поистине самая вкусная из рыб. Есть два вида этой рыбы, один с более длинным носом, чем другой, и вообще походит на осетра, как это видно на изображении их. Севрюга ничем не отличается от осетра или, как русские называют ее, осетрины. Икру извлекают из белуги, осетрины и севрюги, и развозят ее всюду. Здесь есть еще очень хорошая рыба, называемая судак, которую приготовляют таким же образом, как и треску; потом множество щук, окуней и рыбы, похожей на сельди или небольших лещей. Самые грубые и дешевые суть с большими головами. Рыбный ряд дважды в день наполняется рыбой утром и вечером, и Волга доставляет ее в таком огромном количестве, что часть ее, оставшуюся непроданной, отдают свиньям и другим животным. Простому народу дают ее по три и четыре, величиной по футу, за кусок хлеба, который тоже вовсе недорог. В лещах и карпах недостатка нет. Наконец, прямо у рыбаков, за городом, можно купить севрюгу не дороже, как за 5, за 6 штиверов; из чего также можно судить о цене здесь на рыбу вообще. Есть еще тут у русских небольшая круглая рыба, в три дюйма толщины и соразмерной длины, которую они называют вьюн и которая ловится в одном месте, где впадает небольшая речка как бы в яму. Уверяют, что вьюны бывают и больше. Я сам наловил их множество разного роду в решето и сохранил многих из них в спирту, вместе с маленькими судаками. Я набрал бы и сохранил бы и многие другие породы рыб, если б только они были не так велики.

В окрестностях этого города (Астрахани) проживают около 40 семейств Армян, которые имеют здесь свои лавки, как я уже

[1]) Около Самары.

заметил об этом выше. Индейцы живут там в своем караван-сарае, где и совершают свои торговые дела. Число их не меньше Армян, но жен или женщин у них нет.

Это место довольно обширно, обнесено четырехугольною каменною стеной, в которой есть несколько ворот. У двух главных ворот находится постоянная стража, и вечером эти ворота запирают в известные часы. Армянские купцы, приезжающие и отъезжающие, берут себе здесь помещение, и я также остановился здесь с своими Армянами. Есть и такие Армяне, которые постоянно живут тут и имеют свои лавки. Они имеют там свои Ханы, или особые отделения. Отделение на время приезжающих в два яруса, с галереями, а отделение Индейцев, находящееся совсем у других ворот, все деревянное. Недавно Индейцы выстроили, впрочем, один каменный магазин, из опасения огня, которому наиболее подвержены деревянные строения. Это новое строение довольно обширно и поместительно, в 40 квадратных футов. Армяне, следуя их примеру, также начали возводить себе подобное строение и вывели уже основание в вышину человека.

(Корнелий де-Бруин. — Путешествие через Московию.)

2. Указ о единонаследии [1]).

О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах.

1714. Марта 23.

Мы, Петръ Первый, Царь и Самодержецъ Всероссiйскiй, и проч., и проч., и проч. Объявляемъ сей указъ всѣмъ подданнымъ Нашего Государства, какого чина и достоинства оные ни есть.

---

[1]) Для регулярной армии Петру I необходим был офицер, достаточно обеспеченный, который мог бы подготовляться к службе и служить не обременяя своих крестьян непосильными поборами. Имея это в виду, Петр и издает указ об единонаследии, устанавливающий такой вид землевладения, которое является наследственным, неделимым и вечно-обязанным службою. При наличии нескольких сыновей земля, по смерти отца, наследуется только одним из сыновей, — или старшим, или, если такова воля покойного отца, любым из младших. Наследники, не получающие после покойного землю, получают свою часть в ином, движимом имуществе покойного. Имение же не дробится между наследниками. Безземельные наследники не обязаны служить, они могут заниматься чем им угодно. Получивший же имение должен служить.

Указ 1714 года, который приводится нами в выдержках, был плохо обработан, не свободен от противоречий и неясностей и впоследствии неоднократно дополнялся и разъяснялся (например, пункты от 28 мая 1725).

Понеже раздѣленіем имѣній послѣ отцовъ дѣтям недвижимыхъ, великой есть вредъ въ Государствѣ Нашемъ, какъ интересамъ Государственнымъ, такъ и подданнымъ и самимъ фамиліямъ паденіе, а именно:

I. О податяхъ. Напримѣръ, ежели кто имѣлъ тысячу дворовъ и пять сыновъ — имѣлъ домъ довольной, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное; когда по смерти его раздѣлится дѣтямъ его, то уже только по двѣсти дворовъ достанется, которые, помня славу отца своего и честь рода, не захотятъ сиро жить, но каждой ясно, (хотя и не такъ), то уже съ бѣдныхъ подданныхъ будетъ пять столовъ, а не одинъ, и двѣсти дворовъ принуждены будутъ едва не то жъ нести, какъ тысяча несла, (а государственныя подати податьми), отъ чего не разоренья ль суть людямъ, и вредъ интересамъ Государственнымъ? ибо податей такъ исправно не могутъ платить двѣсти дворовъ въ казну и помѣщику, какъ тысяча дворовъ, ибо (какъ выше написано) съ тысячи одинъ Господинъ, (а не съ двусотъ дворовъ), который пятою долею доволенъ будетъ, а впрочемъ облегчитъ крестьянамъ, которые исправнѣе въ казну и Господину подати платить могутъ. И тако отъ того раздѣленія казне Государственной великой есть вредъ, и людемъ подлымъ разореніе.

II. О фамиліяхъ. А когда отъ тѣхъ пяти по два сына будутъ, то по сту дворовъ достанется, и тако далѣе умножаясь, въ такую бѣдность придутъ, что сами однодворцами застать могутъ, и знатная фамилія, вмѣсто славы, поселяне будутъ, какъ уже много тѣхъ экземплеровъ есть въ Россійскомъ народе.

III. О непотребности. Сверхъ обѣихъ сихъ вредительныхъ дѣлъ, еще и сіе есть, что каждый, имѣя свой даровый хлѣбъ, хотя и малой, ни въ какую пользу Государства безъ принужденія служить и простираться не будетъ, но ищетъ всякой уклоняться и жить въ праздности, которая (по св. писанию) матерію есть всѣхъ злыхъ дѣлъ.

На противу жъ того. На первую: ежели недвижимое будетъ всегда одному сыну, а прочимъ только движимое, то Государственные доходы будутъ справнѣе, ибо съ большаго всегда Господинъ довольнѣе будетъ хотя по малу возметъ, и одинъ домъ будетъ, а не пять (какъ выше написано), и можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять.

На вторую: фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы.

На третію: прочіе не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. И то все, что оные сделаютъ вновь для своего пропитанія, Государственная польза есть: чего ради за благо изобрѣтено чинить по сему, как объявлено ниже сего:

1. Всѣмъ недвижимых вещей, то есть родовыхъ, выслуженныхъ и купленныхъ вотчинъ и помѣстій, также и дворовъ, и лавокъ не продавать и не закладывать, но обращатися онымъ въ родъ такимъ образомъ:

2. Кто имѣетъ сыновей, и ему же аще хощетъ, единому изъ оныхъ дать недвижимое чрезъ духовную, тому въ наслѣдіе и будетъ; другіе же дѣти обоего пола да награждены будутъ движимыми имѣніи, которыя долженъ отецъ ихъ или мать раздѣлити имъ при себѣ, какъ сыновьямъ, такъ и дочерямъ, колико ихъ будетъ, по своей воли, кромѣ онаго одного, который въ недвижимыхъ наслѣдникомъ будетъ. А ежели у онаго сыновей не будетъ, а имѣетъ дочерей, то долженъ ихъ опредѣлити такимъ же образомъ. А буде при себѣ не опредѣлитъ, тогда опредѣлится указом недвижимое по первенству бóльшому сыну въ наслѣдіе, а движимое другимъ равною частію раздѣлено будетъ; то жъ разумѣется и о дочеряхъ.

3. Кто бездѣтенъ, и оный воленъ отдавать недвижимое одному фамиліи своей, кому похочетъ, а движимое, кому что похочетъ дать сродникамъ своимъ, или постороннимъ, и то въ его произволеніи будетъ. А ежели при себѣ не учинитъ, тогда обои тѣ имѣнія да раздѣлены будутъ указомъ въ родъ; недвижимое одному по линіи ближнему, а прочее другимъ, кому надлежитъ, равным образомъ...

(Памятн. по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 60.)

---

3. Ведомости Петра I[1]).

1703 г.

№ 1, от 2 января.

На Москвѣ Вновь нынѣ пушекъ мѣдных гоубицъ и мартировъ вылито 400, тѣ пушки ядромъ — по 24, по 18 и по 12 фунтовъ. Гоубицы бомбомъ пудовые и полупудовые. Мартиры бомбом девяти трех и дву пудовые и менше. И еще много формъ готовыхъ великихъ, и среднихъ къ литью пушекъ гоубицъ и мартировъ: А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, болше 40 тыс. пудъ лежитъ.

Повелѣніем его величества московскіе школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ філософію, и уже діалектіку окончили.

Въ математической штюрманской школѣ болше 300 человѣкъ учатся, и добрѣ науку пріемлют.

---

[1]) Петр Великий 16 декабря 1702 г. издал указ о печатании Ведомостей, а 2 января 1703 г. в Москве вышел первый номер Ведомостей. Они издавались то в Москве, то в С.-Петербурге до 1727 года, когда они были переданы Академии Наук, которая вместо них основала новый орган, под названием „С.-Петербургские Ведомости". Ведомости Петра I являются первой русской печатной газетой, которая, в принципе хотя бы, была доступна не только для государя и двора, но и для более широких кругов, — номера Ведомостей поступали в продажу. До печатных Ведомостей у нас, на Руси, существовали рукописные газеты, — исключительно для царя и его приближенных. Сведения в рукописные газеты попадали из иноземных, откуда их переводили (газеты на Западе известны в XV — XVI в.). Иностранные же газеты попадали к нам случайно, и лишь во второй половине XVII в. заботятся о том, чтобы они доставлялись регулярно: так, в 1665 г. Приказ Тайных Дел, ведавший, между прочим, и личные дела царя Алексея Михайловича, заключает договор с некиим Иваном Сведеном относительно правильной доставки иноземных газет. Петр от рукописной перешел к печатной газете. Крупным недостатком нашей первой печатной газеты было то, что она воспроизводила более иностранную жизнь, чем русскую. Кроме известий об иностранной жизни, Ведомости много места уделяли реляциям о различных сражениях, которых было так много в царствовании Петра I. Ведомости печатались не в одном каком-либо количестве экземпляров: число экземпляров колебалось в зависимости от степени интереса событий, описываемых в Ведомостях; обыкновенно газеты печатали в нескольких стах экземпляров (но иногда тираж доходил до нескольких тысяч). Часть номеров безденежно рассылалась различным именитым лицам, а остальные поступали в продажу. До нас дошли почти все номера петровских Ведомостей, недостает лишь некоторых.

На москве ноября съ 24 числа, и по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человѣк.

Из персиды пишутъ. Индейскій царь послалъ въ дарахъ великому Государю нашему слона, и иныхъ вещей немало. Из града шемахи отпущенъ онъ въ астрахань сухимъ путемъ.

Из казани пишутъ. На рѣкѣ соку нашли много нефти, и мѣдной руды, изъ той руды мѣдь выплавили изрядну, от чего чают немалую быть прибыль московскому государству.

Из сибири пишут. Въ китайскомъ государствѣ езуитовъ велми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены...

№ 5, от 1 февраля.

В Олонецкомъ уѣздѣ, въ Даймогубской волости, въ Камени найдена мѣдная руда, и той руды накопано съ двѣсти пудъ, да въ томъ же Олонецкомъ уѣздѣ въ Даймогубской волости, въ каменной горѣ сыскана же самородная мѣдь, и набрано сю многое число плитами, длиною по аршину, шириною въ три четверти аршина, и болши, толщиною въ два вершка, вѣсомъ по 4 и по 5 пудъ, и по опытам, изъ той руды, и самородной мѣди, медь самая добрая, красная.

Да въ Козельском уѣздѣ в Дубинской волости, сысканы квасцовые, купоросные и сѣрные руды, и на дѣло квасцовъ, купоросу, сѣры горючей, тѣх рудъ изготовлено многое число...

№ 11, мартъ.

Изъ Азова Рускіе торговые люди съ пограничными иноземцы въ Азовѣ торги свои отправляютъ изрядно, и въ Царьградъ отходят такъ же и къ нашимъ изъ Царяграда и отъ иныхъ странъ приходятъ съ разными товары свободно, и отъ сего себѣ поживленіе имѣютъ не мало...

№ 37, декабрь.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ пришелъ къ санкт-питербурху корабль галанской съ товары, съ питьями, и съ солью, на которомъ былъ шиперъ, и нѣколико матросовъ, и тотъ корабль по повелѣнію господина губернатора принятъ по обыкновенію, и за приходъ подарено вышеупомянутому шиперу за столомъ въ дому его гу-

бернаторскомъ пять сотъ золотых, а матросомъ кои съ нимъ были по триста ефимков коемуждо, и при томъ сказано ему во обнадеживаніе другихъ, естьли потомъ другой корабль туда придетъ, и тому кто на томъ кораблѣ, дано будетъ триста золотыхъ, такожде естьли и третій корабль придетъ дано будетъ сто пятьдесятъ золотыхъ, и съ тѣмъ тотъ вышеупомянутый корабль, отъ санктпитербурха отпущенъ въ належащій ему путь со оудовольствованием, а товары всѣ, которые на томъ кораблѣ были куплены повольною цѣною...

1719 г.

№ 2, июль.

Каналъ, которой назначенъ въ нынѣшнемъ году, отъ Волхова въ Нѣву рѣку, на стѣ верстахъ, оного выкопано на 12 верстъ. Къ котором работѣ работных людей всякои день прібавляется, и оная работа успѣваетъ.

Новогородецъ купецкой человѣкъ Міхаило Сердюковъ, своімъ коштомъ, взялъ каналъ учініть въ Новогородскои провінціи имянуемои Шляну: которая блізъ Мстіна озера, чтобы пустить тѣмъ каналомъ изъ рѣки Шляны чрезъ озеро въ рѣку Цну и Тверцу, отъ которой прібылои воды, въ тои Цнѣ й Тверцѣ рѣкахъ, судамъ весма свободнои ходъ будетъ...

№ 6, июль 27.

Купецкіх кораблеи по сіе чісло съ разными товары въ пріходе было сюда 23, а имянно, Любскіх [1]) 7, Галанских 12, Амбурскои [2]) 1, Гданскіхъ [3]) 2, Венецыіскои 1, изъ которых некоторые нагрузя здѣшніми товары, пѣнкою, юфтью, и саломъ и смолою, отсюду пошли во свои краи...

№ 11, августъ.

Сего августа по 19 чісло, было в пріходѣ сюда [4]) торговыхъ 33 корабля, а имянно:

---

[1]) Из г. Любека.

[2]) Из Гамбурга.

[3]) Гданск, это — польское наименование Данцига.

[4]) Как в данном номере, так и в № 6, „сюда“ означает — в С.-Петербург.

Галанских 15; Аглінскіхъ 5; Гданскіхъ 4; Ванецкои 1; Гамбурскои 1; товары на оныхъ сукна, олово, штофы, гарусы, инбірь, чюлки, часы, каламінки, баіки, и разные пітья, ягоды, и конфекты, изъ которыхъ нынѣ при Санктъпітербургскои прістани 16, а протчіе нагрузя Россінскіми товары пенкою, ютью, и протчіми, пошли во свои краи...

№ 14, августъ.

По повелітелнымъ отъ Его Царскаго Велічества указомъ, здѣсь всякіе вновь произведенные дѣла благополучно обращаются.

А имянно.

Въ Государствѣ обрѣтающіися металли, и минераліи весма изрядно выходятъ, и уже многіе богатые руды явіліcь, чего ради и чужестранныхъ рудокопныхъ мастеровъ прізывать указано, и изъ Русской націи к тому понятнѣішіхъ выбіраютъ.

Готе и Бассе Ліспеpы, съ ихъ красілнями поставлены, и отъ Французскіхъ мастеровъ изрядныя шпалеры дѣлаются, и многие рускіе люди тому дѣлу обучаются.

Шолковыя, штофные, лентовыя и чюлошные, такожде и шерстяные маніфактуры, въ добромъ порядкѣ происходятъ, к которымъ работамъ съ двѣсти человѣкъ охотныхъ рабятъ для науки запісалось, и простои народъ къ сімъ наукамъ особливую охоту показуютъ.

На преісахъ изъ Стекголма пловущыя мастеровыя люди прівезены сюда, которымъ повелѣно каждому свое проізводіть ремесло, для размноженія маніфактуръ в Государствѣ.

Также во многіхъ губерніяхъ новыя заведены овчарныя заводы, при которыхъ чужестранныя овчары, нашеи націи людей обучаютъ, какімъ образомъ оныя содержать овцы, отъ которыхъ бы добрая шерсть въ маніфактурѣ обрѣтатіся могла, и не токмо на заводѣх оную велѣно проізводіть, но и крестьяномъ собственныхъ ихъ овецъ, велѣно такімъ же порядкомъ содержать, чего ради для обучения людей съ заводовъ во все Государство велѣно разослать.

На рѣкѣ Охтѣ выше Канецъ построены пороховые деревянные заводы и дѣлаютъ на ніхъ порохъ Рускіе пореховщікі водою.

На Санктъпітербургскомъ острову строятца новые пороховыя заводы каменнымъ и деревяннымъ зданіемъ, и дѣлаетъ на оныхъ

порох Галанец порохового дѣла мастеръ, каменными жерновами, лошадми, и по пробѣ протівъ, прежняго гораздо онои сілнѣе.

Нынѣ на Літеіномъ дворѣ выліто пушекъ мѣдныхъ [1]) по новому маніру, шти фунтовыхъ двенатцать, трехъ фунтовыхъ четыре, дву фунтовыхъ четыре, и того дватцать, и на ніхъ изображаютъ гербы съ ихъ украшениемъ, которыя вскорѣ будутъ со всѣмъ въ готовности.

Въ Казанской губерніи на рѣкѣ Ахтубѣ, построены вновь Селітерные заводы, съ которыхъ прісылаетца селітры къ пороховому дѣлу не малое чісло, такъ же и въ протчіхъ губерніяхъ оныхъ построено, и прісылаютъ въ Москву къ пороховому дѣлу селітру многоежъ чісло.

На тулскихъ оружеіныхъ заводахъ Рускіе мастеры дѣлаютъ ружье, фузѣи салдатскіе и драгунскіе, пістолѣты, мушкатоны, стуцеры, а сверлятъ и обтіраютъ их водою весма изрядно.

Здѣсь кругомъ всего Адміралтеіства болшеи канал, отъ осенней болшои воды поврежденой, нынѣ для почінки воду выліваютъ и надѣютца нынѣшняго году утвердіть.

Въ нутри Адміралтеіства, другой каналъ, которого уже двѣ доли во окончаніе пріходятъ, а третьюю долю того канала окончать не мочно, для того, въ которомъ мѣстѣ оному каналу быть въ томъ мѣстѣ на штапелѣ заложенъ осмидесятой корабль, и того для нынѣшняго лѣта едва можетъ ли во окончаніе пріттіть.

По внутреннемужъ каналу внутрь Адміралтеіства строятца каменные мастеровые избы, и половіна уже и во окончаніе пріведена. А другая надѣютца, что нынѣшняго года достроітца, ибо Царское Велічество намѣренъ нынѣшняго году, всякого званія къ Адміралтеіству мастерствъ перевесть, для лутчаго усмотрѣнія, въ помянутые палаты.

При Адміралтеіствѣ жъ на штапелѣхъ 11 кораблей, которыми зѣло поспѣшаютъ къ отдѣлкѣ, для чего опредѣленъ гвардіи маеоръ, въ томъ чіслѣ 1 осмидесятной [2]), чаютъ нынѣшнія осени спустить.

(Вѣдомости времени Петра Великаго, т. I и т. II.)

---

[1]) Пушка 6 фунтов, это — орудие, стреляющее шестифунтовыми ядрами.

[2]) Корабль определенного размера.

4. Фабрика Тамсена.

(Из дневника Берхгольца[1]) — 1722 г.)

Вчера один здешний богатый и очень уважаемый императором купец, по фамилии Тамсен, просил его королевское высочество[2]) осчастливить, сегодня утром, своим посещением недавно заведенную им здесь полотняную фабрику и потом пожаловать к нему обедать...

Мы пошли пешком через двор в небольшую мастерскую позади дома (настоящая большая фабрика Тамсена в городе). Здесь все у него устроено как нельзя лучше и со всеми удобствами, какие только нужны для такого сложного мануфактурного заведения. Тут же, под рукой, находилось и все необходимое для беления полотен. Он изготовляет не только всякого рода грубые полотна, тик и камку, но и такое полотно, которое почти так же тонко, как Голландское. Конечно, мастера выписаны им были из Голландии; однакож здешние граждане все-таки полагают, что полотно его не имеет прочности Голландского, хотя на вид и очень хорошо. Впрочем, и то много, что он в столь короткое время, в несколько лет, достиг здесь до того, что все сидящие у него за станками — Русские, и что есть даже и Русские мастера, которые, как он надеется, скоро совершенно заменят ему иностранных. Нам оставалось еще осмотреть большую фабрику; но как до нее было далеко, а время обеда уже приближалось, то мы здесь смотрели все наскоро, нигде не останавливаясь долго и спеша скорее отделаться.

Сев в сани, мы отправились в город на большую фабрику, которая помещается в большом каменном доме... — По приезде туда, мы осмотрели все по порядку, и я должен признаться, что

---

[1]) Берхгольц юность свою провел в России, затем он уехал к себе на родину и там, находясь на службе при герцоге Голштинском, дослужился до придворного звания камергера. Берхгольц, после своего первого отъезда из России, еще дважды посетил нашу страну: он жил у нас по несколько лет — 1721—1728 и 1742—1746 г.г. Свой „Дневник“, пользующийся большой известностью, Берхгольц начал вести с 1721 и довел его до 30 сентября 1725 г. В „Дневнике“ Берхгольца отражается, главным образом, красочный быт петровской эпохи и интимная жизнь государя. На русском языке „Дневник“ появился впервые в конце 50-х годов XIX века.

[2]) Герцог Голштинский, при котором состоял Берхгольц.

никак не ожидал, чтобы хозяин фабрики мог устроить здесь такое заведение и привести его в столь цветущее состояние. Оно имеет сто пятьдесят ткацких станков, за которыми работают почти исключительно одни Русские, и производит все, чего только можно требовать от полотняной фабрики, т.-е. все сорта полотна, от грубого до самого тонкого, прекрасные материи для скатертей и салфеток, тонкий и толстый тик, простыни как узкие, так и необыкновенно широкие, тонкие канифасы для камзолов, цветные носовые платки и множество других подобных вещей. Содержание его обходится до 400 рублей в месяц. Когда мы прошли через мастерские, хозяин повел нас наверх, в комнату, где, по Русскому обычаю, велел разносить водку и наставить на стол разных лакомств, за который мы немного присели и несколько времени разговаривали. Потом, при сходе вниз, он показывал нам свой магазин, где у него сохраняется товар, изготовленный на фабрике и еще не проданный. Он имеет также несколько лавок для продажи своих товаров и, кроме того, отпускает их большое количество за море, не говоря уже о ежегодных значительных поставках в казну. Оттуда мы поехали в третье место, где должны были обедать и где находится здешняя прядильня, состоящая под надзором Тамсена и работающая для его фабрики, которая, говорят, пользуется большими льготами. При въезде нашем во двор, раздались звуки труб. Желая как можно более выразить радость— видеть у себя его Высочество, хозяин пригласил трех трубачей Императрицы. Войдя в дом, мы нашли там уже накрытый стол.

После обеда г. Тамсен повел нас сперва в женское отделение, где работают девушки, отданные на прядильню в наказание лет на 10 и более, а некоторые и навсегда; между ними было несколько с вырванными ноздрями. В первой комнате, где их сидело до тридцати из самых молодых и хорошеньких, было необыкновенно чисто. Все женщины, находившиеся там и ткавшие одна подле другой вдоль стен, были одеты одинаково и даже очень красиво, именно все они имели белые юбки и белые камзолы, обшитые зелеными лентами. Замужние женщины были в шапках, сделанных у некоторых из золотой и серебряной парчи и обшитых галуном, а девушки простоволосые, как обыкновенно ходят здешние простолюдинки, т.-е. с заплетенными косами и с повязкою из ленты или тесьмы...

После того мы прошли еще в другие мастерские, где не было уже той чистоты, напротив, воняло почти нестерпимо.

В заключение, Тамсен повел нас в комнату, где сидело человек двадцать или тридцать свободных работников, которые ткали за деньги: но заработная их плата почти не превышает того, во что обходится содержание арестанта. Отсюда мы отправились опять наверх в ту комнату, где обедали; но так как головная боль его Высочества становилась все сильнее и сильнее, то он скоро простился с хозяином и около 4-х часов со всею своею свитою уехал домой. . .

(Дневник Камергера Берхгольца, ч. II, стр. 63—66.)

---

5. Указ о покупке к заводам деревень[1]).

1721. Генваря 18.

Понеже хотя по прежнимъ указамъ купецкимъ людямъ деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещеніе было того ради, что оны, кромѣ купечества, къ пользѣ Государственной другихъ никакихъ заводовъ не имѣли; а нынѣ по Нашимъ указамъ, какъ всѣмъ видно, что многіе купецкіе люди компаніями, и особно многіе возымѣли къ приращенію Государственной пользы заводить вновь разные заводы, а именно: серебреные, мѣдные, желѣзные, игольные и прочіе симъ подобные, къ томуж и шелковыя, и полотняныя и шерстяныя фабрики, изъ которыхъ многіе уже и въ дѣйство произошли. Того ради позволяется симъ Нашимъ указомъ, для размноженія такихъ заводовъ, какъ Шляхетству, такъ и купецкимъ людямъ къ тѣмъ заводамъ деревни покупать невозбранно, съ позволенія Бергъ и Мануфактуръ-Коллегіи, токмо подъ такою кондиціею, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно. И для того, какъ Шляхетству, такъ и купечеству, тѣхъ деревень особо безъ заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымыслы ни за кѣмъ не крѣпить, и на выкупъ такихъ деревень никому не

[1]) Петр I, заботясь о развитии русской промышленности и вполне справедливо полагая, что фабрики и заводы, для успешного и правильного их функционирования, должны быть обеспечены рабочими руками, издает приводимый здесь указ, который разрешает фабрикантам и заводчикам из купцов покупать к их предприятиям земли, населенные крепостными крестьянами. Но купленные деревни должны были быть „при тех заводах неотлучно". Нужно сказать, что вообще заводские промышленники были при Петре в привилегированном положении — их деятельность ставилась на-ряду с государственной службой.

отдавать, развѣ кто похочетъ для необходимыхъ своихъ нуждъ тѣ деревни и съ тѣми заводы продать, то такимъ продавать съ позволенія Бергъ и Мануфактуръ-Коллегіи. А ежели кто противо сего поступитъ, то онаго всего того лишить безповоротно.

А ежели кто будет заводы заводить токмо для лица малые, чтобъ ему тѣмъ у кого деревни купить, и таковыхъ вымышленниковъ до той покупки отнюдь не допускать, и смотрѣть того накрѣпко в Бергъ-Мануфактуръ-Коллегіи; а ежели таковые явятся, и ихъ по усмотрѣнію штрафовать отнятіемъ всего движимаго и недвижимаго имѣнія.

(Пам. по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова № 67.)

6. Таможенный тариф 1724 года[1]).

Протокол соединенного присутствия Коммерц-Коллегии и Мануфактур-Коллегии[2]) 11 ноября 1723 года, по обсуждению вопроса о назначении таможенных пошлин на привозимые и отпускные товары.

1723 года, ноября 11 дня. Коммерц- и Мануфактур-Коллегии имели конференцию по силе Его Императорского Величества именного указу сего ноября 6 дня о наложении пошлины на вывозимые товары, которые делаются на российских мануфактурах. и при том присутствовали:

Коммерц-Коллегии:

Президент Иван Бутурлин.

Советники:

Бакон.

Гордон.

---

[1]) См. о таможенном тарифе в настоящем сборнике—в отрывке из сочинения Фоккеродта.

[2]) Петр Великий решил в 1715 г. преобразовать государственное устройство России по шведскому образцу и для осуществления намеченной цели отправил некоего Генриха Фика в Швецию собирать материалы для предстоящей реформы. На основании шведских штатов, привезенных Фиком, был составлен и утвержден персонал всех Коллегий, являющихся центральными органами государства. В ведении Коммерц- и Мануфактур-Коллегий были, как это явствует из их наименований, торговля и промышленность государства. Обе эти Коллегии в 1731 были соединены в одно целое, потом опять разделяются; Коммерц-Коллегия просуществовала до 1811 г. (Мануфактур-Коллегия была ликвидирована раньше.)

Ассесор:
Соловьев.
Обер-комиссар:
Вилирс.
Мануфактур-Коллегии:
Президент Новосильцев.
Советник:
Кассис.

И согласно положили следующее, и в протокол обеих Коллегий записать приказали:

На бахрому золотую и серебряную по силе Его Императорского Величества именного указа 1718 года, а на мишурную, хотя оной фабрики в России нет, однако дабы не вывозили под видом тех золотых и серебряных бахром; а на шелковую для того, что она делается в России, положить 25 процентов.

На бархаты итальянские и голландские и всяких рук, положить 25 процентов для того, что делается в России.

На всякую бумагу $12^1/_2$ процента для того, что она делается в России, но только еще в совершенство не приходила, к тому же и материалами недовольна.

На байки по оценке до $12^1/_2$ процента для того, хотя за такою пошлиною из-за моря и вывозить будут, однакож дешевою ценою в России из лавок продавать не могут и сим образом русским товарам продажи будет способнее.

На бумазеи или тики разных рук, три доли для того, что в России делается довольно и уже отпускается за море.

На бахромы флоретовые и шерстяные и гаруспые по $12^1/_2$ процента для того, хотя такие и не делаются, однако же делаются шелковые, которыми может замениться.

На бутылки всякие с оценки по $12^1/_2$ процента для того, что внутри государства во многих местах делаются, а в Санкт-Петербургском порте их мало и этою пошлиною внутрь государства не повезут.

На воск и на свечи восковые $37^1/_2$ процента с оценки для того, что оного в России имеется довольное число.

На золото и серебро золоченое и пряденое по силе указа 1718 года, 25 процентов.

На золоченые и серебряные материи, хотя оных в России не делается, однако же по силе именного указа 1718 года $37^1/_2$ процента, такожды и на шелковые положить, тоже для того, что оные делаются в России.

На иглы $37^1/_2$ процента для того, что в России делаются.

Крахмалу синему быть в прежней силе, а на белый положить $37^1/_2$ процента для того, что в России имеются заводы и в домех партикулярных делаются.

На коломянки всяких рук положить $37^1/_2$ процента для того, что в России делаются.

На колпаки бархатные положить 2 процента для того, что бархаты делаются в России и дабы в продаже оных не было препоны.

На шелковые тканые с золотом $37^1/_2$ процента по силе именного указа о запрещении золота и серебра, прочиеж остаются в прежней пошлине по тарифу.

Кноп или канипас $37^1/_2$ процента для того, что в России довольно.

Кожам золотым и серебряным быть в той же силе для того, что в России не делаются.

Ирхе быть в той же силе, для того, что в России не делается ж.

Козлиным сухим быть в той же силе, для того, что и своим вывоз запрещен.

Кожам телятинным сухим быть в той же силе, для того, что здесь в дело годятся.

На замши всякие положить $12^1/_2$ процента для того, что оные делаются в России.

На карты положить с оценки 25 процентов, для того, что оные делаются в России.

На все ленты положить $37^1/_2$ процента для того, что оных в России довольное число.

Мылу испанскому, итальянскому быть в той же силе для того, что в России не делается.

На парчи шелковые положить 25 процентов для того, хотя и ныне не делаются, однако же впредь делаться могут, дабы шелковым парчам русским в продаже препятия не было.

На парчи шерстяные с шелком, хотя оных ныне не делается, однако же чтоб шелковой фабрике помешательства не было, положить $12^1/_2$ процента, а которые делаются из одного шелку $37^1/_2$ процента, для того шелковые делаются в России.

На позументы золотые и серебряные, и галуны, и кружева такие шелковые с золотом и серебром, по силе именного указа 1718 году; а на шелковые, или беретные, бархатные, гарусные

и шерстяные для того, что иные делаются в России; положить $37^1/_2$ процента.

На полотна голландские, варендарские, и билефежские, и шленские прочие иностранные положить 25 процентов для того, что оные делаются в России хотя и не с довольством, однако же впредь надежно могут умножиться.

На парусные положить $37^1/_2$ для того, что оные делаются в России с довольством, которые иные за море посылаются не мало.

Полотнам вощеным, лощеным, печатным и крашеным быть в той силе, для того, что в России таких не делается.

На скатерти и салфетки камчатые положить $37^1/_2$ процента для того, что такие здесь делаются.

На патоку белую и черную сахарную, положить с оценки $37^1/_2$ процента для того, что оной имеется довольно на сахарной фабрике.

На парчи шерстяные, всякие подкладочные, хотя оные и не все в России деляются, однако же чтоб тем, которые здесь делаются, препятствия не было, положить $12^1/_2$ процента с оценки.

На пуговицы золотые, серебряные, волоченые, обшивные положить 20 процентов для того, что в России не токмо на фабриках, но и в партикулярных домах делают.

На пуговицы шелковые, и гарусные, и шерстяные, и волосяные, и медные всяких рук с оценки 5 процентов для того, что оных здесь фабрики не имеется.

На пуговицы роговые положит $37^1/_2$ процента для того, что оные делаются в России.

На пояса шелковые, на шляпы положить $37^1/_2$ процента для того, что хотя оные и не делаются, однако же могут делать на шелковых фабриках.

Портулеям кожаным быть в той силе для того, что в России фабрики нет, а делают партикулярно.

На посуду глиняную, муравленную и ценинную делоскую и простую по 5 процентов.

На пиргамен положить $12^1/_2$ процента.

Рукавицам всем быть в той же силе для того, что в России фабрики нет.

Рюмкам и стаканам и всякой питейной, хрустальной посуде быть в той силе, хотя здесь и делаются, однако же не с довольством.

Рогам быть в той силе для того, что фабрики нет.

Сукнам всяким быть в прежней силе.

На стамеды всякие положить $12^1/_2$ процента для того, что делаются в России.

На сукна, яренки и саржи то ж, как и на стамеды.

Сахару сырцу быть в той же силе.

На сахар головной и леденец всяких рук деланных $37^1/_2$ процента для того, что оной делается в России.

Саже быть в той же силе.

Стеклам оконичным то ж, хотя в России делаются, однако не с довольством.

На тафты итальянские, французские, голландские, швейцарские и прочих рук $37^1/_2$ процента для того, что в России делаются.

На трипы шелковые и гарусные всяких рук положить $12^1/_2$ процента для того, что в России делаются не с довольством.

На флеры шелковые и крепы, и прочие всяких рук 3 процента для того, что оных здесь не делается и фабрикам оттого помешательства не будет.

На тюли всякие $12^1/_2$ для того, что оные и делаются, однако еще не с довольством.

На штофные, полушелковые, с гарусом, с бумагой, с шерстью всяких рук, хотя здесь и не делаются, однако же, чтоб не было помешательства фабрикам, положить $12^1/_2$ процента.

На шляпы всяких рук $12^1/_2$ процента для того, что хотя фабрики нет, однако ж делают с довольством в партикулярных домех.

Фланелям быть в той силе, понеже здесь не делаются.

ОТВОЗНЫЕ.

На кожи, лосиные, и оленьи, и сайгачьи не деланные $37^1/_2$, для того, что потребны на российские фабрики, а на деланные 5 процентов.

На кожи воловые и коневые, на лосиное дело 2 процента.

Кожам коневым, сухим быть в той же силе.

Кожам сухим бухарам быть в прежней силе.

Кожам дубленым говяжьим в той же силе.

Кожам соленым говяжьим то же.

Кожи козлиные не деланные $37^1/_2$ для того, что оные потребны на фабрики и на мундир, а на деланные 3 процента.

Кожи телячьи сухие 5 процентов.

С кожи ирхи 3 процента.

Кожам козлиным и бараньим замшаным быть в прежней силе.

Кордевану и козлиным кожам то ж.

С кож бараньих без шерсти не деланных 5 процентов, а с деланных 2 процента.

На пряжу всякую $37^1/_2$ для того, что оная употребляется в мануфактуры.

Система пошлин, установленная тарифом 1724 года, заключается в следующем.

Оставлено в силе запрещение привоза краски бакана; более же в тарифе запретительных статей не встречается. Но на те продукты, которые, по мнению составителей тарифа, производились в достаточном количестве в России, пошлина назначена в очень высоком размере — 75% ad valorem. К таким предметам, например, отнесены:

Скатерти, салфетки и парусина.

Шелковые парчи, тафта, канаус, ленты, колпаки и пр.

Из предметов заводской обработки очищенный воск, крахмал, поташ, купорос, скипидарное масло.

Железо не в деле.

Иглы.

Пергамент.

Некоторые мелочи, как-то: табачные трубки и пр.

Сухие телячьи кожи.

Высоко покровительственная пошлина — 50% с цены — наложена на:

Голландские полотна и т. п.

Бархаты, тонкие сорта баек.

Волоченое и пряденое серебро.

Карты.

Довольно умеренными покровительственными пошлинами (25%) обложены:

Все вообще шерстяные ткани, кроме сукон.

Полушелковые ткани.

Выделанные кожи.

Чулки, бахрома, рукавицы и т. д.

Писчебумажный товар.

Железное оружие.

Бутылки стеклянные.

Пошлины с других продуктов имеют, как кажется, фискальный характер. Более высокие пошлины приходятся на разные мелкие вещи, составляющие предмет роскоши и потребляемые лицами, более или менее состоятельными: двадцатью процентами обложены галантерейные товары, к которым отнесены — готовое женское платье, зеркала, игрушки и т. п.

Довольно умеренные фискальные пошлины в размере 10% установлены на разные предметы, употребляемые в обыкновенном обиходе и не составляющие предмета роскоши — на медную и оловянную посуду, оконные стекла, гребни, трости и т. д., на простые, дешевые ткани и т. п., затем почти на все продукты потребления и, наконец, на предметы особо в тарифе не поименованные.

На многие предметы оставлена прежняя пошлина, в 4 — 6%, с некоторым только округлением — на меха, на вина, на припасы, привозимые в неприготовленном виде, на рыбу, на сукна.

На дерево пошлина уменьшена до $1^1/_2$%. Допущены к беспошлинному привозу: изделия из драгоценных металлов, огородные семена, животные, кроме лошадей, многие строительные материалы, и некоторые предметы потребления, как то: апельсины, померанцы и лимоны, устрицы и т. д. На вина пошлина уменьшена против прежнего, на сахар наложена в очень высоком размере.

Что касается отвозных товаров, то пошлина с них оставлена в прежнем размере — около 3% с цены. Оклады увеличены только на те из отпускных товаров, относительно которых Россия до некоторой степени имела монополию вывоза — на некоторые меха, на икру и пр. Запретительная пошлина наложена на отпускную пряжу из льна и пеньки — для поощрения русского ткацкого производства.

Так как во время издания таможенного тарифа правительство стремилось к тому, чтобы товары, прежде вывозившиеся через Архангельск, были обращены к С.-Петербургу, то в тарифе было установлено, чтобы с товаров, привозимых и отпускаемых через Архангельскую Таможню (кроме местных продуктов — леса, дегтя и пр.) взимались пошлины с прибавкой 25% к окладам, установленным в тарифе.

(Ладыженский — История русск. тамож. тарифа, стр. 61—63; текст тарифа 1724 г. по Приложению 1.)

---

7. Иоганн Фоккеродт о России при Петре I[1]).

Вообще при своих учреждениях для торговли он [2]) имел в виду следующие предметы: 1) как бы ему уменьшить количество иноземных товаров, привозимых в Россию, и зато увеличить вывоз своих туземных; 2) предупредить тайную кражу пошлинных сборов и привести их в лучший и правильнейший порядок; 3) вырвать морскую торговлю из рук овладевших ею иностранцев, и поощрить своих русских к перевозке их товаров на собственных кораблях в чужие края.

Для достижения первой цели он выбрал самый простой путь— развитие горного дела и заведение фабрик в Царстве, какие обыкновенно заводятся в чужих краях. Еще в самое первое путешествие в Голландию он нанял великое множество художников и ремесленников по разным родам ремесл: булочников, проволочников, бумажных мастеров, ружейников, суконщиков и пр.; сверх того, сделал большие поощрения тем из них, которые сами собою захотят итти в Россию и заводить там фабрики. Хотя начавшаяся потом шведская война не дозволила ему преследовать эту цель с надлежащею строгостью, однако ж он так мало упускал ее из виду, что не только постоянно старался привлечь множество людей этого рода, но и отправил многих из своих подданных в Англию и Голландию обучаться фабричному производству, какое там в употреблении. В особенности он старался привести в лучшее положение полотняные и шерстяные фабрики в России, и заметив, что шерсть там очень груба, что за овцами не было надлежащего ухода, он выписал овец и овчаров из Саксонии и Силезии.

В свое путешествие по Франции он совсем уже решился завести в России фабрики богатых шелковых тканей, как в Лионе, Орлеане и Туре, и поручил это трем богатейшим и сильнейшим господам в своем крае: Великому Адмиралу Апраксину, Барону Шафирову и Графу Толстому, дал им для того очень

---

[1]) Знаменитый французский писатель Вольтер (1694 — 1778) задумал писать историю Петра I (он ее и написал в 1759 г., но это —очень слабое в историческом отношении произведение). Почитатель Вольтера, прусский кронпринц (впоследствие император Фридрих Великий), поручил секретарю прусского посольства при русском дворе Фоккеродту составить записку о положении России в начале XVIII столетия, что тот и исполнил в 1737 году.

[2]) Речь идет о Петре I.

выгодные льготы, между прочим такую, что им позволялось ввозить в Россию беспошлинно богатые шелковые товары, впрочем, несколько лет только, пока еще их фабрика не будет в полном ходу. Господа продали эту льготу за двадцать тысяч рублей частным купцам.

Несмотря на все эти выгоды, они находили, однакоже, такую плохую прибыль для себя от этой фабрики, что, потерявши на нее порядочный капитал, через несколько лет бросили ее совсем.

Точно такую же участь имела и большая часть прочих фабрик, заведенных Петром в России с помощью иноземных мастеров, а русские молодые люди, отправленные им в Англию и Голландию, так полюбили тамошнюю свободу, что многие из них предпочли эти страны своему отечеству и никогда не возвращались назад; те же, которые, наконец, убеждены были воротиться, получили от своих земляков так мало поощрения и такую плохую награду, что с отчаяния вдались в распутство и лишились от пьянства рассудка и жизни.

Со всем тем Петр I еще при жизни довел разные фабрики до того, что они в изобилии доставляли, сколько было нужно для России, таких товаров, как, например, иглы, оружие, разные льняные ткани и в особенности парусину, которою могли не только снабжать флот, но и ссужать другие народы.

Наконец, в его царствование разработаны были и рудники в Сибири, особливо старанием одного простого кузнеца Демидова (нажившего при этом такой капитал, что у сына его теперь больше 100 тысяч рублей доходу) и, вместо того, чтобы получать железо и медь из Швеции, как бывало в старые годы, Россия может отправлять и то и другое, особливо железо, в чужие края.

Морские пошлины в начале настоящего столетия существовали на странном основании, вовсе неизвестном другим европейским народам. По уставу все внутренние и иностранные товары должны были платить четыре процента пошлины, кроме пшеницы и вин, для которых была особливая роспись (такса). Но так как, по старинному соглашению с купцами, пошлину следовало платить полновесными талерами, которых приходилось 14-ть на русский фунт, а талер принимался не выше 50-ти копеек по старинной его стоимости, не смотря на то, что в последствии он возвысился 80-ти, 90-та, даже до 100 коп. и выше, да кроме того, таможенный вес превышал 5-тью процентами обыкновенной: стало быть, пошлину можно верно полагать в 9 процентов. Однако же купцы

должны были платить ее с баланса, каковой оказывался самым высшим на стороне ввозимых или вывозимых товаров, и за то за обратный путь с товарами не бралось с них никакой пошлины: это приносило очень значительную прибыль конторам, пользовавшимся поручениями многих и разных купцов, из которых каждому они могли показывать в счетах полную пошлину (т.-е. пошлину при ввозе и при вывозе, хотя последняя и не взималась).

Этот способ пошлинного сбора введен был сперва в Архангельске. Русские считали его выгодным, полагая, что подобное снисхождение заохотит иностранцев покупать и вывозить русских товаров больше, нежели они были намерены. Но Петр I был такого мнения, что иностранцы и без того должны будут брать русский товар, если имеют в нем надобность или находят выгоду от его сбыта, а с убытком себе и для таможенной выгоды не станут же торговать, потому и считал такое поощрение совершенно излишним и вредным для торговли, тем еще более, что выгода от того шла в пользу не купцу, который выписывал русские товары, и, стало быть, заслуживал ее с большим правом, но проживавшему в России поверенному (комиссионеру), который торговал не на свой счет, а зависел от купца.

По этой причине он решился отделить пошлину с привозимого и вывозимого товара и заставить платить их особенно с каждого, как водилось то в других торговых местах, для чего и поручил новоучрежденной коммерц-коллегии, чтобы она, при содействии мануфактур-коллегии, составила тариф на таком основании и прислала к нему для просмотра, а при том деятельно старалась бы строгим морским уставом предупредить кражи при пошлинном сборе.

Обе коллегии работали над этим несколько лет кряду и, наконец, составили тариф, в котором вообще все русские товары обложены были $6^1/_2$ процентов, за то иностранные по меньшей мере 11, а фабрики не только с хорошим производством, но и такие, которые еще надо было привести в лучшее состояние, обложены 30, 45 и даже 80-ти процентов. Хотя поверенные и предлагали при этом, чтобы тариф введен был на таком основании в одном Архангельске, а в Петербурге понижен был на 4-ю долю против того, в видах поощрения тамошней торговли, но Петр I не нашел это предложение по своему вкусу, а постановил, чтобы тариф привести в действие, как он есть, в Петер-

бурге, в Нарве и в Выборге, а в Коле и в Архангельске на 4-ю долю возвысить.

После того, в марте 1724 года, тариф был обнародован вместе с очень суровым таможенным уставом, в том же году введен и со всею строгостью приведен в исполнение, несмотря на то, что некоторые корабли отплыли уже в Петербург прежде, нежели в другие земли пришло известие об этом тарифе, и на тариф и на устав поступали большие жалобы от туземного и иностраного купечества; таможни на другой же год нашли, что доходы больше уменьшились, нежели увеличились от возвышения пошлины, потому что так высоко обложенные товары либо не ввозились совсем в страну, либо доставлялись потаенным путем: они сделали всевозможные представления против того. Со всем тем Петр I всегда оставался при однажды принятом решении, и не хотел слышать ни о каком облегчении пошлин.

Между тем, его главным намерением в торговом деле постоянно было то, чтоб сделать из своих подданных настоящих купцов и довести до того их, чтобы они отвозили товары и сбывали их в чужих краях не через посредство других мореплавательных народов, а на собственный счет и на своих перевозных судах. Уже в начале нынешнего столетия он пытался на это, и послал в Амстердам одного русского купца, Соловьева, учредить там русскую контору; в видах наиболее счастливого успеха даны ему не только поручения от Русского Правительства, но и предоставлены важные выгоды в русской торговли. Это действительно был человек способный и прямодушный, а потому и пользовался своими преимуществами с таким успехом, что в немногие годы приобрел значительный капитал, а своим честным поведением — большую любовь и уважение всего голландского купечества. Но в последнюю бытность в Голландии, в 1717 году, Петр I поддался внушению каких-то наушников, которых жадности не хотел удовлетворять Соловьев. Царь велел тайно увезти этого купца из Голландии, бросить в корабль и отправить в Россию. Тогда разом упала вся русская торговля в Амстердаме: тамошнее купечество до того изверилось, что после ни одному русскому нельзя было снискать там доверия и завести какое-нибудь важное купеческое учреждение.

Это, однакоже, не испугало Петра: он решился сделать попытку, нельзя ли сбывать через русских товары своей страны в такие государства, которые до того времени не вели никакой

прямой торговли с Россией. И так он обязал своих богатейших купцов собрать значительные склады пеньки, льна, корабельных канатов, воску и других русских товаров, и послать их во Францию и Испанию; к этому он от себя велел еще прибавить некоторое количество чугунных пушек, морских ядер, бомб и корабельных якорей, и отправил на своих собственных кораблях в Бордо и Кадикс, куда вперед уже поехали нарочные русские консулы. Но и эта торговля пошла так плохо, что расходы поглотили весь капитал, и имевшие доли в барышах, от нее получили немного или совсем ничего.

Железо у Царя теперь из Сибири, и такое хорошее и мягкое, что даже и шведского не отыщешь лучше, дубового и другого крепкого леса с излишком, потому что рубить его запрещено под строжайшим наказанием, кроме как для царского употребления; серы и селитры вдоволь у них из Украины; для бомб и гранат ни в каком месте нечего и желать лучше железа тульского и из Олонца при Онежском озере, по его твердости и хрупкости, потому что при разрыве оно рассыпается на множество кусков; металлы для литья пушек и мортир навезено из Польши, Ливонии, Финляндии и Литвы; для переливки есть еще в Москве порядочный запас старинных пушек, в которых однакоже нет надобности, потому что и без того у них пушек невероятное множество. Ружья уже больше им не нужно с такими расходами выписывать из-за моря: Сибирское железо дает такие хорошие ружейные стволы, которые на примерной стрельбе всегда выдерживают тройной заряд без всякой опасности. Все воинское платье у Царя теперь из собственной земли, потому что заведена большая прекрасная фабрика для выделки сукон и хорошо идет. Чулочников много пришло из Пруссии, которые и работают все, сколько нужно; шляп делается достаточно, а о башмаках, сапогах, холсте для рубашек нечего и говорить, так так этот товар доставляет Вратиславская [1]) торговля через Киев. Все нужное для кораблестроения там в изобилии, так как другие иностранцы большую часть грузов вывозят из Москвы в другие страны, а как скоро поспевают постройкою в здешних местах корабли, это давно уже показал опыт. В войске долго бы еще не было недостатка, если бы, по моему ничтожнейшему мнению, призыв на войну, как, однакоже, должно называть набор

[1]) Вратислав, это — чешское название Бреславля, города Силезии.

(вербовку), производился не так бестолково и не с таким вредом для края: этот набор всегда падает только на деревни и земледельческий народ, отчего очень убывает пашен и хлебопашества; господа каждый год должны ставить с своих поместьев соразмерно порядочное число народа с одеждою, лошадьми и содержанием, отчего, во-1-х, крестьяне выводятся из страны и часто гибнут с голода в поле, по случаю плохого распоряжения содержанием для них; во-2-х, от страха будущего такого же набора скрываются в лесах или бегут в самые дальние страны и покидают пашни необработанными, потому и налоги, которые должно платить уменьшенное таким образом число народа, все становятся тяжеле; съестные припасы с каждым годом поднимаются в цене; хлеба не так много, возовые лошади, которых должно употреблять для разной перевозки припасов, становятся реже, потому что на них надобно отправлять подводы и военные повозки в военный стан, а назад их приходит оттуда немного: в дороге изнуряются и падают от плохого присмотра; торговля в стране приходит в дурное положение. . . . . .

(И. Г. Фоккеродт — Россия при Петре Великом.)

---

8. Фабричная промышленность.

Из числа фабрик и заводов, возникших при Петре, были и очень крупные. Казенные горные заводы в особенности отличались огромными размерами. Об этом можно судить по тому, что к 9 пермским заводам было приписано 25 тысяч крестьян мужского пола. На Сестрорецком оружейном заводе работало 683 человека. К казенному оружейному заводу в Туле было приписано 508 крестьянских дворов. На казенной парусной фабрике в Москве было 1162 рабочих. Но и на частных фабриках производство велось в крупных размерах. На московской суконной фабрике компанейщиков купеческих людей Щеголина „с товарищи“ в 1729 г. работало 730 рабочих на 130 станах; на казанской суконной фабрике Микляева работало 742 человека; московская полотняная фабрика Тамеса с компанией имела 443 стана и 841 рабочего; ярославская фабрика Тамеса и Затрапезного — 172 стана и 180 рабочих; на московской ленточной и позументной фабрике Милютина было 280 рабочих; на шелковых мануфактурах компании Евреинова в 1728 г. работало до 1500 мужчин и женщин.

Таким образом, Петру несомненно удалось вызвать у нас крупное производство. Но следует ли отсюда, что случайные личные воззрения Петра и его преемников играли решающую роль в истории нашей промышленности? Можно ли согласиться с Корсаком, что Петр мог выбрать другой путь — покровительства кустарной промышленности, и тогда наше экономическое развитие пошло бы совершенно иначе?

Для ответа на этот вопрос нужно вспомнить об экономическом положении России до Петра. В допетровской Руси не существовало промышленного капитализма, но был вполне развит торговый капитализм. Концентрация торгового капитала, наблюдавшаяся в допетровской Руси, была вызвана не правительственными мероприятиями, а естественной эволюцией торговли, преимуществами крупной торговли перед мелкой. Этот-то торговый капитал и явился базисом, на котором основалось крупное производство в эпоху Петра.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к именным спискам петровских фабрикантов. Нередко думают, что петровские фабрики устраивались главным образом иностранцами.

Однако, на самом деле значительно бо̀льшая часть фабрикантов петровской эпохи были людьми чисто русскими и принадлежали к торговому сословию. Первыми суконными фабрикантами были купцы Сериков и Дубровский, фабрика которых возникла еще в 1698 г. Крупнейшая суконная фабрика — „Большой суконный Двор“ в Москве—принадлежала русской купеческой компании Щеголина с товарищами — гостиной сотни Иваном Култыгиным, Болотиным, Пушниковым, Твердышовым, Сериковым и др. Другая крупная суконная фабрика в Казани принадлежала также купеческой компании казанца гостиной сотни, Микляева. Компания Шафирова, Толстого и Апраксина, монополизировавшая производство шелковых материй в России, продержалась только несколько лет: с 1721 г. вельможные члены компании пригласили в свою среду 8 человек из купечества, а в 1724 г. шелковые мануфактуры окончательно перешли в руки купеческих компанейщиков, вернувших Апраксину и Толстому внесенный ими капитал. Таким образом, в Москве возникло 5 шелковых фабрик, из которых 4 принадлежали купцам Евреинову, Старцову, Павлову, Мыльникову и 1—армянину Францову. Игольный завод, единственный во всей России, принадлежал также купеческой компании Томилина и Рюминых.

Первая частная полотняная фабрика в России принадлежала компании русских торговых людей—Андрею Турке (или Тур-

чанинову) и Цымбальщикову с товарищами. Этой компании правительство передало в 1711 году полотняные, скатертные и салфеточные заводы в Новонемецкой слободе, которые раньше были в ведении Польского приказа.

Одним из крупнейших петровских фабрикантов был ярославец гостиной сотни Затрапезный. Ему принадлежали, кроме полотняной, также писчебумажная, коломяночная и масляная фабрики. Крупным полотняным и писчебумажным фабрикантом был также купец Афанасий Гончаров.

Из менее крупных фабрикантов можно упомянуть о купцах Волкове (коломяночная фабрика), Филатове (полотняная фабрика), Корнилове (писчебумажная фабрика), Скобельникове (кожевенный завод), Павлове и Никифорове (платочная фабрика), Панфилове (платочная фабрика), Бабушкине с компанией (суконная фабрика), Собольникове (суконная фабрика), Никите Ворогине (каразейная фабрика), Кузнецове (каразейная фабрика), Кириллове (трубочная фабрика) и проч.

Из числа иностранцев, кроме Тамеса, Тиммермана и Вестова (последний, впрочем, был московским купцом, — он стоял во главе компании, имевшей сахарный завод), мы не встречаем в петровское время крупных фабрикантов. Но и Тамес был только главой обширной компании русских торговцев (Микляева, Шепелева, Пастухова, Карамышева, Попова, Неврева, Затрапезного и др.). Сам Тамес внес только десятую часть всего компанейского капитала.

Суконные фабрики иноземцев Фибиха, Пранга и Литхена были небольшими заведениями. Первая работала на 15-ти, 2-я на 10-ти станах, 3-я была еще меньше. Точно так же чулочная фабрика Монбриона не была, повидимому, крупной...

Итак, личный состав петровских фабрикантов доказывает, что крупная промышленность развилась в соответствующей среде, которая была создана всей предшествовавшей историей Московского Государства — именно, в среде крупных торговцев. Эта среда не была делом рук Петра, но если бы ее не существовало, то и возникновение у нас крупного производства в мало-мальски широких размерах было бы невозможным. И это по той простой причине, что возникавшие фабрики, несмотря на пособия правительства, требовали крупных денежных затрат со стороны частных лиц, стоявших во главе этих фабрик. Мы имеем по этому вопросу

кой-какие отрывочные данные. Не нужно преувеличивать размеров непосредственной денежной помощи казны вновь устраивавшимся частным фабрикам. В особой ведомости, специально составленной в 1727 г. Мануфактурной Конторой, упоминается только о 8 пособиях фабрикантам из средств государственного казначейства, при чем сумма этих пособий определена в 89.672 р.

Эта ведомость не полна, так как в ней не упоминается о некоторых денежных пособиях фабрикантам, несомненно имевших место. Всего таких неупомянутых пособий я мог насчитать на сумму в 6.140 р.

Отсюда видно, что большая часть денежных пособий казны фабрикантам указана в этой ведомости. Следовательно, эти пособия играли весьма небольшую роль. Ими воспользовался, быть может, десяток-другой частных фабрик, а всего их было учреждено в петровское время, вероятно, гораздо более сотни. Иными словами, значительно большая часть петровских фабрик, устраивавшихся частными лицами, обходилась без денежной помощи со стороны казны. Между тем, устройство фабрики требовало крупных денежных затрат. По некоторым фабрикам мы имеем точные сведения относительно этого пункта. Так, например, на шелковые мануфактуры компании Шафирова, перешедшие затем к купеческой компании, был затрачен тремя учредителями, Апраксиным, Толстым и Шафировым (кроме денег, полученных из казны), капитал в 57.838 р., да, кроме того, лица из купечества, приглашенные в компанию, внесли 23.500 руб. Таким образом, на эти мануфактуры всего затрачено частных капиталов 81.338 руб., да казна внесла деньгами (кроме построек, материалов и пр.) 36.672 руб. Если перевести эти суммы на современные деньги, то мы увидим (принимая в соображение изменение ценности денег), что устройство шелковых мануфактур компании Шафирова потребовало, на наши деньги, более миллиона рублей.

На устройство полотняной мануфактуры Тамеса затрачен денежный капитал в 46.700 руб. (кроме 5.000 р., полученных в ссуду от казны). Из этих денег только 4.500 руб. были внесены самим Тамесом, а остальные — компанейцами из купечества, при чем самый большой взнос был сделан Микляевым, вложившим в дело 12.000 руб. Этот самый Микляев получил впоследствии суконную фабрику в Казани, — очевидно, это был крупный капиталист.

На устройство игольного завода компания Томилина и Рюминых затратила денежный капитал в 33 тыс. руб.

Наконец, по словам Шторха, на полотняную фабрику Гончарова был затрачен капитал в 142 тыс. руб.

По этим немногим примерам можно видеть, что даже в том случае, когда фабриканты получали денежные и иные пособия от казны (фабричные строения, материалы, мастеровых и пр.), приходилось приплачивать крупные суммы на ведение фабричного дела. А так как большая часть фабрик устраивалась без всякого содействия казны („заведена своим коштом“ — обычная отметка в ведомостях о петровских фабриках), то фабрикантами могли быть лишь крупные капиталисты того времени — преимущественно купцы. Лишь благодаря существованию в тогдашней России капиталистического класса, Петр достиг своей цели — насаждения у нас крупного производства. Но капиталистический класс был создан не Петром, а всей предшествовавшей экономической эволюцией Московского государства.

В допетровской Руси крепостными владели служилые люди. Между тем, первые петровские фабриканты выходили почти исключительно из рядов купечества, разночинцев или иностранцев. Сама жизнь поставила вопрос: каким же образом фабрики будут получать нужные им рабочие руки? При учреждении фабрики владельцу давалась обыкновенно привилегия, которой ему разрешалось свободно нанимать русских и иноземных мастеров и учеников, „платя им за труды достойную плату“. Если фабрикант получал уже устроенную фабрику от казны, то ему нередко передавались вместе с фабричными строениями и фабричные мастеровые. Так, например, компания Турчанинова и Цымбальщикова получила в 1711 г. от казны полотняные заводы вместе с мастеровыми. Точно так же казенных мастеровых получила и компания Щеголина, к которой перешла в 1720 г. казенная суконная фабрика в Москве; казенные мастеровые были даны, далее, Ивану Тиммерману, назначенному в 1720 г. директором парусной фабрики. Затрапезный получил для своих фабрик в Ярославле мастеровых с упраздненных казенных заводов. При учреждении коломяночной фабрики Волкова ему было дано 5 станов и 58 мастеровых с упраздненной казенной фабрики в С.-Петербурге.

Иногда для снабжения фабрик рабочими руками к фабрикам приписывались целые села; так, например, Тамес получил к своим полотняным фабрикам село Кохму, в Шуйском уезде, с 641 крестьянским двором. Но, в большинстве случаев, фабриканты должны

были сами приискивать себе рабочих путем найма. Это было в высшей степени трудно. На фабрику приходилось набирать всякий сброд.

Петровские фабрики не могли держаться вольнонаемным трудом. Этим и объясняется знаменитый петровский указ 18 января 1721 г., которым на „купецких людей“ было распространено в высшей степени важное право покупать к фабрикам и заводам населенные деревни „под такой кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно“.

Благодаря этому указу, петровские фабрики быстро перешли от свободного к принудительному труду.

(М. Туган-Барановский — Русская фабрика в прошлом и настоящем.)

---

9. Горное дело на Урале и в Сибири.

Недавно устроенные заводы были запущены, отчасти по малому знакомству с производством горного дела их прежних управителей, а всего более по недостатку рук; кроме того, частные заводчики, как например Демидов, лично смотревшие за своими рудокопами, подрывали казенные заводы, переманивая с них к себе лучших рабочих. Главными казенными заводами были: Уктусский, застроенный в 1702 году на реке Уктусе; Каменской, застроенный в 1701 году по указу тобольского правления Сибирской губернии на реке Каменке, от Перми в 445 верстах, от Тобольска в 500; между частными заводами был самый древний из всех Уральских — Невьянский, застроенный еще в 1699 году и переданный в 1702 году в руки Демидова. Татищев приехал в Кунгур 31 июля, а уже 12 и 14 декабря посланы были к нему из Берг-коллегии указы о разыскивании медной руды в окрестностях кунгурских, о недозволении Демидову копать медную руду близ Уткинской слободы под штрафом, равно и принимать шведских пленных, русских мастеровых и крестьян, бегающих с Уктусского завода. Были и другие препятствия в устройстве заводов. Между запущенными находился Полевский медный, в котором руда добывалась с 1702 года; но в 1718 году, 10 июня, „Башкирцы, Чубар-Балагушев с товарищи, собрався многолюдством, все строения на тех рудниках выжгли, работных людей согнали и впредь промы-

шлядь запретили". По приезде в Кунгур, Татищев донес о том в Берг-коллегию; по ее представлению послан был чрез Татищева указ из Сената в Уфу к полковнику графу Головкину, от 4 декабря 1720 года, а к башкирцам грамота. Граф Головкин и воевода уфимский, Бахметев, отвечали Татищеву, в июне 1721 года: „что явились у них в Уфе, уфимского уезда, сибирской дороги, телеутской волости, Башкирцы Чубар Батырь, он же и Балагушев с товарищи, и, выслушав присланный из Сената указ и с грамоты копию, сказали посланным к ним для копания и искания руд, что они Башкирцы, Чубар с товарищи, всею волостию никакого прещения чинить не будут и в том подписались". Несмотря на то, башкирцы и татары первым рудоискателям были противны и убивали их. За помощью Татищев обратился к тобольскому воеводе, на самых заводах строил дворы и определил для охранения пограничных областей драгун сибирского полка; в Берг-коллегию сделал представление о необходимости завести горное начальство в Тобольске, куда иногда и сам ездил, выхлопотал указ (29 июля 1721 года) о переводе Ирбитской ярмарки в Уктусский завод, наконец, начал в 1721 году строить железный завод на реке Исети в горах, и сделал город немалой Екатеринск, теперешний Екатеринбург.

Шведское правительство, как и в XVII веке, неохотно передавало русским людям знания и средства, которые могли бы служить для увеличения материальных сил России; Татищев должен был испытать это на себе: приходилось действовать за секрет деньгами. А тут еще Берг-коллегия, которой он был советником, не очень беспокоилась об удовлетворении во-время всех его требований. Посетив салбергские серебряные заводы, автафорские медные, Бервфоро, где делают медь зеленою, стальгеймские, чевельские, фалунские медные и железные, и уведомив Берг-коллегию о своих договорах с тамошними бергмейстерами и маркшейдерами, он просил разрешения на подарки им за призрение над учениками, просил выслать в числе последних таких людей, которые бы начало в знаменовании и механике имели или начало физики и математики знали; просил денег на чертежи заводских строений: „хотя я здешние строения,—писал он,—прилежно осматриваю и, могу сказать, каждодневно смотрю, не могу всего высмотреть, ибо такое множество преизрядных, хитростных и великих машин, что невозможно в три или в четыре месяца внятно описать". Представляя всем

своим расходам подробные счета, он каждый раз напоминал коллегии о деньгах: но, не получая обстоятельного решения ни на единое из своих донесений и не желая беспутно жить в Швеции, обратился к старому начальнику своему, деятельному де-Геннину. Написав ему в Пермь, Татищев скоро узнал, что де-Геннин в Петербурге, и „оным обрадовался, ибо для вспоможения мне для пользы государственной,—говорит он в письме своем,—великую на вас надежду имею, и прошу, дабы вы изволили и в коллегии напамятовать, чтоб не медлили решением на мои доношения. Напредь сего я о управителях писал, но отповеди не имею, и за тем желающим ехать принужден отказывать против моей должности. Я здесь у славных механиков Полгейма, Дура и Нильсона такие искусные и весьма государству полезные машины видел, что дивиться миру надобно; потому я представлял, дабы прислать человека искусного в механике, а особливо токаря Андрея Константинова (т.-е. известного любимца Петра,—Нартова), или из артиллерийских афицеров, ежели прилежного к механике знаете, и с ним искусных кузнецов и столяров, дабы оные могли основательно понять и сами такие, сделав здесь, к великой корысти государственной в России употребить. Оных за множеством не упоминаю, только весьма обнадеживаю, что великая польза государству быть может; ежели б я имел деньги оные купить, воистенно для пользы отечества труд свой паче всех подданных полагая, не жалел бы всего отеческого имения положить, ежели б возможность токмо имел". Получив ответ де-Геннина, который, между прочим, советовал ему постараться и мастеров принять, и машины внятно осмотреть, Татищев писал: „колико могу, о том стараюсь, токмо мастеров достать здесь трудно явным лицом; ибо издавна оным выезд запрещен, и хотя б чрез посторонних людей учинить уповал, но без дельных подарков, как вы известны: что таких дел трубкою табака не сделаешь, а особливо здесь, где деньги паче лучшего доктора желание и требование внушить могут; и без того едва что возможно бы сделать. Машины внятно смотрю, и надеюсь некоторые упомнить, однако ж для оных великих искуств, не веря себе все упамятовать, договорился с здешним славным обер-маркшейдером Гейслером чертеж ямы фалунской на 25 листах да чертежи всех машин в плане и профиле перспективически на 10 листах большой александрийской бумаги, т.-е. Imperial-papir, за 100 червонных сделать, которое французский посланник за один чертеж токмо дать не жалел; но мне коллегия запретила, також подарки давать приняли за непо-

требное; и сим не только охоту, но и возможность к полезной отечеству услуге оставили в сумнении, для которого ничего учинить не могу". У Татищева была еще мысль съездить в Саксонию, чтобы самому обстоятельнее видеть разность между тамошним и шведским горным искусством, а не слышанию только уверяться. Съездить в Саксонию Татищеву не удалось, но он был в Копенгагене, где, равно как и в Швеции, имел случай со многими учеными разговаривать и потребные для истории и географии книги достать.

Наконец, в октябре 1725 года присланы были из России ученики к Татищеву для отдания их на заводы. По надлежащем исполнении этой последней комиссии ему приказывали возвратиться в отечество, сдав присмотр за учением посланнику Головину. Но лишь к январю следующего года удалось Татищеву распределить присланных к разным занятиям, одеть их приличным образом, устроить содержание и присмотр за ними; все это обошлось в 2184 рубля. По окончании всего он обратился к Головину с просьбой принять от него комиссию по документам, снабдить деньгами на возвратный путь в Россию и для уплаты некоторых долгов, собственных Татищева и по комиссии. Недостаток денег он объяснил тем, что коллегия, несмотря на его частые просьбы, вместо денег присылала одни отказы с гневом, как бы не веря его показаниям и считая его расходы самовольною и бездельною прихотью. В случае, если б правительство отказалось заплатить Головину ту сумму, которую просил у него Татищев, последний обеспечивал уплату ее всем своим имением. Но Головин не соглашался не только на это, но еще более на принятие самой комиссии: он нашел бездну затруднений, при своей посольской обязанности, брать еще новую. Особенно смущали его хлопоты, которые были неизбежны с поездками на заводы, с присмотром за успехами и поведением учеников. Он знал по опыту, как жили русские, учившиеся тогда заграницею. При русском посольстве в Стокгольме еще прежде были два ученика для шведского языка: но один из них, Семен Мальцов, бежал неведомо куда, а другой, Федор Немчинов, к науке никакой охоты и прилежания не показывал, наиболее употреблял себя к гульбе и пьянству и к другим непотребностям, и унимания в том не слушал, за что и отдан был в курьеры (согласно указу 1723 года, июля 26). Ученики Татищева уже начинали жаловаться на скудость получаемого ими содержания, а иные хотели искать пропитания иным

способом, — уйти и записаться в солдаты. Донося в Петербург о таких препятствиях к принятию на себя комиссии Татищева, Головин ставил непременным условием для того немедленную высылку 2.600 рублей,— суммы, которая была необходима, по словам Татищева, для окончательного расчета по всем контрактам и для его собственного отъезда. Высланы ли были эти деньги, неизвестно; но 22 апреля 1726 года Головину выслали из Петербурга рескрипт в котором говорилось: „Сим тебе повелеваем у выше помянутого советника Татищева в Швеции комиссию принять и над обретающимися тамо российскими учениками в их обучении и в протчем и в протчем иметь надлежащее надзирание“; а в июне Татищев был уже в России и подал в Берг-коллегию отчет о своей поездке, где объяснял между прочим, что в русскую службу принял только одного поручика Рефа, „понеже оного чинить ему корона шведская не допустила и мастерам к нему тайно для таких договоров приходить воспретила; также купоросному и серному, и угольному мастерству отдать учеников не достало, однакож угольному и непотребно, понеже не лучше нашего“. Ученики, оставленные им в Швеции, возвратились уже в 1728 году и некоторые из них были посланы на Урал к де-Геннину.

(Попов — В. Н. Татищев и его время.)

Б. XVIII ВЕК ПОСЛЕ ПЕТРА I.

10. Внешняя торговля второй половины XVIII века.

I. Вывоз из России заграницу[1]):

ГОДЫ.	Продукты добыв. пром. в рублях.	Продукты скотоводства в рублях.	Продукты земледелия в рублях.	Продукты индустрии в рублях.	Общая сумма вывоза в рублях.
1760-е годы	2.916.081	945.282	7.892.000[4])	2.133.137[6])	13.886.500
1790-е годы	10.029.679[2])	5.193.233[3])	18.711.496[5])	5.708.592[7])	39.643.000

[1]) Таблица составлена по Storch, Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs im XVIII-n Jahrhund.

[2]) В том числе вывоз железа и лесных продуктов возрос почти впятеро. Причина большого вывоза железа—дешевизна древесного топлива,

II. Ввоз в Россию из-за границы:

За 1790-е годы общая стоимость всего ввоза—23.130.000 р. (в том числе продуктов индустрии ввезено на 19.423.200 р. [8]).

---

11. Основные пути внутренней торговли.

Намечаются шесть крупных районов, по которым распределялось тогда это движение: 1) центральный, средоточием которого служила Москва, 2) северный, с средоточием в Архангельске, 3) северо-западный, с средоточием в Петербурге, 4) юго-западный, с средоточием в Риге, 5) южный и 6) сибирский.

Москва являлась крупнейшим узлом торгового движения для всего центрального района. Стягивавшиеся сюда из всех центральных провинций торговые грузы, помимо местного Московского потребления, получали затем при посредстве Москвы многообразное дальнейшее направление. Одна сильная волна шла к Петербургу. Пшеница, конопля, кожи, сало, щетина составляли главный материал этого движения. Другое движение развивалось в пределах самого центрального района. Привлекая к себе сырые продукты из центральных провинций, Москва возвращала их туда же в переработанном виде. Выдающуюся роль в этом обороте играла шерсть. В Москве и подмосковных селах работали многочисленные ткацкие заведения, потреблявшие эту шерсть и выпускавшие на московский внутренний рынок готовые ткани. Здесь, в Москве, производилась и закупка сукон на армию главным военным комиссариатом. Третье движение направлялось из Москвы в далекую Сибирь. Четвертое — на север, в район Архангельского порта.

употреблявшегося до конца XVIII века во всем мире до новых технических усовершенствований, потребовавших минерального топлива (угля, нефти).

[3]) В том числе вывоз сала возрос вшестеро и щетины впятеро.

[4]) В том числе хлеба на 2.525.440 руб., льна, пеньки, льняного и конопляного семени и льняного и конопляного масла на 5.287.640 руб.

[5]) В том числе хлеба на 2.961.840 руб., льна, пеньки, льняного и конопляного семени и льняного и конопляного масла на 15.549.600 руб.

[6]) В том числе полотняных и льняных изделий на 1.941.055 руб.

[7]) В том числе полотняных и льняных изделий на 4.281.444 руб.

[8]) Главным образом сахар, сукно, шерстяные и хлопчатобумажные изделия и вина.

Наконец, в-пятых, через Московский район проходило большинство и привозных заграничных товаров.

Купцы внутренних провинций России приобретали эти товары у заграничных фирм обыкновенно не на наличные деньги, а в кредит от шести месяцев до двух лет. Дисконт этих оборотов находился в руках московского купечества и составлял немаловажный элемент в деятельности московского рынка. Все эти условия высоко поднимали торговое значение Москвы не только для одного центрального района, но и для всей России. Это значение, сложившееся исторически, еще в эпоху московского царства, не умалилось и с переменой путей нашей внешней торговли в начале XVIII века. Борьба Петербургского порта с Архангельским, кончившаяся победой первого, не затронула коммерческой гегемонии Москвы по отношению к внутренней России. Как раньше для Архангельска, так впоследствии и для Петербурга, Москва сохраняла роль связующего торгового узла между приморскими портами и внутренним русским рынком. Самостоятельное торговое значение других городских пунктов Московского района совершенно стушевывалось перед самой Москвой. Особого упоминания заслуживают не более пяти-шести из этих городов. Серпухов и Верея являлись выдающимися поставщиками продуктов в Москву и Петербург. Коломна вела значительную торговлю пригонным с Украйны рогатым скотом. До 16 тысяч голов пригонялось туда ежегодно с Украйны. Коломна поставляла с этих гуртов в Москву и Петербург соленое мясо, топленое сало и кожи. Переяславль-Залесский, Гороховец и Вязниковская слобода — города Владимирского района — посредствовали между этим районом и Москвою и торговым движением с Украйны и Астрахани.

Вторым пунктом после Москвы по важности положения во внутренней торговле Росиии являлся Нижний-Новгород. К нему тяготело все среднее Поволожье. Совершенно исключительное значение доставляла этому городу Макарьевская ярмарка, этот ежегодный генеральный смотр русской торговли во всех ее разветвлениях и отраслях. Казань служила узлом, смыкавшим с центральным районом Прикамье и Приуралье. Кроме того, Казань была в середине XVIII столетия оживленным центром мануфактурной промышленности. Она высылала переработанные продукты во многие области внутренней России. Из пунктов Казанского края заслуживает упоминания еще Лаишев на Каме

по шедшим через него траспортам пермской соли. На юго-востоке центрального района выдавался по своему значению Саратов, как узел, сцеплявший с центральным районом нижнее Поволожье. Пенза, Тамбов, Калуга — центры хлебной торговли. Хлебные грузы направлялись чрез эти города из северных частей черноземного района в центральную область. Однако, кроме названных городов, другие города соответствующего района мало питались этим торговым движением. Самое большее, что можно назвать, это — Саранск в добавление к Пензе и Елатьму и Козлов в добавление к Тамбову. Калугу придется уже оставить в полном одиночестве, так как ни один город калужского наместничества, кроме самой Калуги, не выдавался сколько-нибудь замечательным участием в этом торговом движении. Особое положение занимала Тула, как оживленный центр железоделательной и сталелитейной промышленности. Сосредоточенные в Туле заводы давали толчок и торговой деятельности этого города. Важное значение имел Орел. Как раз из Орла начиналось судоходство по Оке. Это обстоятельство придавало Орлу значение посредствующего в торговом отношении пункта между Малороссией и Великороссией, узла, связывавшего торговые районы Курска и Воронежа с Тулой и Калугой. Хлеб, скот и продукты скотоводства сплавлялись орловскими купцами на барках до Гжатска и Твери. Большие гурты скота доставлялись в Москву и Петербург. Но на это торговое движение по Оке, а косвенно и на торговое развитие Орла, были наложены путы. Ока под Орлом становилась вполне судоходной только в весеннее половодье. Во всякое другое время движение барок по Оке было возможно лишь с помощью шлюзов, расположенных частью по самой Оке, частью по Орлику. Эти шлюзы находились в частной собственности и таким образом торговля Орла находилась в сильной зависимости от воли шлюзовладельца. Город находился в рабском подчинении у соседнего помещика.

Такова картина торгового района, так или иначе тяготевшего к Москве. В центре — Москва, к которой сходились все нити торгового движения внутренней России. Затем, — как соединительные узлы внутреннего района с прилегающими местностями, — Нижний-Новгород и Казань с северо-востока; Саратов — с юго-востока; Пенза, Тамбов, Калуга, Орел — с юга. И между названными городами — очень небольшое количество второстепенных городских пунктов, достигавших хотя какого-нибудь самостоятельного значения в кругообороте внутренней торговли.

Перехожу к северному району, который раскидывался к северу от Волги вплоть до берегов Ледовитого океана. Здесь главным пунктом, дававшим тон всему торговому движению, был Архангельск. Рост петербургского порта отнял у Архангельска прежнее исключительное руководящее значение для всей русской торговли. Но у Архангельска и после этого осталась своя сфера, в которой ему нечего было опасаться соперничества Петербурга. Разумею старинные и глубокие связи северного края Европейской России с Сибирью. В то время как продукты внутренней торговли при посредстве Москвы направлялись к Петербургскому порту, сибирские транспорты чрез верхнее Прикамье шли преимущественно в северо-западном направлении, и конечным пунктом этого движения служил Архангельск. Архангельские купцы были постоянными посетителями ирбитской ярмарки, они проникали и в глубь собственной Сибири до самой Кяхты. Главными посредствующими пунктами этого движения являлись Вологда и Великий Устюг. Некогда, до возникновения Петербургского порта, Вологда играла роль связующего звена между Архангельском и Москвою. Теперь Вологда, под давлением того же Архангельска, тяготела к крайнему северо-востоку и востоку. Вологодские купцы на-ряду с архангельскими вступали через Кяхту в торговые сношения с Китаем, и оборот этой торговли во второй половине XVIII ст. достигал более, чем 800 тысяч рублей. В связи с этим торговым движением от Архангельского края к Сибири выросло торговое значение Великого Устюга, Сольвычегодска и Тотьмы. От этого движения отделялась побочная ветвь к Прикамью, которая тоже тяготела к архангельскому торговому району. Это обстоятельство вдохнуло жизнь в торговлю Вятки и Слободского. В Слободском в течение года бывало пять ярмарок.

Западный район делился на две части. Первая тяготела к Петербургу, вторая — к остзейским портам. В первой сравнительно второстепенное значение имели Олонецкая, Новгородская и Псковская области. Олонецкий край лишь в слабой степени был захвачен торговым движением, несмотря на свои естественные богатства — леса и минералы. Промышленная эксплоатация этих богатств была в младенчествующем состоянии. Новгород, город с столь шумным торговым прошлым, утратил к XVIII ст. всякие следы прежнего торгового значения. Псков стоял теперь выше Новгорода в торговом отношении. Он вывозил порядочное количество льна, конопли, дегтя, воска, леса и особенно рыбы. Но

главные пункты этого торгового движения сосредоточивались не здесь, а по городам верхнего Поволожья. Крупную для своего времени торговлю вел Ярославль. Ее обороты превосходили миллион. К ней примыкали Ростов, Углич, Рыбинск. Ярославль с Калугой занимали первые после Москвы места среди прочих городов России и по численности купечества. Так значится по сказкам как первой, так и второй ревизии. Довольно крупную торговлю вела и Тверь. Тверские купцы были крупными хлеботорговцами. Они закупали хлеб в разнообразных местностях, в особенности на Украйне, для доставки в Петербург. Торговля железными изделиями и соленой рыбой доходила до 430 т. рублей, а розничная лавочная торговля — до полумиллиона. С Волги в Тверцу ежегодно приходило до 25.000 барок и свыше 100 полубарок с товарными грузами. В этом движении принимали участие, кроме Твери, Бежецк, Торжок, Старица, Вышний-Волочок, Ржев. Весь этот район тянул к Петербургу. На перепутьи между Петербургом и остзейским торговым районом лежал Смоленск. К Смоленску направлялись грузы из Южной России. Смоленск посылал их далее — через Гжатск к Петербургу, через Поречье—к Риге. После Смоленска важнейшим торговым пунктом была здесь Вязьма. Сферой едва ли не безраздельного торгового влияния Риги служила Белоруссия.

Самым выдающимся торговым пунктом Малороссии был Нежин, направлявший продукты Украйны к западной границе — в Молдавию, Валахию, Бессарабию, Лейпциг и Данциг. Вся торговля этого города была в руках греков. Затем должны быть отмечены Кременчуг и Полтава. Здесь всегда были большие скопища евреев, татар, греков, грузин. Другие города этого края почти не имели значения в торговом отношении. Киев представлял совершенно второстепенную торговую величину. В слободской Украйне было немало оживленных ярмарок, но они носили сельский характер. Из торговых городов здесь должны быть названы Харьков, Сумы, Воронеж. Последний, между прочим, имел торговые связи с Оренбургским краем и соприкасающейся с ним бухарскою торговлею.

Наконец, нельзя не упомянуть об Астрахани. Каспийское море и Волга создавали в высшей степени выгодную обстановку для торгового развития этого города.

(А. Кизеветтер—Делопроизводство русских внутренн. таможен, как историч. источник; см. сборн. ст., посвященных В. О. Ключевскому.)

12. Мнения депутатов в Екатерининской комиссии 1763 года и наказы [1]).

(В отрывках.)

Хотя крестьянам и другим того же звания людям запрещено покупать товары и продавать их в розницу, но, несмотря на то, они, оставляя свое хлебопашество, поступают противным образом. Многие из них в зимнее и весеннеее время ездят по городам и уездам и дорогою ценою закупают разный хлеб, как то: рожь, пшеницу, просо, овес и т. п. Привезя его в Саратов, мелют и насыпают в кули, а в весеннее время, нагрузив этим хлебом большие суда, отвозят его для продажи в Астрахань и другие города, отчего в Саратове бывает дороговизна хлеба, а купцам подрыв. Кроме этого, крестьяне в зимнее время ездят по ярмаркам и по дальним городам и уездам и тут покупают холст, крашенину, китайку, сукна, юфть и прочие товары, и с ними весною во время хлебопашества, приезжают в Калмыцкие улусы. Здесь привезенные ими товары они продают в розницу.

(Депутат от г. Черного Яра Семен Сережников.)

Назад тому с небольшим лет двадцать, дворяне, узнав, что от парусных полотен получают нарочитую прибыль и не сообразив,

---

[1]) Ко времени вступления на престол Екатерины II (1762 г.) прошло уже свыше столетия после коренного пересмотра нашего законодательства (при царе Алексее Михайловиче — Соборное Уложение 1649 года). Уже во времена Петра I, под влиянием новых жизненных потребностей, возникла серьезная необходимость в пересмотре кодекса XVII в. (т. - е. Уложения). Но время шло, общая реформа откладывалась, довольствовались частичными изменениями действующих законов. Наконец, Екатерина II решилась дать всем правительственным местам точные „пределы и законы", составить новый кодекс. Для указанной цели, по манифесту от 14 декабря 1766 года, и были созваны в Москву представители населения и присутственных мест, которые, образовав Комиссию (Комиссия была открыта 30 июля 1767 г.), и приступили к делу. Вследствие некоторых причин Комиссия, проработав около $1^1/_2$ лет, не выполнив своих заданий, была распущена (за время своих двух лет заседаний Комиссия не успела даже заслушать все наказы, которые привезли с собою депутаты с мест). Депутатские наказы, а также мнения отдельных депутатов, изложенные в Комиссии, являются ценнейшими памятниками, характеризующими эпоху.

что таких фабрик уже устроено было очень много, так что фабриканты почти не знали, куда им деваться со своими полотнами, стали также заводить такие фабрики, и до тех пор не увидели своей ошибки, пока в конец от них не разорились. То же самое начали ныне делать и с солдатскими сукнами. Едва только бедные суконные фабриканты, после многолетних стараний и огромных затрат для устройства своих фабрик, как это обыкновенно бывает при всяком новом деле, начали получать плоды трудов своих, как дворяне, позавидовав тому, такие же фабрики стали заводить, и этим отняли у прежних фабрикантов всякую надежду на прибыль. Поэтому-то, как кажется, и не надлежит позволять дворянам устраивать фабрики и заводы, чтобы они из ревности один против другого и неумеренным производством, не только старых фабрикантов, но и сами себя не разоряли, а чрез то и земледелие, которое нужнее всякой фабрики, не оставили. При этом надлежит помыслить и о нижеследующем:

1) Железных заводов заведено уже так много, что за расходом домашним и за отпуском в чужие краи, год от году залеживается значительное количество железа.

2) Заводы эти, по качеству своему, распределяются следующим образом: первый—Сибирский Невьянский и трех братьев Демидовых с их племянниками; второй—казенный, под управлением берг-коллегии; третий — других Демидовых, т.-е. детей Никиты Никитича Демидова; четвертый—баронов Строгановых; пятый—Оренбургской губернии, Ивана Твердышева. Кроме этих сибирских и оренбургских, внутри России находятся заводы Брынские, Тульские, Рязанские и самые худые — Брянские, Олонецкие и Устюжские. На что бы, кажется, прибавлять еще худые, когда и хороших весьма много; разве для искоренения лесов, чтобы потомки, наши, вместо дров, топили соломою?

3) Много ли следует оставить стеклянных заводов, которые, так же, как и железные, содействуют к истреблению лесов? Между тем, делаемая на них посуда и бутылки не только в знатных, но и в средних домах почти не употребляется, а по большей части они идут на кабаки, в которых бы, по старине, можно было довольствоваться деревянною да глиняною посудою.

(Депутат от Коммерц-коллегии С. Меженинов.)

Дворяне, заводя фабрики, умножили трудолюбие разведением разных рукоделий и подали способ государству довольствоваться

своими такими вещами, которые оно прежде получало от чужестранных народов. Не упоминая о прочих, скажу только о фабриках двух родов, а именно: о суконных и полотняных, которых, не взирая на усиленные побуждения Императора Петра Великого, по 1742 год было — суконных фабрик только 16, а с означенного года, когда дворяне начали их заводить, поныне прибавилось до 60. Чрез такое увеличение Россия стала в состоянии довольствовать свою армию собственными своими сукнами. Полотняных фабрик, которых было по вышеозначенный год только 20, с того года прибавилось еще 68. Отпуском таких товаров торговля значительно перетянула равновесие на свою сторону.

(Депутат от ярославского дворянства М. Щербатов.)

Крестьяне, едущие порожняками из-под Москвы, Ярославля и Арзамаса, для подряда под извоз рыбы с Яика, не накладывая у себя дома никакого хлеба и не запасаясь им по тракту, по приезде в города Сызрань или Самару, покупают хлеба, иногда подвод тысяч на пять и более, и при покупке оного передают лишнюю цену. От этого мещане тех городов и жители оных терпят большую нужду и их уже не допускают до покупки какого бы то ни было хлеба. Они, по бедности своей, могут купить у привозца пуд или полпуда; а так как помянутые крестьяне закупают свалом возами, то привозцы того хлеба уже в розницу и не продают.

(Депутат от г. Самары Д. Рукавкин.)

Депутат Щербинин счел нужным объяснить, какие фабрики прилично иметь купечеству. Он сказал, что, например, полотна в нынешнее время каждый хозяин старается выработать у себя в доме из домашнего материала; поэтому и не следует допускать, чтобы купцы одни могли довольствовать все государство этим нужным товаром. Далее он представил, что дворяне могут содержать фабрики, не отлучая людей от хлебопашества, ибо у них много дворовых служителей, неупотребляемых искони в земледельческие работы; потом есть много деревень малоземельных, где значительное число людей без рукоделий не могут и пропитания себе доставать. Тканье полотен многими дворянами доведено до совершенства. Но когда бы это искусство перешло и в кре-

стьянские дома, то, по многим причинам, а более потому, что зимою на подобный труд есть довольно много времени, это бы весьма было полезно. По мнению депутата Щербинина, необходимо нужно отделить производства фабричные от рукоделий народных, и притом обозначить, в чем должны состоять купеческие фабрики и в чем дворянские, и какие рукоделья могут быть предоставлены крестьянам. К последним депутат от Псковского дворянства причисляет тканье полотен, скатертей, салфеток, сукон, трипов, коломенок и камлотов всякого сорта.

(Депутат от Псковского дворянства Е. Щербинин.)

Почитаю нужным довести до сведения почтенного собрания, что в Нижегородской губернии находятся многие знатные села, а именно: Лысково, Работки, Павлово, Ворсма, Городец, Мурашкино и Княгинино с приписными к ним волостями. Во всех этих селах, подобно как и в других, во множестве находящихся в нашем государстве, бывают торги и ярманки; в них также живут ремесленные люди и производится продажа всякого хлеба, съестных припасов и соли; равным образом продаются выделанные кожи и овчины, холсты, всякое производство из меди и железа, кузнечная, слесарная и оловянная работа; крестьянские мужские и женские платья, шапки и рукавицы; крестьянские простые сукна, мужская и женская обувь, сапоги, коты и башмаки; деревянная посуда, конская сбруя, хомуты, узды, шлеи и прочий конский убор. Все эти товары продаются как на деньги, так и меняются на другие товары по разным ярманкам и торгам в вышепомянутых селах, равно как и в прочих уездах нашего государства. Другие же высшего разбора товары, портовые, красные, как то: разные парчи, шелк и шелковые материи, тонкие сукна и суконные материи, также китайки и бумажные материи, серебряная, медная и оловянная посуда, всякие дорогие вещи, кожевенные заводы, значительные фабрики, — все это следует быть предоставлено купеческой торговле, как я с этим и соглашаюсь.

Если же крестьянам всего государства воспрещено будет торговать товарами их собственного производства, то они со всеми своими семействами лишатся всякого пропитания, ибо при помянутых селах очень мало земельных угодий и хлеба с них собирается весьма недостаточное количество. От этого крестьяне придут в совершенный упадок и не в состоянии будут платить ни

государственных податей, ни оброка своим господам. Сверх того и жители деревень, находящиеся поблизости тех сел, потерпят большое отягощение как в покупке себе хлеба, всяких съестных припасов, соли, так и других вышеписанных предметов для крестьянской надобности; и так как села эти и деревни отстоят от городов в отдалении, то и в потребных крестьянам товарах произойдет дороговизна.

(Депутат от пехотных солдат Нижегородской провинции И. Жеребцов.)

Имеются в Мещовском уезде, в селах Сухиничах и Щелканове, еженедельные торги, и в оных селах в праздничные дни богомоли и ярмонки, и в селе Щелканове разных городов купцы имеют домы и лавки и всякие товары покупают и в розницу продают, також и из протчих городов купцы и в уезде по разным селам и деревням имеют станцы и покупают товары, то-есть пенку, масло и протчие урожаемые продукты розницею и в розницу продают товар свой, а торгующие крестьяне имеют торговые промыслы и при домех своих трепальные для пенки дворы и терези, обыкновенно как купцы. И тем крестьяном под товары раздают немалые суммы денег, а крестьяне на те денги, по уезду покупая пенку, масло и протчие товары по немалому числу, и продают тем проезжающим из иных городов купцам оптом по немалому числу и тою покупкою и переторжкою у крестьян товаров оптом и в розницу мещовскому купечеству причиняют в торговых промыслах обиды, переторжки и помешательствы, почему и торгов своих на большие суммы распространить мещовскому купечеству не допускают. Чего ради, в пресечение таковых от проезжих купцов мещовскому купечеству обид и помешательств от посторонних купцов в переторжках, мещовское купечество всеподданейше Ее Императорское Величество просит повелеть тем, приезжим из других городов, купцам покупку в розницу товаров запретить, и для того в уезде, в селах и деревнях, станцыев не иметь, а иметь бы единственно тем приезжим купцам станцы для покупки товаров в городе Мещовске, и всякие товары покупать в Мещовске от купцов, а не в розницу по уезду. А розничную покупку и продажу в городе и уезде дозволить единственно мещовскому купечеству, а не посторонним купцам, в чем мещовское купечество может себе покупая и продавая как в городе, так и в уезде в розницу всяких предметов и перепродажею проезжим купцам оптом,

с пользой поправить, да чрез то и свои долги и комерцию распространить может на немалые суммы.

(Из Наказа купеческого общества г. Мещовска.)

По городу Белуозеру купечество, по малоимению своему каждого обывателя капитала и несостоянию, отъезжих и отдаленных торгов не имеет. А бывает по болшей мере круг Бела озера на рыбных пристанях зимним и летним временем у ловцов покупка рыбы разных родов, також и в Белозерском же уезде покупка рогатому скоту и мясам и дегтю, которую рыбу отвозят в Москву и другие разные города и на ярмонки и торжки, а мяса в Санктпетербург и в другие ж города и по ярмонкам и торжкам, а покупной деготь в низовые, верховые поволжские города для продажи. А Белозерского и протчих других городов и уездов многие крестьяне и разного звания люди, покупая кругом Бела озера на тех же рыбных пристанях такую ж всякую рыбу и снятки, також и во оном же Белозерском уезде скотину и мяса и деготь, и у той покупки товаров наносят цены немалые и отвозят, и продают наряду в тех же местах в городах и на ярманках и торжках, где и белозерские купцы торгуют, при чем, называя, якобы у них рыба имеет свой улов, а мяса называют своими, а иные показывают на своих господ, якобы запас, а деготь называют же, якоб тех крестьян своей работы, а не перекупным, ложно, у которых крестьян бывает оных торгов немалое число, и тем чинят они в купечестве великие недоторжицы и помешательство и обиды. А сверх же того и наиболее ныне оные ж крестьяне усилились торговать разными мелочными товарами по торжкам и ярмонкам наряду с купечеством, коими им и не позволено, в силу указов, тех торгов производить и торговать перекупными не крестьянскими товарами, также и хлеб, привозимый в город на ярмонки и на пристани, привозят грудным числом, называя оной своим урожаем, и продают с вызвышением цены, что купечество и обыватели принуждены покупать у них с великою передачею и обидою. А от покупки и перепродажи всяких разных товаров принимают купцы себе большие в том наклады и доходят многие в направлении купеческой торговли до совершенного несостояния. Для чего нижайше просим, чтоб помянутому крестьянству, а при том и всем разночинцам в том их неуказном торгу учинить воспрещение, и единственно повелено б было купцам иметь себе удовольствие

от производимого купеческого промысла и от художеств и от фабрик, дабы с того по своему месту служить и подушные и протчие положенные доходы в казну платить и нужнейшие общие градские и полицейские дела исправлять были б в состоянии, а крестьяне ж бы имели себе удовольствие от хлебной пашни и от продажи оной своей работы всяких вещей, а в купеческие всякие торги те крестьяне и разночинцы ни под каким бы видом не мешались. И так оные крестьяне тою своею земледельною работою, которая более всего к воспитанию народного общества и поправлению человеческой жизни благонадежная и имеющая для их к тому способ своих крестьянских художеств, и могут они во всех своих доходах и расходах иметь всегда исправность...

На Белозерскую Крохинскую пристань, коя от Белаозера расстоянием имеетца быть в десяти верстах, на устье Шексны реки, белозерскими и других разных городов купецкими людьми летним временем из низовых городов рекою Волгою до Рыбной слободы, а от той Рыбной слободы рекою Шекспою чрез триста верст всякими судами на тое Крохинскую пристань привозятца рожь, мука ржаная и разные хлебные припасы. И по продаже того, некоторое число перевозят Белым озером через пятьдесят верст особливыми судами, называемыми барками, во впадающую в Бело озеро реку Ковжу, которою следуютца шестьдесят верст на Бадожскую пристань, а с той пристани перевозятца чрез наем крестьян на подводах сухим путем в Олонецкой уезд на Вянгинскую пристань чрез пятьдесят пять верст. И для того с Крохинской на Бадожскую пристань чрез сто десять верст перевозу хлеба заготовляются белозерскими купцами своим коштом и наймом околних крестьян, за данную им плату, помянутые барки, подымающие кладь ржи и муки по пятисот кулев. А для такового ж перевозу с пристани на пристань хлеба, из крестьян разных уездов и иногородные купцы некоторые, для помешателства здешнему купечеству того промысла, такиеж барки строят своим коштом и привозной из низовых [городов хлеб, также наймуясь оной перевозят, чем и чинят здешнему купечеству напрасное притеснение и обиды, чтоб им и делать, в силу указов, не должно. И за тем подрядом и перевозом оными крестьянами хлеба от Крохинской до Бадожской пристани принужденными находится купечество у оных крестьян покупать и подряжати те барки с передачею цены. Да и на тех же Крохинской и Бадожской пристанях живущие крестьянство и иногородные купцы делают на тех пристанях на под-

мойных землях под поклажу хлеба и припасов собственные свои анбары и получают себе большие за ту положенную в анбары кладь прибытки; а белозерское купечество на тех же пристанях имеют построенные амбары на подмойной же земле и за ту подъанбарную и подмойную землю тем крестьянам дают кортомные денги и плату. А когдаж положенной хлебной клади и припасов у тех крестьян не случается, то в тех анбарех кладут и содержат оные крестьяне всякой домашней свой скарб и сено, и ходят в те анбары с огнем и лучиною неосторожно, от чего положенному на тех пристанях в других анбарех немалого числа купеческому хлебу и припасам, и состоящим близ тех анбаров судам, и протчему есть крайняя, от чего Боже сохрани, пожарного случая в том опасность. А в судовых промыслах и в положении в анбары теми крестьянами хлеба, за кортомную немалую плату, чинитца белозерскому купечеству помешателство и обида, и несносные убытки. И о вышеписанном белозерское купечество всенижайше просит, чтоб крестьянству и иногородным купцам в перевозе с пристани на пристань барками хлеба и припасов воспретить, да и постройку анбаров на тех пристанях, на подмойной земле, дозволить здешнему купечеству строитца без дачи платы поземелных денег, а крестьянству иметь постройку анбарам для себя на своих пахатных землях, да и огня чтоб иметь предосторожность, дабы не могло учинитца и последовать оттого состоящим анбарам с хлебом и судам и в них припасам крайней гибели, а купечеству напрасного в том убытка и раззорения.

(Из Наказа жителей г. Белозерска.)

По случаю нужды или у которого крестьянина из домашнего свого, а не перекупного, что кроме собственного своего пропитания в излишестве, как то скотину и мяса, невыделанную кожу и сало, уловленную в дачах своих свежую рыбу, а иногда и сухую и всякое в деревне уродившееся, не инако, как должны нашей волости крестьяне продавать, и продаем в городе Архангельском и в Холмогорах, из которых город расстоянием в сорока четырех, а Холмогоры в тридцати верстах, в розницу обывателям толко в силу таможенного устава до половины дня; но как из лежащих в таковом же расстоянии или далее волостей оных припасов по болшому привозу, и как они одинакие почитай состоят за неимением на все до половины дня расходу, испродать невозможно; а притом

нарочно ожидая покупателей самой половины дня, дабы за бесценок мы припасы свои продали, не покупают; то в рассуждении том, что далее половины дня тамошнее купечество и смотрители на площаде с возами нашими стоять и продавать не дозволяют, принуждены за предъявленным расстоянием и что на другой день в цене равной продажи, а свежая рыба и совсем годною быть не может, нашей волости крестьяне, во избежание дальнейших убытков, тем купцам продать свалом или гуртом за такую цену, какую они только б дать могли, в чем происходит нам, крестьянам, отягощение и лишаемся своего хозяйства и настоящей себе ползы. Того ради покорнейше просим, чтоб дозволено было нашей волости крестьянам домашний свой скот, мясо, сало, свежую и сухую рыбу и всякие хлебные припасы и протчее в деревне уродившееся, всякому крестьянину свое собственное в городе Архангельском и в Холмогорах продавать в розницу с утра и до вечера, и купечеству о нечинении в том препятствия воспретить, дабы мы от своих трудов и настоящее себе удовольствие получать, равно же подушные деньги и протчие государственные поборы во всякой исправности и в свое время в казну Ее Императорского Величества доходить могли....

Многие нашей волости крестьяне, иные по случаю недоволного себе пропитания, а другие хотя и имея, точию из единственного своего желания и охоты, не взирая на дальность места, находятся в Санкт-Петербурге и в Москве в работах, яко то на бирже, в артелях и в протчих всякого чина и звания у персон в услуге, в сапожниках и портных мастерствах, и на судах до Ревеля и далее в работниках и шипорах, и словом, где кто какое себе по мере его разума и склонности способное мастерство и место сыскать может, и чрез то в помянутых местах бытие несравненно против домашнего своего пребывания получают ползу и в платеже податей исправность, а домашняя их экономия, за таким их отлучением, не приходит в запустение, потому что имеют семейство, коими то исправляется, и на случай нужды или неимения семейства, временно, из единственного почитай пропитания, из бобылей и хлебопашества не имеющих, по болшей части здешнего ж уезда крестьяне в работниках содержатся. Того ради нашей волости крестьяне общественно согласясь просят, не повелено ль будет при сочинении проекта нового уложения включить, дабы крестьянству дозволено было теми же выгодами ползоваться, какие они до ныне имели и выше сего предписано, понеже по

здешнему приморскому городу, по немалому числу жительства, за неимением работы, такого удоволствия, как будучи в предъявленных услугах и мастерствах, иметь не могут, почему, если паче чаяния, чего и уповать не можно, тот нашим крестьянам путь пресечется и единственно всякому крестьянину не оставлять домов своих, то произойдет всеконечное отягощение, а в платеже податей неисправность и запущение доимки...

Как в нашей Нижнокойдокурской волости лен в урожае не бывает и удобных мест к тому нет, а надобность в рубашках и в протчем всегда необходимая состоит, почему и доволствуемся покупным из привозного Волгодского уезда и из протчих верховых городов помещичьями из разного ведомства крестьянами в зимнее время возами льну, которые и возят по деревням нашим и продают требующим по свойственным им ценам, а нашей волости крестьяне покупают оный в самых своих домах и не имея отъезду для той покупки в город Архангельск и в Холмогоры и из первых рук, из чего привозителям и покупателям происходит полза. А если который крестьянин у таких привозителей купить не в состоянии, но после необходимость исправления требует, то принуждены такую льну покупку чинить в городе Архангельске и в Холмогорах и перекупной за двойную цену. Того ради, покорнейше просим, дабы и тот из верховых городов тамошними обывателями привоз и продажа при самых крестьянских домах льну пресечены не были; но оставить для обоюдной ползы на таком же основании, как и до ныне то происходит, ибо, если привоз и продажа льну в наших деревнях пресечь, а единственно привозителям продавать, а крестьянам нашей волости покупать в городе Архангельском и в Холмогорах у тамошнего купечества, то яко из вторых или уже из третьих рук не с ползою, но с немалым отягощением нам следовать будет...

По имянному блаженныя и вечной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елизаветы Петровны указу, состоявшемуся прошлого 1753 года декабря 20 дня, с мостов и перевозов сбор отменен, в сходствие которого высочайшего повеления, по указу Правительствующего сената, велено те перевозы отдать в содержание магистратам и ратушам и тем, в чьих они дачах состоят. А буде они не пожелают. то близ тех перевозов живущим обывателям из платежа из казны такого числа денег, во что оные в оброке состоят, а буде и те не согласятся, то содержать от губернских провинциальных и воеводных канцеляриях. А в нашей

Нижнокойдокурской волости обще с Верхнокойдокурской волостью имеются три перевоза через реки: первый Двину, второй Орлиху, третий Волочиху, при которых содержатся для переправы колясок, берлинов и протчих тяжелых повозок нижеследующие необходимые материалы, а именно: пристань плотовая, болшая завозня да перевозня, два легких карбаса, в летнее время непременно работников шесть человек; при Орлике пристань плотовая, одна перевозня да легкой карбас, изба для караульщиков, в рассуждении не близости жителства, работников тож шесть человек; при Волочихе две пристани и плот на канате и одна перевозня, работников как оная река против предъявленных против Двины и Орлихи менее, четыре человека, в оброке толко в восьми рублях трех копейках. И те болшие две реки состоят в расстояниях: Двина до острова, называемого оброчного, верста, до острова ж Койдокурского ж тож одна верста, а в случае разлития вод с Бобровской до Койдокурской горы, где матерая сторона лежит того расстояния семь верст и проезжающих, прибавляя судов и работников, человек до сорока, а в случае нужды и более; чрез все то расстояние возить принуждены и с состояния вышеписанного Ее Императорского Величества высочайшего и Правительствующего сената указов на посланной губернской канцелярии 1754 года февраля от 25 числа указ от нашей, тож и Верхнокойдокурской волости рапортом донесено, что мы тех перевозов из платежа так малого оброка взять в содержание свое не желаем, и о снятии тех перевозов неоднократно в губернской канцелярии прошения подаваны были о коим, а в силу указу Правительствующего сената от губернской канцелярии, о взятьи оных перевозов в содержание охочим людям, публикации чинены, точию желающих никого не явилось, почему те перевозы не снятыми и остались в содержании тех обоих волостей. А по свидетельству посланного от губернской канцелярии в том 1754 году для описи таковых перевозов и положений о надобностях к тем перевозам принадлежащих смет архангелогородского гарнизона квартермистра Протопопова оказалось, что на содержание всех тех трех перевозов потребна в год сумма сто девяносто восемь рублев восемьдесят три копейки с четвертью, следовательно, против положенного оброка с великим излишеством, которое число действительно в расход из мирских наших денег и употребляется, и с показанием той полагаемой суммы о удоволствии нас тем за содержание оных перевозов в государственную Камор-коллегию представлено было, на что и воспоследовало

в 754 году резолюция, что за содержание оных перевозов, считая работников толко при каждом перевозе по два человека, за 754 год заработные по силе плаката и за употребленные матерналы выдать; а впредь те перевозы содержать наемными работными людми, сыскивая оных ниже платной цены. Точию тогда нам выдачи за неприсылкою, как нам известно было из статс-конторы ассигнации, не учинено и ожидая присылки той ассигнации хотя и отяготительно крестьянству происходило, и что с проезжающих ничего брать запрещено, с терпением до 764 года и сносили; но более почитай стали быть не в силах, то в том 1764 году по доношению, поданную в упоминаемую в губернскую канцелярию от нашей и Верхнокойдокурской волостей, коим прошено было, чтоб от содержания тех перевозов нас уволить, в государственную Камор-коллегию о доставлении полною резолюциею представлено от губернской канцелярии доношением. А в обе предъявленные волости, а тех волостей крестьянам положенный оброк, то есть восемь рублев три копейки в год, за одиннадцать лет восемьдесят восемь рублев тридцать три копейки нам выдано. А между тем губернская канцелярия, входя в подробность нашего изнеможения, в прошлом 1765 году прибавила к вспоможению в содержание тех перевозов, лежащих в близости тринадцать волостей, кои то вспоможение и чинят. Но как нам более отягощение происходит, будучи господин генерал-маиор Архангелогородской губернии губернатор и кавалер Головцын о том известным не оставил, в защищении нашей бедности, в бытность в Санкт-Петербурге в том же 1765 году, в Правительствующий сенат представить, и на посланный из оного Правительствующего сената указ часто упоминаемая Камор-коллегия рапортом своим отозвалась, что о определении не только де в Двинской уезд, но и в другие города к содержанию мостов, и перевозов ко исправлению, при оных работах работников из охочих людей с платежам по плакату заработных денег в Правительствующий сенат в 755 году октября 6 дня доношением представлено, но указу не получено. Итак, по вышеписанным обстоятельствам, не имев предъявленные три перевоза в своем содержании, на кои и употреблено до дачи вспоможения по сту по девяносто по восьми рублев по восьмидесяти по три копейки с четвертью в год, а в одиннадцать лет две тысячи сто восемьдесят семь рублев шестнадцать копеек с половиною, нам несравненное против других волостей отягощение происходит, отчего и в платеже подушных денег и протчих государ-

ственных податей крестьяне являются в несостоянии. Того ради по самой той крайней необходимости, все предъявленное обстоятелство изъяснив, покорнейше просим о содержании тех перевозов нас милостивно приказать уволить. А буде сего учинить не можно, то вышеписанное по смете число, сто девяносто восемь рублев восемьдесят три копейки с четвертью в год, нам выдавать на наем работников и на протчие необходимые надобности, которое число, как и выше значит, у нас и употребляется, чтоб возможно было без отягощения крестьянского содержать. А употребленную на содержание тех перевозов в одиннадцать лет сумму, за исключением принятых от губернской канцелярии восьмидесяти восьми рублев тридцати трех копеек, да остальные две тысячи девяносто восемь рублев восемьдесят три копейки с половиною из Высочайшего Ее Императорского Величества монаршую милость, могли крестьянство некоторое получить себе облегчение и исправность иметь в платеже податей.

(Из Наказа крестьян Нижнокойдокурской волости, Двинск. уезда, Арханг. губ.)

Ведомства нашего у которого крестьянина из домешнего своего припасение, а не перекупного случится что в излишестве, яко то скотину, мясо, говяжье сало, яловичные, дубленые и сыромятные кожи продавать и продаем в город Архангельск и в Холмогорах, из которых город в расстоянии во ста восьмидесяти двух, а Холмогоры во ста семи верстах, в розницу обывателям толко в силу таможенного устава до половины дня, а в те времена случаются приезжие из других в таком же расстоянии и далее волостей крестьяне с показанными же припасами, то покупатели, ожидая самой половины дня, дабы за бесценок мы припасы свои продали, не покупают, а до полудня тамошние купцы и смотрители на площади с возами нашими стоят и продавать не дозволяют. Чего ради принуждены дабы с теми припасами обратно чрез немало верст не возвращаться, да и на другой день в цене равной продажи быть не может, а паче в летнее время, означенных городов купцы, согласясь между собою, приплавного скота в ценах весма загнетают и при том усматривают, когда приплавного с тем скотом корму станет становиться со оскудением, то и вяще в цене умаляют, тогда крестьяне принуждены бывают своего скота отдавать самою низкою ценою. А чтоб тем крестьянам того приплавного

скота собою свежить и врознь говядину, кожу и сало по настоящим ценам продавать, до того весма не допущают. И так тех наших приходов крестьяне принуждены бывают к далнейшим убыткам тем купцам продать свалом, за такую цену, какую они толко бы дать могли; означенных же приходов крестьяне жителство имеют по болшей части в округ села называемого Емецкого Острога, в который из давных лет крестьянство съезжалось и ныне съезжается каждой недели в четверток, и продают между собою по волным ценам рыбу треску, палтускпу, которую покупают в осеннее время у города Архангельского и ресь и протчую мелочь в тот Емецкой Острог, и холмогорцы, посадские люди, наезжают, а вышеписанному крестьянству между собою продавать и покупать запрещают, в чем происходит нам, крестьянам, отягощение и лишаемся своего хозяйства и настоящей от работы своей ползы.

(Из Наказа крестьян быв. вотчины Антониева Сийского монастыря, Двинского уезда, Архангс. губ.)

По случаю нужды, или у которого крестьянина из домашнего своего, а не перекупного, что кроме собственного своего, как то скотину, мясо и невыделанную кожу и сало, уловленную в дачах своих свежую и сухую рыбу, иногда и всякое в деревне уродившееся, не инако как должны нашего Алексеева стана крестьяне продавать, а продаем в городе Архангельске и Холмогорах, из которых город расстоянием в 5, а Холмогоры в 75 верстах, в розницу обывателям толко, в силу таможенного устава, до половины дня; но как из лежащих на таковом же расстоянии или далее стану оных припасов по болшему провозу как они одинакие почитай состоят, за неимением навесу, до половины дня расходу и продать невозможно. А притом нарочно ожидая покупатели самой половины дня, дабы за бесценок принуждены мы припасы свои продать, не покупают, то в рассуждении том, что долее половины дня тамошнее купечество и смотрители на площади с возами нашими состоят и продавать не дозволяют, принуждены за предъявленным расстоянием и того, что на другой день свежей рыбы и совсем годной быть не может, нашего стана крестьяне, во избежание далнейших убытков, тем купцам и продать свалом или гуртом за такую цену, какую бы толко они дать могли, в чем происходит нам, крестьянам, отягощение и лишаемся своего хозяйства и настоящей себе ползы. Того ради покорнейше просим,

чтобы повелено было нашего стана крестьянам домашний свой скот, мясо и сало и свежую рыбу и всякие хлебные припасы и протчее в деревне уродившееся всякому крестьянину свое собственное в городе Архангельском и в Холмогорах продать в розницу с утра до вечера, и купечеству о не чинении в том препятствия воспретить, дабы мы от своих трудов и настоящее себе удоволствие получать, равно ж подушные деньги и протчие государственные поборы во всякой исправности и во всякое время в казну Ее Императорского Величества доходить могли.

(Из Наказа крестьян Алексеева стана, Двинск. уезда, Арханг. губ.)

При сем же просим, в нижеписанных обидах в вышеобъявленном в Яренском уезде в Важгорском погосте в генваре месяце бывает съезд из разных уездов и мы, нижеподписавшися, приезжаем для своих необходимых нужд, на пропитание себе хлеба, на одеяние тела холсту, и другое что потребно пенки на рыбную ловлю, и в то время мы обижены Кевролского уезда деревенскими крестьянами тремя человеками, а именно Выйской волости Хорземской деревни Иуда Дмитриев сын, Ваймушского погоста Гаврило Васильев сын Нифантьев, Григорий Стефанов сын прозванием Кочегаров, настоящей фамилии не знаем. А какого погоста и какой деревни заберут крестьянские товары, то-есть холсты и другие, что нам потребно, они кевролцы в свои руки для торговой себе прибыли и продают нам, недостаточным крестьянам, с приложением цены, пример, за что продавцам дать денег десять копеек, а тем объявленным переторговщикам дать за то ж пятнадцать копеек.

Того ради объявленным переторговщикам, для ползы нам общей, запретить переторговывать холстами и другими крестьянскими, какие нам потребны, товарами, без чего пробыть невозможно, и не приводить бы скудных и недостаточных крестьян в последнюю нищету, которые едва дневную пищу имеют, а объявленные переторговщики великую себе прибыль получают, да и впредь-бы теми же мерами другим нас не обидеть.

(Из Наказа крестьян Устьцылемской слободки, Пустозерского уезда.)

Понеже к нашему порту из внутрь государства торг по болшой части по реке Двине производится из Казанской губернии и здешней губернии ж, Вологодской, Устюжской и Галицкой про-

винции, почему торгующие в те места купцы, по необходимости в корреспонденции, особливо в осеннее, зимнее и сначала весны время, писма свои, за неучреждением кроме московской через Вологды почты, посылают в Устюг, в Вятку и Казань или с попутчиками, купцами ж и их приказчиками, или с нарочными; но в сих обоих оказиях немалая иногда и несносная бывает неудобность, ибо в первом в случае весма редко доходяг писма в надлежащие руки, а когда и дойдут, однако ж в весма позднее время, по причине многих купеческих интересов, а последний способ весма убыточен, чего ради коммерция с оными местами, в коих многочисленные товары для заморского отпуска покупаются и сюда привозятся, весма сумнительна и по болшей части бывает на удачу производима. Российское торгующее здесь купечество чувствует по сему пункту многую неспособность, которая часто причиняет разорение и убытки, а сверх того не менше лишает изрядных способов к получению прибыли. Учрежденные ж от Москвы и Санктпетербурга сюда почты, хотя и отправляются еженеделно, но приходят с крайним замедлением, и вместо того, как ездоки переезжают в 7 и 9, доходят оные в четырнадцать и двадцать дней, потому что перевозятся они от деревни до деревни деревенскими обывателями, обязанными деревенскою работою, которые, не имея над собою всегдашнего надзирания от особо учрежденных почталионов и понуждения, особливо ж в летнее время, отправляются из своих мест и едут дорогою весма медлительно, от сего в содержании с иностранными местами корреспонденции, а следственно от того и во всей коммерции происходит непорядок и многое упущение. По всей причине, в ярмоношное время, купечество часто принуждено бывает отсюда до Санктпетербурга с немалым убытком посылать нарочных. Таковы нарочные и сами купцы в проезде по дорогам претерпевают от крестьян великие притеснения и приметки в недаче лошадей без подорожных, в припряжке подвод, против потребного числа вдвое и втрое, с требованием за каждую прогонов, да еще гораздо более, нежели положено плакатом 1724 года, и разными вымыслами не приемля от бессилного проезжего никаких резонов, к великому отягчению дорожных расходов и к несносному потерянию купеческого времени. Просьба ж других губерний на крестьян и еще помещичьих о пресечении оных тягостей и о получении сатисфакции, есть выше купеческого состояния.

(Из Наказа жителей гор. Архангельска.)

13. Барщина и оброк в помещичьих имениях 60-х годов XVIII в.

Губернии.	Процент оброчных крестьян.	Процент издельных (барщинных) крестьян.
1. Костромская	85	15
2. Вологодская	83	17
3. Нижегородская	82	18
4. Ярославская	78	22
5. Олонецкая	66	34
6. Воронежская	64	36
7. Калужская	58	42
8. Пензенская	52	48
9. С.-Петербургская	51	49
10. Владимирская	50	50
11. Новгородская	49	51
12. Тверская	46	54
13. Московская	36	64
14. Орловская	34	66
15. Смоленская	30	70
16. Тамбовская	22	78
17. Псковская	21	79
18. Рязанская	19	81
19. Курская	8	92
20. Тульская	8	92

(Игнатович — Помещичьи крестьяне накануне освобождения.)

14. Из записок Болотова [1]).

Как, между сим, наставало уже время сеять рожь, то спешил я произведением и другого весьма важного и хлопотливого дела. Я упоминал уже прежде, что намерение князя [2]) было положить и село Княсовку с деревнями, бывшее до сего на зделье

[1]) А. Т. Болотов (1738—1833), средней руки помещик, долго управлял именьями князей Голицыных. Болотов был самоучка,— ученый и литератор. В качестве ученого он интересовался медициною, изучал философию, производил разного рода физические и химические опыты. Но имя Болотова дожило до наших дней благодаря его запискам—„Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков“. Этот труд, размером в 4 больших тома (издание 1870 г.), является важнейшим памятником по истории русского общества XVIII века.

[2]) Здесь и ниже „князь“, это—кн. Голицын.

или господской пашне, таким же образом на оброк, как были и прочие селы и деревни, а сделать только маленькое казенное хлебопашество. И как я предложил к тому нововыдуманную систему хлебопашества, с разделением всей пашенной земли на семь ровных полей, из которых бы одно засевалось рожью, два яровыми хлебами, три лежало и отдыхало, а вкупе вытравливалось и унаваживалось скотом, а седьмое распахивалось и засевалось озимыми хлебами, и князю система сия полюбилась и восхотелось, чтоб произведена она была в практике; то нужно мне было под сие казенное маленькое хлебопашество выбрать и назначить потребные к тому 140 десятин и разделить оные на 7 ровных частей, таким образом, чтоб все концами своими пришлись к господской усадьбе и могли после отделены быть друг от друга выкопанными рвами; прочая ж вся земля роздана была крестьянам, и все сие не так скоро и легко можно было сделать, то и занимался я тем не мало времени и имел хлопот и трудов много. Но как бы то ни было, но я успел все сие благовременно кончить и первое поле, состоящее в 20-ти десятинах, и засеять уже в надлежащее время рожью. Со всем тем все сие составило для меня добрый кусок работы.

По возвращении моем из Москвы я первым долгом почел созвать к себе всех старост и начальников деревенских, и объявить им все последние повеления, данные мне от князя, а наиглавнейше о платеже ими впредь такого же почти оброка, какой платили они до того времени. Все они выслушали слова мои, как казалось, довольно с спокойным духом и разъехались по своим местам. Но не успело несколько дней после того пройтить, как вдруг является перед крыльцом моим превеликая толпа народа. Удивился я, о сем услышав, и тотчас велел спросить, что за народ и зачем в таком множестве? Сказывают мне, что Спасские-де крестьяне, и хотят сами вас видеть. — „Хорошо,—сказал я,— скажите им, что я тотчас к ним выду“, а сам удивился тому еще больше. Но скоро удивление мое превратилось в превеликое смущение и беспокойство духа, когда посланной к ним с помянутым вопрошанием, и весьма мне преданной солдат, вместо того, чтобы иттить к ним, остановился и мне сказал: „Что-де, сударь, толпа их превеликая и кажется сволочью сущих негодяев. Что-то все рычат и мурчат, и предводителем у них не староста и не бур-

мистр, а какой то Роман, которой, как говорят, наивеличайший сутяга и самой сварливейший и негоднейший человек во всей волости, и что-то они мне подозрительны, и нет ли у них какой блажи и чего-нибудь непутного на уме". Поразился я смущением, услышав такую неожиданность, и сам себе сказал: „Господи! чтоб такое это было, и что такое они хотят?" Сердце во мне, как голубь затрепетало; однако я, не давая солдату смятения своего приметить, ему сказал: „Вздор, братец, мне кажется... Однако поди ты со мною, да скажи вот в канцелярии и товарищам своим, чтоб они на всякий случай были готовы".—„Хорошо",—сказал он, и пошел им сказывать, а я, вышед в лакейскую, стал смотреть в окно, простирающееся на двор, поджидая возвращения солдата. И смутился еще более, увидев в самом деле человек почти до ста мужиков, стоящих перед крыльцом моим, а пред ними помянутого Романа, расхаживающего, как петуха индейского и хорохорющегося по примеру оного. Сие привело меня самого в изумление; однако, как нечего было делать, то дождавшись прибегшего ко мне назад солдата, вышел я на крыльцо или паче на некоторой род открытой и аршина на два от земли возвышенной широкой галерейки, простиравшейся от одного флигеля до другого. Тут, став против самого сделанного для схода с ней неширокого крыльца, спросил я мужиков, чего они хотят? „К тебе-ста пришли",—закричал с грубостью предводитель их, а за ним закричала и вся его сволочь. Таковой грубой и неучтивой ответ смутил меня еще более; однако я имел еще столько духа, что преодолел закипающееся во мне сердце, и засмеявшись им, сказал:—„Это я и без того вижу; но зачем таким?"—„А вот-ста зачем,—закричали они в несколько голосов, а Роман всех громче и грубее:— велишь-ста ты платить нам оброка по шести рублей с тягла".— „Ну, чтож такое?"—спросил я.—„Но с чего-ж-ста ты это взял?"— „Как с чего?—князь так приказал". — „Да-ста, как бы не князь! Да для чего другие государевы крестьяне платят меньше, да и в Богородицкой волости платят только по четыре рубля с тягла, а мы что за грешные, что с нас больше?" — „Этого я не знаю,— сказал я,—а воля на то князя, да и самой государыни".—„Как бы не так,—завопел Роман: — ты-ста думаешь, что мы тому и поверим. Государыня-ста и не знает о том и не ведает, а это все твои довести, и ты сам хочешь денежками нашими набить себе карманы". Грубые и дерзкие сии слова вывели меня тогда из терпения. „Ах ты, бездельник!—закричал я на него:—как ты смеешь

со мною так говорить?" —„Мы-ста не бездельники",—закричали они все во множество голосов, а Роман, подскочив к крыльцу, еще более закричал: „И чтож ты за боярин, чтоб не сметь с тобою говорить; ну, так знай же, что мы твоего приказа не слушаем, словам твоим не верим, и такого оброка платить не хотим и никак не станем". Кровь во мне воспламенилась при услышании сего; однако я имел еще столько терпения, что им сказал: „Что это, что это вы, дурачье, бунтовать что ли вы хотите? За это передерут вас всех кнутьями! Да для чего малинские, княсовские и покровские ни слова не говорят и повинуются приказанию княжому?" — „Вольно-ста им,—закричали они:—но мы того не хотим!" А Роман, как ерш растаращив глаза и опять подбежав к крыльцу и прямо мне в глаза закричал: „Ну, не хотим-ста, не хотим; это все твои плутни, не слушаем!" — „Ах ты, сукин сын!"—закричал я, не могши никак уже утерпеть более:— „Хочешь ли, я тебя..." но я не успел еще сего слова домолвить, как он вскочил на первые ступеньки крыльца и во все горло завопел: „Я-ста не сукин сын, а разве ты такой, а себя я тебе докажу! Бить-ста, што ли меня хочешь, так тебе не удастся, и кому еще бог поможет". Сказав сие, побежал ко мне вверх по ступенькам и протянул уже руку, чтоб схватить меня за ворот и тащить с крыльца.

Признаюсь, что минута сия была для меня весьма критическая и было ненатурально, чтоб не мог я (не) испужаться. Что ж касается до моих домашних, сбежавшихся между тем к окну спальни и смотревших в оное на все сие происшествие, то сии завопели и закричали от страха и испуга. Но тут где ни возьмись помянутой усердной ко мне солдат, и вывернувшись из-за меня, так сего бездельника толкнул, что он полетел стремглав с крыльца на землю, а в самую ту минуту подскочили и прочие стоявшие уже за мною солдаты, которых я и не видел, и отведя меня к стороне, говоря: „Посторонитесь, судырь", выхватили свои шпажонки, и загородив собою весь всход на крыльцо, к зашумевшему народу закричали: „Цыц! бездельники, не шевелись никто с места, всех перерубим, если кто отважится подойти сюда ближе хоть на пядень; что это и свое ли вы затеяли!"

Неожидаемое явление сие так всех испугало, что они, все оцепенев, почти в один миг замолчали и никто в самом деле не смел поворошиться, а я, ободрившись тем, к стоящему внизу прикащикову брату и другим нескольким дворовым, закричал: „Схва-

тите этого бездельника и держите крепко". Те тотчас и бросились на поднимающегося от земли и окружив его, действительно схватили так, что он не мог и шевельнуться. а я, обратясь к утихшей и в безмолвии стоявшей толпе, с спокойнейшим уже духом сказал: „Ах. дурачье, дурачье! Что это вы затеяли, и не с ума ли вы сошли. что дали сему бездельнику себя соблазнить и возмутить! Как можно мне самому от себя это взять? Да коротко, есть ли в том только дело, что вы мне не верите, то за чем дело стало! Выберите между собою двух или трех человек, кому вы поверить можете, я сейчас их отправлю в Москву к князю, пускай спросят они сами у князя и услышат: от себя ли я это взял, или так сама государыня приказала".

„—Хорошо-ста, хорошо!—сказали они в несколько голосов: это дело, мы-ста тотчас выберем".— „Всего лучше!—подхватил я: выбирайте-ка, выбирайте и пускай они и спросят о том князя, а если хотят, так именем вашим и просят о убавке оброка и чего им хочется".

Все они тотчас зашумели и начали между собою выбирать двух депутатов, а я, обратясь к прикащику и солдатам, сказал: „А вы между тем, отведите сего молодца в земскую избу и до тех пор покараульте, покуда возвратятся посылаемые в Москву. Я с ним ничего не сделаю, и не хочу марать и рук своих". Солдаты мои тотчас его подхватили, и чтоб он не кричал, заткнули ему рот платком и повели за вороты. и там, без моего приказания, взляпали на его ноги претолстые колодки.

А я между тем. поговорив уже дружелюбнее с толпою сих негодяев и приведя их в рассудок, пошел писать к князю репорт, с изображением живейшими красками всего сего происшествия, и как между тем выбраны были ими депутаты, то и отправил их с солдатом и с моим репортом в Москву к моему командиру, а мужикам велел ехать домой; что они, не делая более никакого шума, и учинили.

Далее достопамятно, что в сию весну и в самое сие время предприимчивый учитель наш завел у себя превеликой плантаж табачной и насадил его превеликое множество. в надежде получить от него себе превеликой прибыток. Но надежда его обманула. Табак родился хотя и прекрасной, но он не умел с ним и с приуготовлением его как надобно обойтиться, и большую часть

его перегноил и перепортил. Произошло сие наиболее оттого, что он слишком на знание свое надеялся, а вышло совсем тому противное, и опытность доказала, что знание имел он о том самое поверхностное и весьма еще не достаточное. А как и я по примеру его завел у себя маленькой плантажец, то самое сие и побудило меня входить уже самому в сию часть сельского хозяйства и чрез разные опыты мало-по-малу добираться до того, как с ним обходиться лучше; до чего мне, наконец, хотя чрез многие труды и удалось достигнуть и с того времени имел я удовольствие всякой год даже до сего времени видеть у себя табак, растущий и обрабатываемой так, что я без нужды пробавляюся уже своим табаком и не имел нужды покупать оной, а временем даже и сам продавал еще оной.

(Жизнь и приключения Андрея Болотова.)

---

15. Богатства Волынского [1]).

Волынский и некоторые из товарищей его бедствия, как можно заключить по сведениям о конфискованных имениях, были люди достаточные...

У самого Волынского было более 1800 душ крестьян. В Казанском уезде держал он большой винокуренный завод, откуда ставил вино в Москву, Казань, Симбирск, Чебоксары, и намеревался поставлять даже в Азов; на четырех конских заводах в губерниях и сверх того, в Петербурге, Москве и в Подмосковном селе Воронове, находилися лошади Немецкой, Неаполитанской, Черкасской, Грузинской, Турецкой и Калмыцкой породы. Он имел несколько дворов в Петербурге и один в Москве. Большой двор с деревянным домом на Мойке достался Президенту Коммерц-Коллегии, Барону фон Менгдену, а по соседству оного каменный дом

---

[1]) Артемий Петрович Волынский, губернатор Петра Великого, министр Анны Ивановны, по обвинению в политических преступлениях казнен в 1740 году. Приводимый отрывок, из которого видно, какое громадное количество разного рода сокровищ было сосредоточено в одних руках (одна только опись дорогих каменьев Волынского занимала целых 13 страниц — см. ниже), характеризует экономическую мощность придворной знати, извлекавшей немалые выгоды из своей близости к престолу.

назначен для служителей Принца Брауншвейгского; двор с каменными палатами на Адмиралтейском острову, ниже Исакиевской церкви, по Неве — Камергеру Стрешневу; двор на Фонтанке, у Обухова моста, отдан для содержания псовой охоты, и доныне именуется Волынским.

Волынский жил в большом деревянном доме над Мойкою, в котором было 18 комнат; из них лучшие были обиты красным атласом с травами и шелковыми Персидскими канаватами, прочие цветною камкою, ткаными шпалерами и проч. 16 зеркал в золотых рамах и 7 в ореховых, 1 канапе, 24 стола и столько же стульев с триковыми подушками, 32 стула с кожаными, 17 без подушек, 7 кресел, двои камчатные ширмы, 5 английских кабинетов за стеклами и 4 без стекол, и 48 писанных на полотне картин, составляли главную его мебель. В числе картин были портреты: Петра Великого, Императрицы Анны Иоановны и герцога Бирона. Образов, писанных на дереве и на полотне, с окладами и без окладов, считалось 26; сверх того 2 киота и 3 серебряные креста с мощами. В описи конфискованного имущества 13 страниц заняты исчислением одних дорогих каменьев, а золотые и серебряные вещи занимают 19 страниц. В описании платья показано: 25 кафтанов (парчевых, бархатных, гродетуровых, глазетовых, суконных), и 27 камзолов, особое Азиатское платье и халат Шахов; также заслуживает внимания оружие, конские уборы и мягкая рухлядь. Библиотека его была незначительна и состояла из Русских книг; но письмо к нему Астронома Делиля из Березова показывает, что он любил науки и был покровителем ученых.

В Петербурге находилось при нем 60 дворовых людей, не только Русского происхождения, но и Польского, Шведского, Малороссийского, Турецкого, Персидского, Калмыцкого, Бухарского и Индейского. Ливрея Волынского состояла в кафтанах белого, а потом песочного цвета, в красных камзолах и такого же цвета штанах с серебряными позументами...

(Чт. в О. И. и Д. Р. 1858 г., кн. 2, отд. 5, с. 169—170.)

---

16. В Батурине у графа Разумовского [1]).

В 90-х годах [2]) гр. К. Г. Разумовский окончательно покинул Москву и поселился в Батурине. Здесь предался он с увлечением своей страсти к постройкам. Он выстроил в селе своем Яготине совершенно круглую церковь, обведенную Ионическою колонадою с каменным иконостасом, обложенным мрамором, и дом по планам архитектора Менеласа. Дом этот состоял из главного корпуса и 6 павильонов, из которых каждый мог равняться большому дому. С каждой стороны дома были большие каменные службы. В Баклане выстроил он дом в подражание сельских домов в окрестностях Рима, в Почепе великолепный каменный дом и церковь. Дом этот, построенный по планам де-ла-Мота, был огромный, с залами для балов и концертов и библиотекой в 5000 томов. Вокруг его, по красивым берегам Судости, фельдмаршал развел сад в Голландском вкусе. Наконец, в последние дни жизни своей, он еще занят был постройкою каменного дома и церкви в Батурине. Занимаясь украшением имений своих, Разумовский не забывал и усовершенствований хозяйства. В 1797 году выписал он шпанских овец с заводов князя Лихтенштейна и таким образом может считаться одним из первых основателей овцеводства в России; разводил шелковицу и вводил шелководство в Яготине, выписывал машины, заводил мельницы, свечные фабрики в Батурине и проч. Есть предание, что Разумовский первый развел в Малороссии пирамидальные тополи.

Почти ежегодно фельдмаршал объезжал свои владения, но настоящею его резиденциею был Батурин. Он жил в сломанном теперь деревянном доме, подаренном ему Екатериною. Перед домом был вал, на котором стояли пушки. Здесь Разумовский жил, как и всегда, истым вельможею. Штат служителей его был огромный. При нем находились: 1 дворецкий, 1 камердинер, 1 подле-

---

[1]) Граф Кирилл Григорьевич Разумовский, брат фаворита имп. Елизаветы, президент академии наук, гетман Малороссии, позднее фельдмаршал. Батурин — ныне город в Черниговской губ. Батурин был основан в 1575 г. Стефаном Баторием (откуда его и наименование), затем он был столицею малороссийских гетманов. При Екатерине I Батурин с 1300 дворами был пожалован кн. Меньшикову, а после, при гетмане Разумовском, в Батурине была восстановлена гетманская резиденция; когда гетманство было уничтожено, Батурин остался во владении рода Разумовских.

[2]) XVIII века.

карь, 2 карлика, 4 парикмахера, 2 их ученика, 2 кондитера, 1 их помощник, 3 их ученика, 1 кофишенк, 1 его помощник, 1 мундшенк, 1 его помощник, 1 ученик, 1 келлермейстер, 3 квасника, 2 их ученика, 1 тафельдекарь, 2 его помощника, 3 женщины для чистки серебра, 1 домоправитель, 2 писаря, 3 мальчика, 2 солдата, 1 писарь при графине Софье Осиповне Апраксиной, 2 геодезиста, 4 ученика, 1 камер-лакей, 10 лакеев, 4 ездовых лакея, 1 казак, 1 маркер, 2 скорохода, 2 егеря, 13 охотников, 10 истопников, 3 кухмистра, 1 помощник, 1 приспешник, 1 хлебник, 1 ученик, 11 кухонных учеников, 1 хлебница, 1 капельмейстер, 14 музыкантов, 18 певчих, 1 конюший, 1 берейтор, 1 ясельничий, 2 кучера, 2 форрейтора, 4 ямщика, 10 конюхов, 7 учеников в лазарете, 2 надзирателя, 2 женщины. 1 кастелянша, 17 прачек, 7 белошвеек, 2 коровницы, 2 ученицы их, 1 седельник, 2 шорника, 3 слесаря, 4 кузнеца, 1 медник, 1 каретник, 1 переплетчик, 2 их ученика, 2 портных, 3 столяра, 2 их ученика, 1 серебряник, 3 живописца, 1 квартирмейстер, 1 карзинщик, 1 обойщик, 1 резчик, 13 сторожей, 15 разных лиц, находившихся при некоторых служителях графа, — всего 261 человек. Все они получали жалованье от графа, которое ежемесячно простиралось до 2 тысяч тогдашних ассигнационных рублей. Ежедневно для стола графа и его прислуги выходило: 1 целый бык, 10 баранов, 100 кур и проч. Графиня Софья Осиповна, заведывавшая в последние годы графа Кирилла Григорьевича всем его хозяйством, неоднократно требовала уменьшения числа служителей. Наконец, она решилась подать ему два реестра о необходимых и о лишних служителях. Граф подписал первый, а последний отложил в сторону. „Я согласен с тобою“, — сказал он племяннице, — „что люди эти ненужны мне; но спроси их прежде, не имеют ли они во мне надобности, и если они откажутся от меня, то и я тогда смело откажусь от них“.

(П. Бартенев. — Осмнадцатый век. Том 2. Стр. 622 и сл.)

---

17. Имение гр. Шереметева—Кусково [1])—при Екатерине II.

Кусково, по преданию, получило свое название от куска, которым граф Петр Борисович обыкновенно называл свою родо-

[1]) Село Кусково расположено в Московской губернии, по Нижегородской жел. дороге.

вую собственность, небольшой участок земли, где были дом, главный пруд, сад и село.

Вся земля кругом принадлежала князю А. М. Черкасскому и в сравнении с его огромным имением, которое составляли почти все ближние села и деревни, окружавшие Кусково, действительно оно было кусочком. Когда граф Петр Борисович женился на единственной дочери князя Черкасского, то все его поместья: Перово, Тетерки, Вишняки, Вылонь, Жулебино и Останкино, перешли в род графов Шереметевых. Княжна Черкасская, помимо этого, принесла мужу в приданое более 80.000 душ крестьян.

Молодая графиня провела детство в Вишняках и очень любила их; она не хотела забыть родину, и молодой граф исполнил желание своей супруги: выстроил ей на своем куске дворец и назвал его Кусковым; дом был построен по плану архитектора Валли.

В этом доме в одной комнате стены были из цельных венецианских зеркал, в другой — обделаны малахитом, в третьей — обиты драгоценными гобеленами, в четвертой—художественно разрисованы не только стены, но и потолки: всюду античные бронзы, статуи, фарфор, яшмовые вазы, большая картинная галлерея с картинами Рафаэля, Ван-Дейка, Доминикино, Кореджио, Веронезе, Рембрандта, Гвидо-Рени; большая часть картин была, впрочем, по смерти графа в 1788 году вывезена в Петербург и часть в Останкино; в некоторых комнатах висели люстры из чистейшего горного хрусталя...

На конце р о щ и было небольшое озеро под названием Локасино; искусственная река соединяла его некогда с другими небольшими озерами; через рукава этой речки живописно перекинуты были красивые мосты с раззолоченными перилами; один из них вел в глубину рощи, к так называвшемуся „убежищу философов“ или в Тентереву деревню, в красивый домик, с зеркальными стенами, полами и плафоном, наполненный тысячами редкостей.

Недалеко от этого дома было другое здание под названием „Метрея“; это был небольшой скотный двор, куда приводили графу на показ его любимых коров. У опушки „Гая“, недалеко от нынешней Гиреевской рощи и дороги в Косино, бил фонтан; в пятидесятых годах в этом гаю стояла еще „беседка тишины“ и курган.

Беседку окружал некогда искусный лабиринт, а на кургане стояла статуя Венеры; возле нее была Львиная пещера; здесь

на лаврах лежал лев, под ним была латинская надпись и здесь же хранилась плита с допотопными окаменелостями, найденная в окрестностях Кускова.

Недалеко отсюда был знаменитый стог сена, который еще помнят некоторые старожилы; при приближении к нему замечалась оригинальная беседка, в виде русской избы, в которой за дубовым столом на тесаных скамьях сидели двенадцать мужичков в праздничных нарядах в интересных позах и пили водку. Это была группа восковых фигур, которая называлась пьяной компанией. П. Бессонов говорит, что эта группа не изображала русских мужичков, а иностранцев, что тут были восковые фигуры какого-то „Вилиуса", „турка", еще „господина без печали, веселого брата", затем „француза" и доктора „Бамбаса вместе с дамой". Судьба этих кукол была самая печальная: портной Иван Пучков и обойщик Нефед Никитин в ночное время перебили их, отшибли им головы и руки, обобрали их платье и продали в Москве. Позднее опустошение этого „Шомьера" довершили мыши и всепожирающее время.

Также на идущей мимо театра в Владычино дороге, на том месте, где теперь мост через канал, прежде был так называемый „потаенный фонтан", и стоило только шутнику отвернуть кран, как на бедного, проходившего через мост, лился проливной дождь.

Говоря о бывшем великолепии Кускова, нельзя не вспомнить и о старинных его угодьях. К числу их принадлежала и та роща, которая теперь известна под именем з в е р и н ц а; зверинец был в окружности до трех верст; еще заметны теперь два пересекающихся под прямым углом, в средине леса, проспекта и видны следы каменной башни, служившей сборным местом охотников, но уже нет следов построек настоящего зверинца, где содержались разных пород звери: черные американские, серые русские и сибирские медведи, лоси, лисицы и проч. Стада оленей ходили свободно; их считалось до 600 голов; остатки этих стад выведены отсюда в 1809 г., и зверинец уничтожен. Охоту графа составляли обыкновенно 40 псарей, 40 егерей, 40 гусаров и т. д., все по сорока.

Но охота графа принимала иногда более огромные размеры, и тогда театром ее делались все окрестности; сотни наездников и амазонок, благородных гостей графа, цвет тогдашней аристократии, множество богатых экипажей, блестящих ливрей, лихих скакунов в раззолоченных уборах, все это составляло пре-

красную картину, напоминавшую охоты Генриха IV в Булонском лесу [1]) или королей английских в Виндзоре [2]).

На другой стороне сада, против грота и итальянского дома, возвышалось двухэтажное здание в мавританском вкусе, под названием эрмитажа; построен последний был архитектором Валли; в этом здании из нижнего этажа в верхний была машина, поднимавшая на стол 16 кувертов: низ здания был занят тремя буфетами; здесь сервировали стол и приборы, и каждый отдельно поднимался наверх. Здесь был также подъемный диван, поднимавшийся наверх вместе с гостями.

Наверху эрмитажа граф по часам сживал один и никто лишний не мог войти туда; все подавалось и принималось машиной. Также необыкновенно богаты были кусковские оранжереи, теплицы, но лучшие деревья перешли к Шереметевым от Черкасского; здесь были бесценные померанцевые и лавровые деревья огромной величины, считавшие уже при графе П. Б. несколько столетий своей жизни.

Оранжереи, теплицы и грунтовые сараи Шереметева снабжали фруктовыми отводками все окрестные поместья и много способствовали развитию плодового садоводства не только под Москвою, но и во всей России.

Для лавровых деревьев были сделаны особые двери или, лучше, проломы до 18 аршин в вышину; таких лавров и померанцев было трудно найти даже на юге; некоторые деревья доходили до 18 аршин высоты, кадки вместе с деревом весили до 150 пудов; для перенесения их с места на место требовалось до 100 человек, но на катках их сдвигали с места 60 рабочих; деревьям, по счету слоев одного высохшего дерева, приходилось с чем-то 400 лет; по оценке, сделанной во время опеки над малолетним наследником Шереметева, каждое дерево ценилось 10.000 рублей ассигнациями [3]).

---

[1]) Булонский лес непосредственно примыкает к Парижу и отличается особым благоустройством и красотою (красивые группы деревьев, озера и пр.); это — любимое место прогулок для парижан.

[2]) Виндзор — город на берегу Темзы. Здесь имеется прекрасный замок, где летом проживает королевская семья; при замке — великолепнейший парк.

[3]) Ассигнации — бумажные деньги, выпущенные Екатериною II, с целью „облегчения хождения медных денег". Так как медная монета была чрезвычайно неудобна и громоздка, а ассигнации свободно разменивались правительством на монету, то население выпуск ассигнаций встре-

На месте нынешнего оранжерейного здания, где уцелела старая домовая церковь, стоял первый дом владельцев, за которым в память петровской эпохи и для собрания воедино голландских памятников, сооружен был дом—„Голландский“ (1749 г.).

Этот дом был весь выложен внутри изразцами или плитками самого разнообразного рисунка, с мраморным полом, украшенный по стенам множеством картин с голландскими видами, фламандской школы, рисовавшими домашний быт...

В то старое время существовал еще „Итальянский дом“, предназначенный для памятников итальянского искусства, преимущественно для дорогих картин с историческим и духовным содержанием; внешность дома теперь обезображена, внутри — жилые покои с мебелью петровского времени; картины и редкости вынесены. Прежде везде, кроме картин и статуй, были мрамор, золото, хрусталь, резьба по дереву, штоф, атлас, живописные плафоны и фрески. Дом этот поврежден после отдачи в наймы.

От итальянского дома через вал вел мостик, где стояли пять каменных изящных домиков, с окнами и воротцами, решотками и колоннами; все это было вызолочено; правая сторона обводного канала была отведена для редких птиц, лебедей, журавлей, американских гусей, фазанов, пеликанов и т. д.

Пруды Кускова были полны дорогих рыб; рыбы было столько, что неводом вылавливали зараз по 2000 карасей — и раз была вынута из пруда раковина с жемчугом; встарину на пруде было несколько рыбачьих хижин, стояли яхты с шлюпками и лодками, был остров с руинами, были матросы в шкиперских кафтанах кофейного и вишневого цвета с белыми пуговицами.

Помимо прудов, среди садов Кускова протекал быстрый „ручей“; он был расчищен, углублен, обложен по берегам камнем и обращен в „речку“; от этой речки сделаны отводы и каналы, вырыты водоемы, ручейки, обставленные разукрашенными с живо-

тило очень сочувственно. Однако, скоро правительство стало злоупотреблять выпуском ассигнаций — оно выпускало их все больше и больше и совсем прекратило размен ассигнаций на серебро. Следствием этого явилось падение курса ассигнаций. Ассигнации были в обращении до 1843 г., когда их заменили кредитными билетами. Укажем стоимость одного рубля в ассигнации на серебро для ряда лет: в 1769 г. — 99 коп.; в 1800 г. — 66¼ коп.; в 1807 г. — 53¾ коп.; в 1814 г.—20 коп. Когда правительство стало сокращать выпуск ассигнаций, курс их несколько поднялся (так, в 1833 году курс дошел до 27¼ коп.). При замене (в 1843 г.) ассигнаций кредитными билетами один кредитный рубль был приравнен 3 р. 50 к. ассигнациями.

писными берегами островками, переходными мостиками с золочеными перилами, башенками, беседками и т. д.

Перечисляя памятники роскошного прошлого Кускова, нельзя обойти описанием карусели с затейливыми играми, как то: кольцами, мячами, кеглями, висячим шаром, деревянными конями для езды в одноколках, фортункой, качелями висячими и круглыми на столбах; затем был здесь „Диоген", врытый в землю, — сидел он в дубовом чану со снимающейся крышкой; философ был сделан из алебастра и расписан под цвет натурального тела; он имел при себе муравленный кувшин и шнуровую книгу в кожаном переплете.

В саду был еще „храм молчания", или тишины. В этом здании, сооруженном в лабиринте, стояли только в знак молчания две большие вазы с крышками. В саду также в некоторых местах возвышались большие „декорации" из тесу, с изображениями красками красивых ландшафтов и строений. Такие декорации часто употреблял в дело князь Потемкин во время проездов Екатерины по бедным и скучным местностям. Была в Кускове одна „декорация", представлявшая домики, при них ворота с замком и скобками.

Красовалась там еще беседка „Трефиль", снаружи и внутри обитая равендуком, с расписными стеклами; на ней надпись: „Найтить здесь спокойство"; был и „философский домик", обитый внутри березовою корою и на дверях с надписями на французском и русском языках. В числе затей стоял еще „открытый воксал" для музыки и танцев, с наугольными кабинетами, снаружи и внутри фонари и колокольчики.

Но наибольшею роскошью, как мы уже говорили, отличался театр Шереметева. По величине он равнялся нынешнему Московскому Малому театру, но удобством, вкусом, изяществом и богатством он далеко оставлял второй позади.

Построен он, как мы сказали, по плану архитектора Валли и убран внутри по рисункам известного Гонзаго. Начат он, по преданию, год спустя после постройки барского дома.

О полноте и богатстве театрального гардероба можно судить по тому, что в 1811 году, по сделанной описи „театрального платья", парчевого, шелкового и т. д., было сундуков 17, а разных уборов, перьев, обуви и т. п. — 76 сундуков. Исполнители театральные помещались в особых корпусах, близ театра, „свои" же иногда и по собственным домам; певчие, родоначальники зна-

менитой некогда Шереметевской капеллы, преимущественно малороссы; певцы-солисты, музыканты, актеры и актрисы, танцовщики и танцовщицы особо из своих и приглашенных за плату.

В 1787 году, в бытность Екатерины II в Кускове, граф Шереметев давал представления на своем театре; граф Сегюр, бывший на этих спектаклях, говорит, что балет удивил его не только богатством костюмов, но и искусством танцовщиков и танцовщиц. Наиболее ему показалось странным, что стихотворец, музыкант, автор оперы, как и архитектор, живописец, написавший декорации, так и актеры и актрисы — все принадлежат графу и были его крепостные люди.

Все празднества в Кускове отличались необыкновенною пышностью; во время праздников у графа Шереметева число гуляющих посетителей доходило до 50 тысяч человек, исключая званых гостей, которых приглашалось по билетам более 2.000 человек.

Где теперь столбы и шлагбаум, на выезде из Кусковской земли в сторону Перова и Опекунова, при повороте к Тетеркам, стоял деревянный столб с надписью, приглашавший посетителей Кускова „веселиться, как кому угодно, в доме и в саду“.

На одном из праздников в Кускове сопровождал Екатерину император австрийский Иосиф. Посетив Кусково, император думал, что приехал к венценосному владельцу.

Граф Сегюр в своих воспоминаниях говорит, что стол графа Шереметева в этот день был сервирован золотою посудою на шестьдесят персон; граф Комаровский, видевший этот праздник, замечает в своих записках: „что всего более удивило меня, так это плато, которое было поставлено перед императрицей. Оно представляло на возвышении рог изобилия, все из чистого золота, а на том возвышении был вензель императрицы из довольно крупных бриллиантов“.

На возвратном пути из театра весь сад уже горел огнями; на пруду плавали лодки и гондолы с песенниками и хорами музыкантов; два обелиска по обеим сторонам пруда представляли два ярких маяка; вдали горели щиты с вензелевыми изображениями царицы и сыпались целые каскады разноцветных огней.

Перед началом фейерверка государыне подали механического голубя, и с ее руки он полетел к щиту с ее изображением и парящей над ней Славой; вместе с этим щитом в один миг вспыхнули другие, и пруд и сад залились ярким светом.

Во время фейерверка разом было пущено несколько тысяч больших ракет, и иностранцы, бывшие на празднике, удивлялись, как частный человек мог тратить несколько тысяч пудов пороху для минутного своего удовольствия.

На этом празднике бесчисленные толпы народа гуляли целую ночь. В галлерее был ужин, во время которого пели певчие.

Государыня возвратилась с праздника по дороге, освещенной вплоть до Москвы плошками, фонарями, смоляными бочками. Когда царица подъезжала к Москве, то в столице били утреннюю зорю.

Граф П. Б. Шереметев умер 30-го ноября 1788 года; он похоронен вместе со своими предками в соборной усыпальнице Спасо-Андрониева монастыря. Сын героя Полтавского и Прутского, современник Петра и шести других царствований, он был истинный вельможа золотого века Екатерины, ослеплявший иноземцев „умною пышностью"; пышность его не была разорительная: он расходовал только то, что получал из имений, и был далеко не расточительный и весьма осторожный в расходах превосходный хозяин, устроивший систематическую экономию и строгие штаты со сметами. П. Бессонов в своем очерке („Графиня Прасковья Ивановна Шереметева") про него говорит: „это был образец екатерининского вельможи-богача, ловкий, хотя не слишком услужливый и довольно самостоятельный придворный, с хитростью, блестевшей в его несколько скошенных глазах, важный, но не надменный, и со всеми до низших ласковый, не любивший головоломного труда, но очень крепкий природным умом и образованный по-французски; член знати европейской и вместе хлебосольный русский барин; артист в душе для всех искусств, с отличным ко всему вкусом, до изысканной гастрономии и равно до тяжелых дедовских блюд".

В его домах: петербургском, московском и кусковском, до конца его жизни ежедневно накрывались столы для бедных дворян, часто до ста приборов, из десятка и более блюд — сам же Шереметев никогда не ел более трех блюд.

Выезжал он на охоту в сопровождении не менее как пятидесяти дворян, которых он благодетельствовал, и имея при себе не менее 700 человек дворни, как то: конюхов, шатерничих, поваров и проч.; шатры, палатки, огромные запасы следовали за ним большими обозами.

В гости он ездил к соседям также в сопровождении нескольких сотен конных проводников; но несмотря на такую

пышность выездов, он очень любил уединяться, и даже одно время хотел постричься, носить воду, дрова в келью и выметать сор своими руками.

Граф прожил 75 лет, умер в почетном звании обер-камергера и кавалером ордена св. Андрея Первозванного. Он был обладателем ста сорока тысяч душ крестьян.

(М. Пыляев—Старая Москва, гл. 8.)

---

18. Записки В. С. Хвостова [1]).

(1792 г.)

С оброка на барщину.

Грустная и уединенная моя жизнь в деревне заставила меня обратить все старание о поправлении обветшалого моего усадища, в коем один только господский дом приведен был в довольно порядочное состояние, прочее же строение было крайне плохо.

Определив из крестьян моих двенадцать в плотники, я выстроил три скотные двора, два новые гумна, две обширные пуни для соломы и пчел, амбар для сена телятам, хлев на случай заболевшей скотины, избу с печью, в коей вмазан большой чугунный котел для корму скота пареным охоботьем от вымолоченного хлеба, молошную избу и при ней ледники, в той же связи для пастухов избу с чуланами; к господскому дому два флигеля, баню и ткацкую, каретный сарай, два хлебные амбара и хлебный магазин; нанял садовника и завел сад.

Без хвастовства могу сказать, что я в течение пяти лет моего одиночества привел Нежово в несравненно лучшее состояние, как в рассуждении самого усадища, так и пашни. В 1792 году, когда я приехал в него, запашка состояла из сорока четвертей ржи, ныне же доведено до ста.

Нашед барщину малолюдною и в жалком состоянии, я взял из оброчных тридцать сох на барщину. А так как сии оброчные живут при Чудском озере и зимою промышляют рыбною ловлею, то и содержались на господской работе только до ноября, а дабы

---

[1]) Вас. Сем. Хвостов (1756—1832), сенатор и писатель, довел свои записки до самого начала XIX века. „Записки“ эти впервые появились в печати после смерти автора их — в 1870 г. (в „Русск. Архиве“).

к сему времени поспеть мне обмолотить хлеб, то я построил два гумна и сим средством успевал нередко до Рождества Христова молоченье оканчивать. Но чтоб дать средство и барщинным поправиться, то я их поместил в рыбный промысел. На сей случай употребил я следующую расчетливость. У бережских моих оброчных было более десяти неводов, в каждом было по двенадцати работников, коих они принимали с воли. Переженив несколько холостых из оброчных на девках из барщинных семей, я породнил их и потом определил в каждый невод по четыре барщинника так, чтоб, где в семье два работника, один оставался дома и сменялись бы на промысел понедельно. Я с удовольствием видел, как поправляться стали мои барщинники: ибо на худой конец рублей до пятидесяти в зиму доставали и стали заводить порядочных лошадей, неотменно потребных на озере; стали сеять более прежнего овса, и я перестал слышать на господской работе беспрестанное понуканье лошадей.

Что я не ошибся в расчете, взяв тридцать сох с оброчных на лето на барщину, спустив каждому по десяти рублей из оброка, то пусть всяк сочтет, сколько принесла мне прибыли пашня, доведенная до ста четвертей посева ржи, когда прежде засевалось ее сорок. Но главным честолюбием хозяйства моего похвастать могу тем, что в сорок лет владения, в самые голодные годы, никто не видел кого-нибудь из крестьян моих просящего милостыню.

(Русский Архив за 1870 г., стр. 583—5.)

19. Хозяйственные расчеты ярославского помещика Е. С. Карновича [1]).

(1797—1798 г.г.)

Теперешний доход.

Деньгами	6.500 р.	
Ржи 400 четв. по 5 р.	2.000 „	остается от года на один месяц.
Овса 400 четв. по 2 р. 50 к. . .	1.000 „	нынешний год даже и не стало.
Ячменя 100 четв. по 3 р.	300 „	на ругу, на ребят исходит весь.
Пшеницы 50 четв. по 7 р. . . .	350 „	остается от года 32 четверти, итого на 224 р.
Масла 50 пуд. по 6 р. 50 к. . . .	325 „	остается от года 20 пуд, итого на 130 р.
Льну 100 пуд. по 6 р.	600 „	продажи ни оному, ни холстам нет.
Итого . . .	11.075 р.	
Да от пшеницы и масла	354 р.	
Всего . . .	11.429 р.	

Господских полей 3 во владении мужиков, которые навозом довольствуются с конного двора, скотного и от дворовых. Скота же у меня, на 80 десятин, господского 20 скотин, да у дворовых 42 скотины, — всего 62 скотины, а по-настоящему должно иметь на каждую десятину по 3 скотины рогатого, кроме лошадей, у меня же 52, всего со скотом 116 животин, что и делает по $1^1/_2$ животины на десятину. Из того числа 7 лошадей зиму держатся в Ярославле, разгонные; разгонные всегда в езде, то нельзя положить более как по 1 животине достанется на десятину. Оттого теперь господские поля весьма обессилены и год от году в больший упадок приходят. Держать же, по теперешнему положению, более скота отяготительно крестьянам, ибо на их корму.

Всякая плотничная работа и пилка теперь у меня наемная, или я сам плачу, или мужики. Прошлый 1797 год за плотничную

[1]) Е. С. Карнович (умер в 1853 г.) был для своего времени передовым сельским хозяином. Владея именьем в Ярославской губернии, он, принимая во внимание невыгодность для Ярославской губернии хлебопашества, пропагандировал льноводство и травосеяние (между прочим, он первый в России начал сеять клевер). Карнович основал ярославское общество сельского хозяйства, организовывал сельскохозяйственные выставки, у себя в именьи употреблял при обработке земли орудия и машины.

работу сошло с миру 459 р. 50 к., а и нынешний год заплачено уже из оброку за пилку 155 р.; это всякий год необходимо, либо все обвалится и сгниет.

В нынешнем сентябрьском расходе изошло более 100 р., коих бы при издельных мужиках не было, и все потребности покупаемые были бы исправлены.

Сходит с тягла оброку.

Деньгами	16 р.	25 к.
Ржи 1 четверть	5 „	— „
Овса 1 четверть	2 „	50 „
Ячменя 1 четверик	— „	35 „
Пшеницы 1 четверик	— „	75 „
Масла 5 фунтов	— „	75 „
Льну 10 фунтов	1 „	50 „
На баранов, холста и проч. по	1 „	— „
На плотников, пилку, жалов. по . . .	2 „	— „
Половина подводы дешевой по	— „	80 „
Ярового корму на	1 „	25 „
Полкурицы и 50 яиц	— „	40 „
Итого . . .	32 р.	55 к.

С 400 тягол, и все в цену полагая, сходит 13.020 руб., в доходу 11.075 р., в нем нет баранов, холста, плотников, пилки, ярового корму, полкурицы, яиц, жалованья: выборному, старосте, земскому, сотскому, лесникам и меровщикам.

Примерное положение о изделье 100 тягол все умеренно и среднею пропорциею полагается, как посев, работа, урожай, цены и доход.

Взять у мужиков обратно 3 господские поля, в них по 80 десятин казенных. У мужиков же для пашни земли слишком довольно, о количестве оной можно видеть из книги и моего расписания, сколько на тягло достается.

Посев. На поле, на 80 десятин, высевается ржи 120 четвертей. Против оного на второе поле сеется ярового хлеба против 120 четвертей, пшеницы против 20 же ржи; льну 10 четвертей против 15 ржи, ячменю 30 четвертей против 20 ржи, овса 130 четвертей против 65 ржи. Ярового разного хлеба 190 четвертей.

Все эти 100 тягол издельных легко обработать могут и притом с помощью дворовых накосить стогов 40 сена. А чтобы вся оная работа удобнее, скорее и лучше могла быть сделана и от погоды не потерпеть остановки, выговорить у оброчных помочные дни.

Навоз возить 1 день, слать рожь 2 дня, всего 5 дней. Луг господский косить по-теперешнему всем поголовно, и оброчным и издельным. Покосы же, коих у меня прибыло и прибыть может, одни издельные и дворовые исправить должны и могут.

С 1-го октября до весны половину издельных мужиков можно на промыслы отпускать, не брав с них за оное ничего, оставшаяся же половина обрабатывает лен и кончит молотьбу, равно как и всякое изделье и постройку исправит. Отпущать же погодно, год одна половина, на другой другая.

Дров положить на оброчных по 1 сажени на тягло. Они не будут давать ярового корму и ржаной соломы, у них будет больше соломы и они, лучше удобря, лучше и обработают свою землю, лучше и хлеб у них родиться будет. За сим от меня строго будет приказано смотреть и сам не упущу наблюдать. Теперь же они ездят пахать господское поле и не столько прибытку получается, сколько время теряется. Оно и так худо родит, а со временем придется отступиться от него, или гораздо скота приумножить для удобрения оного.

С издельных брать по барану с тягла, а с бабы по 2 р. 50 к. называемых холстинных. Подвод без крайности никогда не требовать, хотя эту повинность издельные бы должны нести. Наблюдать, чтоб издельные, когда случится постройка, никогда наймом не отправляли, а сами не так, как теперь у меня, все деньгами исправляют, что многим весьма отяготительно.

На каждую десятину надобно иметь рогатого скота по 3 скотины, на 80 десятин 240 коров. Из того числа умеренно положить 100 коров дойных, а прочие телята, подтелки, быки и малую часть овец, ибо их невыгодно держать. Если положить 10 коров для кухни и расходу, то с 90 коров должно получить масла по 30 фунтов, да берут везде за творог и молоко со скотников по 1 рублю с коровы. Корму же для 240 скотин своего никогда ставать не будет, а ежегодно покупать на 100 рублей, равно и для подстилки соломы рублей на 100 прикупать надобно. Чем более подстилки, тем более навозу, чем более удобрения, тем больше урожаю, в сложности же и одно зерно счет делает не малый.

По 30 фунтов масла с коровы делает с 90 коров 67 п. 20 фунтов; положив масло по 6 р. 50 к. сделает за оное 438 р. 75 к., а если делать чухонское масло и продавать в Москве и Ярославли, то еще больше от оного доходу. Хотя по 50 копеек с коровы за творог и молоко делает 45 руб., но на 200 р. корму и соломы

купить есть из чего. Рогатый скот всегда платит хорошо за свое содержание.

Телятины, баранины покупаться ни здесь, ни в городе не будет. Для солонины говядина тоже своя, и кожи же денег стоят. Птиц дворовых тоже будет довольно, есть чем кормить, равно и свиней.

В скотники определить надобно шесть семей дворовых. Для доения же коров наряжать ежедневно всех дворовых баб и девок. Летом скотников можно употреблять всюду, а зимой никуда не трогать.

Чтобы иметь по дому моему приличное количество птиц, надобно определить две семьи дворовых для хождения за ними, к чтобы все было в порядке и порядочно.

Дворовые, которых содержание мне весьма дорого, и они лишь в тягость, употребятся с пользою.

Коль скоро изделье будет, то Ивашевскую ветряную мельницу возьму для себя, поправлю ее и переделаю во всем, сделаю о три постава и маслянный завод устрою. Устрою ветряную мельницу. Все это не маловажный доход приносить будет.

При сем полагается примерное положение урожаю хлеба и с оценкою. Все, что 100 сделают, оценено в сравнении с теперешним доходом:

Ржи 120 четверт.	сама пята	480 ч.	по 5 р.	— к.	2.400 р.	— к.
Овса 130 „	сам четверт	390 „	„ 2 „	50 „	975 „	— „
Льну 10 „	сам четверт	30 „	„ 20 „	— „	600 „	— „
Льну должно выйти		150 п.	„ 6 „	— „	900 „	— „
Пшеницы 20 четв.	сама пята	80 ч.	„ 7 „	— „	560 „	— „
Ячменя 80 „	сам пят	120 „	„ 2 „	— „	360 „	— „
От масла, за покупом корму и соломы, денег					283 „	75 „
			Итого на . .		6.078 р.	75 к.

Кроме денежных доходов и замены денежной траты, о чем выше упомянуто, 100 тягол на изделье делают более доходу нежели против теперешнего оброка. Прочие же 300 тягол охотно дадут по 35 руб. с тягла, что сделает 10.500 руб. чистого денежного дохода.

Теперь у меня тягол 450, а я все полагаю 400, это послужит им всем в облегчение.

Если же рожь родится сама восьма, пшеница также сама восьма, лен сам пят, овес сам пят или сам шест, ячмень сам шест

или сам сем, то и доходу будет более, да и цены большею частию бывают дороже мною поставленных.

Оброк, какой бы ни был, его прибыть никогда не может, изделья же приносят иной год в полтора более доходу обыкновенного, а иногда и вдвое.

Семена же у меня всегда будут самые лучшие: льняное семя псковское; овес — часть английского и многоплодного. Рожь же на семена брать буду ту, что, когда веют, падает у самых ног, это лучшее зерно, равно и пшеницу и ячмень.

Лошадей же уменьшится и ежегодно будет продаваться сено, который доход я полагаю рублей до тысячи на год.

(Русск. Старина 1876 г., т. 16.)

20. Татищев об организации крепостного хозяйства.

В духовном завещании Татищев начинает с рассуждений вообще о богатстве дворян, которое они получают разным образом: 1) монаршим награждением, 2) наследством, 3) супружеством и 4) всяким богу противным злодеянием. По его мнению, купечество больше имеет способов к нажитию богатства; но безграмотность этих торгашей, незнание правил коммерции, неимение общего банка и контор в чужих государствах, разорение потребителей откупами и подрядами под видом коронной пользы, плохой кредит, вследствие наклонности купцов к обманам, подрывают их деятельность и увеличение капиталов. Фальшивые векселя, обманы в товарах, ложные торги и подряды — заманчивые сделки и для других сословий: „Прошу тебя,—говорит Татищев сыну, — не имей с такими богомерзкими и жадными подлецами обхождения, какого бы они чина и звания ни были“.

Деревенская жизнь, среди своих поместий и вотчин, должна наступать, по мнению Татищева, для каждого дворянина, когда ему исполнится 50 лет: „тогда,—говорит он,—надлежит помышлять о увольнении от всех дел для того, что от сих лет крепость и сила телесная начнет сохнуть и исчезать, ум и память умаляться, и от времени до времени в управлении своей должности неспособным явиться можешь. Весьма остерегайся того, чтоб тебя без прошения от службы не отставили; сие для честного и благородного человека великий стыд и поношение: одни только скоты сего наказания не ощущают“.

И в экономических записках своих, рисуя день крестьянина, Татищев повторяет, что „наивящий пункт учить грамоте и писать, чрез что познает закон и страх божий, хотя тем может назваться истинным человеком и различить себя от скота“. Эти записки, подробно входя в различные вопросы сельского хозяйства: о разделении земель меж крестьянами, о сбережении лугов и сена, о запашке, о сенокосе, о навозе, о жнитве, о покосе, о молотьбе, о прокормлении скота и сбережении шерсти, о размножении птиц, о копании каналов вместо городьбы и о размножении прудов, о садах и пчелах, о падеже скота, хворобе и лекарствах, о ткачах, о деревенском строении, о магазинах и цейхгаузах, постоянно имеют в виду спешную, бодрую, прилежную работу всего сельского населения. Так, сено косить Татищев советует ранее и притом поспешным образом, чтоб сок и влажность из травы высохнуть не могла, начиная работу с вечера, и ежели ночь светла, то и всю ночь и утро, пока роса есть; навоз свозить на поля — также поспешным образом; хлеб жать или косить весьма поспешно с вечера и, ежели светло, всю ночь; шерсть стричь на овцах, как можно скорей после обмывки; сады разводить прилежным образом. Наконец, в записках есть целая глава: „о поспешности в работе“, в которой между прочим сказано: „всего наивяще смотреть надлежит, дабы летом во время работы немалой лености и дальнего покою крестьянам происходить не могло. Кроме одних тех праздников, которые точно положены и освобождены от работы, не торжествовать; понеже ленивые крестьяне ни о чем больше не пекутся, как только узнать больше праздников. И для того работу производить, начав с вечера, ночью и поутру, а в самое жаркое время отнюдь не работать, ибо как людям, так и лошадям оное весьма вредно... И необходимо во время работы с крестьянами старосте или приказчику с великою строгостью и прилежностью обращаться надлежит, пока хлеб весь с поля убран будет, как помещиков, так и крестьянской. Работу же производить, сделав сперва помещичью, а потом принуждать крестьян свою, а не давать им на то волю; как то есть в худых экономиях, где не смотрят за крестьянскою работою, когда они обращаются в собственной своей работе, понеже от лености в великую нищету приходят, а после произносят на судьбу жалобу. Когда ж убран будет с поля весь хлеб, то староста и приказчик не имеет их больше к работе принуждать и должен им дать покой несколько времени; а за труды их, выбрав свободный день и собрав всех,

напоить и накормить из боярского кошту... понеже от праздности крестьяне не токмо в болезнь приходят, но и вовсе умирают, спят довольно, едят много, а не имеют моциону; доброму старосте и прикащику всего того смотреть надлежит, ибо за хорошее смотрение должны получать хорошую заплату, а за нерадение штраф или наказание... Крестьянин не должен продавать хлеб, скот и птиц лишних кроме своей деревни, а когда купца нет, то должен купить помещик повольною ценою; а когда помещик купить не захочет, тогда вольно продать постороннему. А кто без ведома продает или к работе ленив будет, тех сажать в тюрьму и не давать хлеба двои или трои сутки. А особливо вражды, ссор и драк между собою отнюдь не иметь под жестоким наказанием; а жить всем согласно и единодушно без всякой зависти, во всяком дружелюбии, одному другому во всем вспомоществовать, и друг другу быть покорным по закону божию. А кто в том виновен явится или каким себя злодеем окажет, то штрафовать денежным штрафом и сверх того чинить наказание, не давать пить и есть время, смотря по вине, до трех дней. Прикащик же ни под каким видом не должен иметь присевок или пашню, кроме своего дохода, положенного от помещика, а может держать скот на барском корму, сколько ему позволено будет; а лучше содержать прикащика деньгами. Крестьян в чужую деревню в батраки и пастухи не пускать и в свою не принимать; вдов и девок на вывод не давать под жестоким наказанием; понеже от того крестьяне в нищету приходят, все свои пожитки выдают в приданое, и тем богатятся чужие деревни. В своей деревне между собою кумовства не иметь, за тем, чтоб можно было жениться. Крестьян старых и хворых мужеска и женска пола по миру не пущать, а определять их в домовую богадельню, которых поить и кормить боярским коштом. Прикащик должен иметь годовой ежедневный журнал, что когда делано и зачем, когда работы не было. Татищев советует все собирать, что дает сельская природа, „дабы ничто, произращенное от бога, данное нам в пищу, втуне по нашей лености пропасть не могла. Если ж в чем потребной надобности в дому состоять не будет, то все оное можно будет продать, а хотя и крестьянам отдать весьма полезно... и так ничто продать напрасно не может“. Заключая свои записки „нравоучением жизни доброго крестьянина и рукодельника“, Татищев и тут повторяет о поспешности в работе: „каждый человек, который ежечасно упражняется в работе, тот всегда здоров и бодр;

а который спит довольно, ест много, тот ежечасно себя подвергает болезни. Притом, то ведать надлежит: летом меньше есть, а чаще пить, то никакой болезни знать не будет; чрез силу не пей и не ешь, и спать не ложись, когда не хочешь... всякой крестьянин детей своих должен в великом страхе содержать, ни до какой праздности не допускать, и всегда принуждать к работе; дабы он в том взял привычку, и смотря отца своего неусыпные труды себя к тому приучать мог. Праздность человека приводит в воровство и разбои, от чего после навеки должен будет пропасть душею и телом; а дабы каждый праздно в младости не был, то должен он отдать его какому-нибудь художеству и рукоделью учиться, от чего всегда интерес свой получить может".

Распределяя не только каждый день крестьянина и дворового человека, но и входя в самое исполнение их работ, Татищев касается также наказаний нерадивым исполнителям этих предписаний: „для винных людей,—велит он, —иметь тюрьму; а затем наказывать за вину нещадно; одна милость без наказания быть не может, по закону божию". Вместе с тем Татищев заботится, чтоб имения снабжены были банями, лекарем и домашнею аптекою. То же повторяет он и в завещании сыну: „в деревне, где ты жить будешь, необходимо при себе иметь должно лекаря искусного, дабы как для самого тебя, так и крестьян своих и посторонних, в случае болезни, мог скорее помочь подать, что весьма сожалетельно: по неимению таких искусных людей, от деревенских проклятых обманщиков, ворожей, шептунов и колдунов, от их безумных и вымышленных лекарств, весьма много напрасно народу гибнет, от чего и в неизлечимую болезнь приходят, а иные и вовсе умирают. И для того необходимо надлежит иметь в пристойном месте для больных особые покои, равно и для старых и увечных, которые б зависели от собственного призрения помещика".

(Нил Попов — В. Н. Татищев и его время.)

---

21. Происхождение крестьянской земельной общины.

Общинное землевладение с переделами полей было явлением повсеместным в центральной России уже в половине XVIII века, и, следовательно, не может быть и речи о создании в это время, посредством правительственных распоряжений, современного

типа общины. Депутат ямбургского дворянства в комиссии уложения, бар. Вольф, в неизданном проекте, составленном в 1770 году, говорит, что крестьяне самым точным образом „разделяют между собою по полосам свои поля и земли, покрытые кустарником“. Комиссия о разборе родов государственных жителей в проекте о правах третьего или нижнего рода людей (также неизданном) говорит о государственных черносошных, государевых, дворцовых и экономических крестьянах, что они „владеют землями каждый по отведенным им участкам“, но в случае размножения народа в селении производится передел. Курская казенная палата, доказывая в донесении Сенату (1788 г.), как неудобно участковое землевладение однодворцев, предлагает уравнять между ними земли „на подобие дворцовых, экономических и прочих всех государственных крестьян, делящих земли в дачах селений своих в каждом особо поровну, т.-е. по числу в тех селениях положенных в оклад мужеска пола душ“. Предлагая ввести уравнение земель у черносошных и дворцовых крестьян архангельской и великоустюжской провинций, где переделов в то время не было, Козмин в докладе императрице (1765 г.) предлагает предписать именным указом „делить им земли и раздавать в волостях недостаточным равномерно так, как и помещики своих крестьян по числу людей, кто что снести может, уравнивают“. Подтверждая известный факт — отсутствие переделов на севере России, Козмин свидетельствует в то же время о их повсеместности у крепостных крестьян.

Кроме этих общих указаний, мы можем привести еще несколько свидетельств об отдельных губерниях центральной России. Что общинное землевладение существовало в Петербургской губернии, видно из неизданного мнения ораниенбаумских и ямбургских дворян (1780 г.), а также и из того, что сведения об общинном пользовании землей, встречаемые у бар. Вольфа, очевидно, основаны на наблюдениях в этой местности, так как Вольф был депутатом Ямбургского уезда. О Новгородской губернии свидетельствует академик Гюльденштедт, что там (в 1774 г.) „поля и сенокосы находятся в общинном владении деревень, и крестьяне делят их между собою по жребию на 5 или 10 лет“... Выгоны и леса общие для пользования по усмотрению. По словам авторов описания Московской губернии (1803 г.) „крестьяне делят земли по семействам или по тяглам“. В калужской провинции, по свидетельству местного прокурора, земли крестьян помещичьих, дворцовых и монастырских „делятся по их тяглам“. О крестьянах провинции

Переяславля-Рязанского в экономических ответах сказано: „у которого по тяглу земельных участков довольнее, тот более и скота держит“.

Канцелярия олонецких Петровских заводов в донесении в берг-коллегию в январе 1778 г., согласно с мнением следственной комиссии 1771 г., заявила, что она считает необходимым все земли, деревенские участки и сенные покосы, кому бы они ни принадлежали, — посадским ли или государственным крестьянам, — размежевать между ними „по числу их тягла“ и причислить к тем селениям, к которым они прилегли, а крепости на те земли, закладные, духовные и векселя, данные от крестьян купцам, уничтожить, „потому более, что они, жив при тех селениях издавна, многое время и в малой цене заложенными в большом количестве участками, пользуясь свои деньги чрез продукты давно уже возвратили“... да и впредь продавать, закладывать и духовными и тому подобными письмами укреплять запретить. Если же кто из купцов пожелает остаться в деревне с обыкновенным крестьянским тяглом и нести всю мирскую тягость вместе с крестьянами, не исключая и заводской работы (с этим условием из крестьян и записывались в купечество), то в этом им не препятствовать; в противном же случае по размежевании земель вывести их для поселения в города. Берг-коллегия одобрила это предложение, и сенат в 1781 г. приказал его исполнить.

В 1785 г. было подтверждено, между прочим, олонецкому и архангельскому генерал-губернатору Тутолмину „о всех казенных селениях, землями скудных, сделав в рассуждении удовольствия их общее положение, доставить в правительствующий сенат“.

Когда олонецкая казенная палата узнала из предложения Тутолмина от 25 июня 1785 г. о требовании правительства, чтобы селения, чувствующие недостаток в земле, были наделены ими, экспедиция директора экономии уже была завалена жалобами крестьян на малоземелье: у иных земли вовсе нет, у других очень мало, несмотря на то, что они по двум ревизиям платят подати; причина этого заключается в присвоении земель прочими крестьянами по купчим, закладным, завещаниям, в виде приданого и посредством насильственного захвата. Во многих селениях они

пользуются такими землями, не допуская остальных к разрабатыванию удобных мест, считая их своей собственностью. Поэтому экспедиция директора экономии, по получении предложения Тутолмина, сделала 30-го июня распоряжение о разделении всех земель поровну.

Многие крестьяне сочувствовали уравнительному переделу земли, и он с успехом производился в волостях, но местами против него протестовали более богатые крестьяне, а также деревенские владельцы из купцов.

В конце 1829 г. появилось циркулярное предписание министра финансов казенным палатам, в котором было сказано, „чтобы земли, принадлежащие каждому казенному селению, разделяемы были между поселянами оного для обрабатывания и платежа податей, на основании мирского приговора, по тяглам“, а также, „чтобы казенные поселяне не отдавали никому в наем или в кортому или под заклад своих участков из денежного или хлебного платежа, но обрабатывали оные сами; равно не допускать и передачу участков под условием, чтобы приобретающие оные участки платили подати за уступающих, и отвращать всякие злоупотребления в захвате земель под видом возмещения долга или под другими предлогами случающиеся, какие бы они ни были“. Архангельская казенная палата считала необходимым изъять из раздела только росчисти до истечения 40-летнего льготного срока. Высочайше утвержденным мнением государственного совета 1831 г. повелено было „уравнять по Архангельской губ. земли между крестьянами“.

(В. И. Семевский. — Крестьяне в царствование Екатерины II, томы I и II.)

22. Секуляризация монастырских и архиерейских вотчин [1]).

I. ТАБЕЛЬ,

сочиненная из имеющихся в св. синоде ведомостей и представленная обер-прокурором кн. Козловским при всеподданнейшем рапорте 1 января 1762 г. императору Петру III.

Звание епархий	В тех епархиях кто архиереи	За архиерейскими домами в вотчинах мужск. пола душ	С тех вотчин собирается в год. Денег. Руб.	Коп.	Хлеба. Чтв.	Чк.	Число [illegible] монастырей и пустынь	В тех монастырях монашествующих	За вотчинами монастырями душ	С оных вотчин собирается в год дохода. Денег. Руб.	Коп.	Хлеба. Чтв.	Чк.	Сколько в каждой епархии церквей	Число семинаристов
Киевская	Митр. Арсений.	—	—	—	—	—	46	863	—	—	—	—	—	1180	897
Московская	Митр Тимофей	18681	5150	14	2655	2	64	1278	70520	12264	63¾	16968	5⅛	1866	238
Новгородская	Арх. Димитрий Вик еп Тихон	21282	24909	18½	—	—	119	574	51616	25308	84	31207	1	1673	246
С.-Петербургская	Арх. Вениамин.	содержание имеет от Александро-Невского монастыря.												104	81
Казанская	Еп. Гавриил.	10009	3653	76½	1729	—	33	594	14517	2489	34¾	3441	6½	[illegible]	410
Астраханская	Еп. Мефодий.	нет определенного жалованья.					9	188	—	—	—	—	—	175	нет
Тобольская	Митр. Павел.	3961	156	98	4310	—	22	275	9159	4519	50	8565	—	489	84
Ростовская	Митр. Арсений.	16340	8943	70½	10999	—	34	342	38371	10049	29	12345	6	820	30
Псковская	Еп. Гедеон.	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	145	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	5	223	19
Смоленская	Еп. Парфений	5169	2308	72¾	1195	7	12	96	3924	801	61½	918	—	344	978
Крутицкая	Арх. Амвросий.	7740	3659	55	2722	5½	28	277	11148	1146	77¾	1019	1	[illegible]	[illegible]
Рязанская	Еп. Палладий.	9322	5384	50¾	1719	1½	36	333	2057[illegible]	3804	89	2949	1	1239	336
Нижегородская	„ Феофан	[illegible]	568	83	2128	7	33	526	17541	2851	49¼	6233	3½	558	270
Белоградская	„ Иоасаф.	[illegible]	—	—	881	—	30	646	6251	—	—	2211	—	1091	430
Суздальская	„ Геннадий.	[illegible]	1933	55	2078	6	28	371	2067[illegible]	5515	35¼	8169	2	498	44
Черниговская	„ Кирилл.	—	—	—	—	—	22	[illegible]	—	—	—	—	—	522	136
Вологодская	„ Иосиф	[illegible]	3040	[illegible]	2972	6	64	345	40025	9589	21¾	22125	—	601	112
Тверская	„ Афанасий.	11960	[illegible]	[illegible]	[illegible]	—	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	42	[illegible]	[illegible]	604	[illegible]
Коломенская	„ Порфирий.	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	—	14	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Вятская	„ Варфоломей	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	4416	[illegible]	[illegible]	—	[illegible]	221
Архангелогородская	„ Иоасаф.	[illegible]	[illegible]	68¼	[illegible]	—	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Устюжская	„ Феодосий	682	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	4	[illegible]	[illegible]
Воронежская	„ Иоанникий.	[illegible]	[illegible]	42	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	2	[illegible]	[illegible]
Переяславская	„ Гервасий.	—	—	—	—	—	5	[illegible]	—	—	—	—	—	240	53
Иркутская	„ Софроний.	нет определенного жалованья					[illegible]	47	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	—	[illegible]	нет
Костромская	„ Дамаскин	[illegible]	[illegible]	47¼	2142	2½	40	217	17081	2599	64¾	3060	1½	[illegible]	50
Владимирская	„ Антоний.	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Тамбовская	„ Пахомий.	[illegible]	2000	96	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	—	—	—	—	—	[illegible]	нет
Переславская	„ Сильвестр.	[illegible]	1195	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	5080	[illegible]	[illegible]	38
Итого		[illegible]	81508	[illegible]	[illegible]	2	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Белорусская в Польской области	Еп. Георгий.	На содержание определено жалов.													

Звание монастырей	В тех монастырях кто архимандриты	Число монастырей с приписными	Число монашествующих	Сколько за теми монастырями в вотчинах душ	Сколько с тех вотчин бывает дохода в год. Денег. Руб.	Коп.	Хлеба. Чтв.	Чк.	Число семинаристов
Лавры:									
Киево-Печерская	арх. [illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	—	—			
Св.-Троицкая Серг.	Лаврентий	15	221	[illegible]	56292	11	37089	5	[illegible]
Ставропигиальные монастыри:									
Св.-Троицкий-Александровский	арх. Вениамин	3	65	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
Новоспасский	Мисаил	1	52	14145	3113	[illegible]	3958	4	
Воскресенский-Новоиерусалимский	арх. Амвросий	1	49	13600	3695	66½	1508	7½	—
Симонов	Гавриил	1	61	12146	3133	88¾	1812	6	
Донской	Варлаам	6	73	6957	2251	39¾	3771	5¾	—
Высокопетровский	Сильвестр	3	47	5998	1965	61	475	—	—
Саввин-Сторожевский	Никон	1	22	16047	3681	17	2941	—	
Киево-Межигорский	Никанор	1	142	—	—	—	—		
Крестовоздвижен.-Бизюков	Панкратий	2	19	3219	174	5	533	1	
[illegible]-Преображенский	[illegible]	1	25	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
Итого		[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	60043	[illegible]	[illegible]

О доходах Киево-Печерского и Киево-Межигорского монастырей в синоде сведений нет

(А. Завьялов. — Вопрос о церковных имениях при импер. Екатерине II.)

---

[1]) В связи с материалом по вопросу о секуляризации церковных земель печатаемым здесь под № 22, полезно просмотреть отрывок „Восстания крестьян" (следующий номер — 23). Следует указать, что секуляризация т. е. обращение земель из церковного в светское владение, применялась отдельными государями довольно рано — так, в VIII веке большое количество земель было секуляризовано Карлом Мартеллом. Секуляризация справедлива не только с точки зрения государственных интересов, делая для государственной казны налогоплательными громадные земельные площади (церковь во всех странах пользовалась привилегированным положением в отношении уплаты разного рода сборов и налогов со своего имущества), но и с точки зрения [illegible] морали — монахи (они и были главными обладателями земель), приобретая богатства, нарушали обет нестяжания. У нас, в России, движение в пользу секуляризации наметилось еще в XV веке среди [illegible] представителей самой церкви (например, Нил Сорский, основавший скит на реке Соре в Белозерском краю, умер в 1508 г.). Церковные земли были у нас широко секуляризованы в XVIII веке и в период текущей революции. Печатаемый „Табель", по [illegible] мужских душ обитавших на церковных землях, дает представление о земельных богатствах церкви.

II. Манифест о секуляризации.

(26 февраля 1764 года).

Объявляемъ всенародно. Прадѣдъ Нашъ, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, въ 1649 году учреждая правосудіе въ подданномъ своемъ народѣ, усмотрѣлъ количество имѣній духовныхъ не по намѣренію подателей употребляемое, помышлять началъ о распоряженіи оныхъ и обращеніи на дѣйствительныя дѣла Церкви Христовой; но преемникъ Его, Нашъ Вселюбезнѣйшій Дѣдъ Императоръ Петръ Великій съ первыхъ лѣтъ своего царствованія, то самое дѣломъ произвелъ. Сей высокихъ дарованій Государь въ 1701 году Генваря 31 дня обращать началъ указомъ своимъ всѣ имѣнія недвижимыя духовныя на истинную пользу душеспасительную, для которой благочестивые податели награждали Церковь Божію въ Имперіи Нашей. Онъ повелѣлъ Графу Мусину-Пушкину взять оныя подъ свое вѣденіе, и распорядить на благолѣпіе церковное и на достодолжное и незазорное содержаніе Олтарю служащимъ, а остатки посвятить опредѣлилъ на учрежденіе училищъ духовныхъ, на пропитаніе отечеству послужившимъ и оставшимся въ старости, ранахъ и болѣзняхъ, бѣднымъ и неимущимъ. . . .

Таковое было дѣйствіе и стараніе о распоряженіи на дѣла богоугодныя имѣній духовныхъ, отъ времени Государя Императора Петра Великаго чрезъ 63 года, въ Бозѣ почивающихъ бывшихъ до Насъ Монарховъ; но для чего оное конца своего не достигло, о томъ Мы не изслѣдываемъ, а осталося Намъ, какъ видимъ, судьбами Божіими, принявъ скипетръ въ Имперіи Нашей перво всего утвердить въ народѣ тѣ дѣла спасительныя Церкви нашей православной, о которыхъ столь много прежде было помышляемо. . .

Да не возмнитъ же кто, яко бы желаніе Наше было достояніе благочестивыхъ подателей церквамъ единожды посвященное обратить на какое-либо употребленіе свѣту и его суетѣ служащее! Но кто можетъ столь неразуменъ и дерзновененъ предъ Богомъ явиться, чтобъ благолѣпіе церковное, поученіе народа, нищимъ призрѣніе, въ старости, ранахъ и болѣзняхъ послужившимъ за вѣру и Отечество содержаніе, не принималъ за тѣ добродѣтели, къ которымъ насъ прямая вѣра Христова поучаетъ? И не Мы ли

самодержавную власть отъ Бога пріявши надъ многими народами, паче всѣхъ земныхъ о томъ помышлять должны? Сіи и прочія къ тому служащія размышленія, вѣрою и закономъ, а къ тому и собственною Нашею любовію къ исполненію должности Нашей въ сердцѣ Нашемъ питаемыя, побудили Насъ, даръ Божій по завѣту Его обратить на сіи богоугодныя дѣла, и составляющее немалую часть доходовъ Государственныхъ, а нѣкоторыми властями безпорядочно иногда управляемое, привести въ такой порядокъ, о которомъ предки Наши чрезъ 60 лѣтъ и больше трудилися, но не окончали...

...Достигли Мы совершить слѣдующее: 1. Понеже въ Камер-Коллежской вѣдомости, по послѣдней ревизіи оказалось всѣхъ Архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ 910.866 душъ, и управленіе столь великаго числа деревень духовными, часто перемѣняющимися властями, происходило тѣмъ самимъ домамъ Архіерейскимъ и монастырямъ тягостное, а временемъ, или за расхищеніемъ служками, или и за незнаніемъ прямаго хозяйства деревенскаго, безпорядочное и самимъ крестьянамъ разорительное; сверхъ же того, многія Епархіи, монастыри, соборы и бѣлое священство такъ были неуравнены, что одни передъ другими весьма малые доходы, а другіе и никакихъ не имѣли: то Мы, учредя Коллегію Экономіи, повелѣваемъ отъ сего времени принять ей всѣ оныя вотчины, со всѣми казенными въ нихъ наличностьми, подъ свое вѣденіе и управленіе. А яко Коммиссія за сходственное и удобное крестьянамъ безъ отягощенія ихъ нашла, и о томъ Намъ свое мнѣніе представила, чтобъ на каждую душу, вмѣсто всѣхъ Архіерейскихъ и монастырскихъ, пашенныхъ и сѣнокосныхъ работъ, и всякаго рода хлѣбныхъ и другихъ окладовъ, положить оброку денежнаго по полтора рубли съ души: то Мы оное Коммисское представленіе утвердя, повелѣли по тому окладу и начать собирать съ сего 1764 года Генваря съ 1 числа; а вмѣсто того, 2) Всѣ Архіерейскіе домы, и мужескіе и дѣвичьи монастыри, имѣвшіе за собою до сего времени вотчины, раздѣлили на три класса, на которые, такъ какъ и на вотчинные и ружные соборы и церкви, сдѣлали особенные штаты и въ нихъ именно означили, сколько домовъ Архіерейскихъ и мужескихъ и дѣвичьихъ монастырей въ тѣхъ классахъ по древнимъ ихъ степенямъ быть; сколько соборовъ и церквей ружныхъ, и что по тѣмъ штатамъ изъ Коллегіи Экономіи въ каждой изъ нихъ, вмѣсто денежной суммы, отпускать всякой годъ должно...

... 7. За таковыми знатными расходами, единственно къ славѣ имени Божія служащими, оставалось Намъ самое важное устроить, о чемъ Предки Наши, въ Бозѣ почивающіе Монархи, столь долговременно паче всего трудилися, а именно, дабы часть доходовъ определить отъ тѣхъ имѣній, которыми боголюбивые податели церкви Божія наградили, больнымъ, престарѣлымъ, дряхлымъ, и за вѣру и любовь, по ревности къ отечеству, тяжкой военной морской и сухопутной службѣ раны понесшимъ. Сами пастыри духовные въ церквѣ поучаютъ, сколь великая есть жертва Богу, разумѣвать на нища и убога и вѣдать скорбь ихъ и болѣзни, а паче отъ службы безъ пропитанія изнемогшихъ и оставшихся, и коликаго вѣчнаго воздаянія отъ Бога, каждый Христіянинъ надѣеться за призрѣніе таковыхъ долженъ. Кольми паче Мы принявши отъ Небесныя силы бремя Правительства всѣхъ Нашихъ народовъ, къ устроенію такихъ дѣлъ одолжаемся, и не церковь ли сама, питая нищихъ и болящихъ, сей даръ въ снѣдь имъ принести отъ избытковъ своихъ долженствуетъ? Для того Мы знатную годовую сумму отъ той же Коллегіи Экономіи опредѣлили на пенсіи вѣрно и долговременно служившимъ и безъ пропитанія оставшимся Офицерамъ, на инвалидовъ, на госпитали, богадѣльни и на многія по смерть временныя дачи, такожде вдовамъ и сиротамъ, и всего более 250.000 рублей въ годъ къ тому назначили, такъ какъ то особливо въ росписаніяхъ находится, Нами конфирмованныхъ...

(Полное Собраніе Законовъ. Томъ XVI, № 12060 с. 549—553.)

---

23. Восстания крестьян.

Когда крепостное право было утверждено на земском соборе 1649 г. особым законом, крестьяне не дали безропотно закрепостить себя землевладельцам. Вскоре же недовольный народ собрался вокруг атамана Степьки Разина на Волге и восстал против „господ“ с их крепостной неволей. Восстание это было, правда, подавлено правительством и дворянами, но недовольный крестьянский люд не переставал бунтовать против крепостного порядка в государстве. Разбои, грабежи, поджоги, убийство помещиков, казацкие бунты то и дело вспыхивали в России и до Петра В. и при самом Петре и после него вплоть до Екатерины II. А в 70-х г. XVIII века народное возмущение крепостным ярмом вырвалось снова наружу

и запылало ярким пламенем с небывалой еще силой. Это было движение, во главе которого стал известный Пугачев.

Сила и обширность этого крестьянско-казацкого восстания „за землю и волю“ объясняется тем, что как раз в средние XVIII века крестьяне особенно сильно надеялись на освобождение их от господской неволи, но были жестоко обмануты в своих ожиданиях. Дело в том, что в это именно время случились два важных события, дававших крепостным все основания ждать скорого освобождения.

Одно событие заключалось в том, что в 1762 г. манифестом Петра III дворяне были освобождены от обязанности служить государству как в войске, так и по гражданской части. Между тем крестьяне думали, что они дворянам не вековечные работники, а работают на них лишь до тех пор, пока дворяне служат государству своей саблей. Отсюда и надежда крепостных, что вслед за манифестом о вольности дворянской должен выйти от царя и манифест о вольности крестьянской. Пугачев именно такой манифест и издал, отвечая на народные желания... Но еще прежде чем явился Е. Пугачев и собрал вокруг себя отчаявшийся крепостной люд, случилось другое событие, которое усиливало ожидания крестьян на скорое освобождение. Это событие — секуляризация церковных вотчин в 60-х годах XVIII столетия. Секуляризацией называется отобрание в казну населенных крестьянами имений (вотчин) синода, монастырей, архиерейских домов и церквей. Мера эта была задумана давно, еще московскими царями, но сопротивление и угрозы монахов мешали ее осуществить на деле. Петр Великий подготовил секуляризацию почти вполне, но провести в жизнь не успел. Он взял на учет доходы от имений черного духовенства, тратил их на казенные нужды, а все хозяйство и управление этими имениями поставил под надзор правительства.

Однако, следующие императоры не подвинули этого дела; между тем монастырские крестьяне пришли в волнение и требовали отобрания их в казну, не желая подчиняться монахам и сносить их притеснения. Волнения монастырских крестьян особенно усилились с 50-х годов XVIII века и заставили правительство снова поставить ребром вопрос о секуляризации духовных вотчин. Волнения эти казались правительству опасными тем, что подавали заразительный пример другим крепостным крестьянам. Все это, а также нужда казны в деньгах и желание воспользоваться доходами с духовных вотчин, вынудили правительство решиться на отобрание

в казну населенных имений духовенства, главным образом — монашествующего.

Вследствие этой меры из крепостного состояния вышло и причислено было к государственным крестьянам около одного миллиона душ мужеского пола, составлявших приблизительно 14% всего сельского населения тогдашней России. Не мешает заметить, что монастыри и архиереи исстари были самыми богатыми и крупными землевладельцами; их вотчины, непрерывно увеличивавшиеся до самой „смутной“ поры, ко времени секуляризации занимали громадные пространства. Самыми крупными землевладельцами в России были именно монастыри. У Троицко-Сергиевской лавры было 106 тыс. душ крестьян мужеского пола; даже в среднем расчете на каждый монастырь приходилось по 1445 душ, а на каждый архиерейский дом и еще больше — по 7474 душ муж. пола. Церкви, наоборот, были мелкими землевладельцами: в среднем счете на 1 церковь падало немного более 50 душ муж. пола.

Освобождение церковных крестьян сопровождалось наделением их землею; почти вся земля, находившаяся у них в пользовании под владычеством черного духовенства, была оставлена им; в 9-ти губерниях церковные крестьяне имели от 5—10 десятин на душу м. п., в 3-х губерниях от 10 до 20 дес., а в 4-х даже от 20 до 34 дес. За землю положен был оброк в 1 р. 50 к. с души, вскоре несколько повышенный. Управление отобранными церковными имениями перешло в ведение особого правительственного учреждения — „Коллегии экономии“, а на местах крестьянам оставлено было их мирское устройство. Вскоре эти крестьяне, названные „экономическими“, совершенно слились с казенными и разделили их дальнейшую судьбу.

Этот пример — освобождение церковных крестьян — и послужил поводом ко всеобщему ожиданию „манифеста“ о воле среди крепостных крестьян светских „господ“. Думали, что за отобранием в казну духовных вотчин скоро последует отобрание и помещичьих; так как помещикам уже дана воля от службы государству, то и крестьянам вскоре же должна быть дана воля от службы помещикам.

Но дворяне и не помышляли о том, чтобы расстаться с крепостными работниками. Наоборот, теперь-то, освобожденные от обязательной службы, они и нуждались в них более всего для устройства своего хозяйства.

Когда возбужденные всеми этими событиями надежды на „манифест“ о воле не сбылись, отчаявшиеся крестьяне охотно

стали откликаться на призыв Е. Пугачева; под его предводительством они восстали против дворянской власти и предались мести своим „господам“.

Кровавое восстание под предводительством Пугачева было в конце концов с немалым трудом и большею жестокостью подавлено дворянским правительством Екатерины II. Но урок, данный „господам“ Пугачевщиной, не пропал даром для дела крестьянского освобождения. И правительство и дворянство сильно испугалось; они увидели, что играют с огнем, они поняли, что крепостной—не вековечный на них работник и что рано или поздно он стряхнет с себя их господство. Поняли, и стали подумывать—сначала об улучшении положения крепостных и облегчении их участи, а затем—и об освобождении их. С тех пор и у правительства и у дворянства явилась новая забота: как бы подольше оттянуть час отказа от крепостной власти над народом, а затем—как бы повыгоднее развязаться с крепостным правом.

Думать и потихоньку говорить об этом не переставали в „господском“ обществе с самой Пугачевщины, тем более, что с этого времени почти не прекращались уже ни на один год волнения крепостных. То здесь, то там волновались крестьяне, а убийства, поджоги, грабежи помещиков происходили часто и во многих местах. За время Николая I насчитано до 679[1]) случаев волнений, которые к тому же становились все более и более частыми. Дворяне и правительство все время чувствовали, что земля под ними трясется, что все крепостное здание грозит ежеминутно рухнуть и задавить их. И все больше и больше приходила в голову дворянина мысль, высказанная потом Александром II: лучше освободить крепостных сверху, чем ждать, когда они сами освободят себя снизу...

(П. Г. Архангельский—Очерки по истории земельного строя России.)

---

[1]) Данная цифра, приводимая проф. Архангельским, должна быть выправлена по новейшим подсчетам: за двадцатидевятилетний период царствования Николая I (с 1826 г. по 1855 г.) насчитывается 709 крестьянских волнений, при чем многие из этого числа волнений могли быть подавлены только при помощи военной силы. Накануне освобождения, уже при Александре II, число крестьянских волнений было значительным; так: в 1857 г.—40 волнений, в 1858 г.—170, в 1859 г.—70, в 1860—100, в 1861 г. за два

24. Техника фабричной промышленности.

Товары, изготовлявшиеся на наших фабриках, отличались крайней дороговизной и низким качеством; об этом можно судить, между прочим, по любопытным показаниям московских торговцев в 1727 г. По Высочайшему Указу, от них были отобраны отзывы, „которые из русских компанейщиков и заводчиков товаров доброй работы против вывозных". Ответы оказались весьма неблагоприятны для наших фабрикантов. Так, например, староста Суровского ряда Калмыков заявил от имени суровских торговцев, что шелковые товары и бархаты „против заморских работою не придут, а ценою продаются из фабрик выше заморских". Если бы правительство разрешило свободный привоз заморских шелковых материй, то купечество было бы, по заявлению Калмыкова, много довольно. Староста Москательного ряда заявил, что „русский купорос, краска бакан, вохра против заморских ничто добротою не будет и весьма плоше и заморского ценою вдвое дороже"; повторяется просьба о свободном привозе заморских товаров. О ленточных и полотняных товарах купечество заявило, что они „работою против заморских весьма плохи, а ценою продаются свыше заморских". Такие же жалобы на неудовлетворительное качество и высокую цену русских фабричных товаров мы встречаем и в заявлениях торговцев игольного ряда. Почти все торговцы высказывались в пользу облегчения ввоза заграничных товаров.

Эти отзывы московского купечества интересны также и тем, что они характеризуют отношение массы русских торговцев того времени к вновь образовавшемуся классу фабрикантов. Как мы видим, московское купечество относилось к фабрикантам недоброжелательно; фабриканты пользовались разными привилегиями, монополизировали внутренний рынок и, кроме того, стремились захватить в свои руки и розничную торговлю своими произведениями. Это последнее обстоятельство вызывало особенные жалобы купе-

---

первых месяца, т.-е. до 19 февраля, — 10. Если мы возьмем эпоху до Николая I, то сравнительно мало волнений было лишь в царствование Александра I. При Павле I было около 300 волнений. При Екатерине II, не считая Пугачевщины, зарегистрировано до 100 волнений. Все приводимые цифры строго официальные, на самом деле, надо думать, количество крестьянских беспорядков было значительно большим, нежели их число, указываемое казенной статистикой.

чества. Правительство колебалось. 3 февраля 1722 г. именным указом фабрикантам запрещалась розничная продажа „понеже в рядах многие лавки запустели“ благодаря тому, что интересанты фабрик, сделанные свои фабрики, с фабрических дворов продают врозь, а иные в рядах и в собственных своих лавках“. Но уже 18 июля того же года вышел новый указ, которым фабрикантам опять разрешается розничная торговля, так как „интересенты и компанейщики от всех мануфактур“ объявили, что в случае запрещения розничной торговли „не можно иметь надежды, чтобы оныя начатыя мануфактуры могли приходить в лучшее состояние“.

В этой борьбе массы купечества с фабрикантами можно видеть продолжение старинной борьбы крупного и мелкого купечества в Московском государстве. Крупное купечество, благодаря мерам Петра, завело фабрики и продолжало утеснять свою братию.

Благодаря господству крепостного труда на русских фабриках промышленная техника в течение всего XVIII века не делала на них никаких успехов. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к той отрасли промышленности, которая пользовалась особенным поощрением правительства, а именно—к суконной (в суконном производстве принудительный труд господствовал вплоть до XIX века). Целым рядом мер правительство стремилось поднять технику суконного производства, но безуспешно. Из указа 1740 г. мы узнаем, что „сукна мундирные, которые на российских фабриках делаются и на полки употребляются, весьма худы и в носке непрочны... Генерал-фельдмаршал Миних прислал один мундирный из российских сукон кафтан, который во время одной компании так износился, что и надеть невозможно было. Жалоба на плохие сукна повторяется и в известных „Работных регулах на суконные и каразейные фабрики“, изданных при Анне Леопольдовне и не получивших поэтому законной силы в последующие царствования. Эти правила были выработаны комиссией, которой было велено „о доныне деланных на российских фабриках плохих сукнах, и отчего оное происходит, обстоятельно исследовать и винных фабрикантов без упущения штрафовать“. Комиссия нашла, что важнейшая причина плохого состояния суконного производства заключается в крайне неудовлетворительном положении рабочих на фабриках. Фабричные строения не ремонтировались, потолки протекали, „валящийся сквозь щели неплотных потолков песок и сор — людям работу в руках марает и портит; а полы иные не досками, ниже кирпичами или камнем, не выстланы, а которые выстланы,

то гнилы". В фабриках не хватает света, „ткачи насилу денного света имеют, дабы тканье свое точно высмотреть, наименьше же сукну самовредительные субтильные худобы открывать". Рабочие так плохо одеты, „что некоторые из них насилу и целую рубаху на плечах имеют". О продолжительности работы на суконных фабриках можно судить по тому, что „Работные регулы", имевшие в виду улучшить положение рабочих на фабриках, устанавливали рабочий день около 14 часов в сутки.

(М. Туган-Барановский — Русская фабрика в прошлом и настоящем.)

---

25. Дворянские и купеческие фабрики.

Дворянство рассматривало владение крепостными, как свою исключительную привилегию, как бы выражение своего политического главенства. В царствование Елизаветы Петровны право фабрикантов на крепостной труд подвергается существенному ограничению. Сенатским указом 1752 г. был определен максимум рабочих (в зависимости от числа станов и других орудий производства), которых фабриканты имели право прикупать к фабрике. Фабрикантам было разрешено прикупать не более 12—42 душ м. п. (смотря по роду изделий) к каждому стану. Указ был мотивирован тем, что „многие заводчики и фабриканты заводы и фабрики свои производят не столько покупными, как вольными людьми, из чего следует и впредь следовать может немалая подлому народу от найма оных к фабрикам и заводам польза". Наконец, Петр III 29 марта 1762 г. совсем запретил покупку к фабрикам и заводам крестьян как с землей, так и без земли. В том же году, 8 августа, это запрещение было подтверждено и Екатериной.

Результатом всех этих законодательных мер явилось значительное изменение сословного состава фабрикантского класса. Я говорил выше, что среди петровских фабрикантов дворяне почти отсутствовали. Но если мы обратимся к фабрикантам екатерининского времени, то среди них мы найдем уже много дворян. Так, в ведомостях Мануфактур-коллегии и конторы за 1773 г. приведено 328 фабрик; в числе их дворянам принадлежало 66, иностранцам 46 фабрик. Но одна общая цифра дворянских фабрик говорит еще очень мало. Дворянские фабрики были, вообще, очень крупными, и потому в общей сумме фабричных оборотов участие

дворян выражается более значительной цифрой. По данным Мануфактур-коллегии и конторы на 305 фабриках, о которых имеются соответствующие сведения, было сработано в год товара на 3548 тыс. руб., а на 57 дворянских — на 1041 тыс. руб., т.-е. обороты дворянских фабрик немногим не достигали $^1/_3$ оборотов всех фабрик. В особенности много дворянских фабрик было среди суконных фабрик: по названной ведомости из 40 суконных фабрик дворянам принадлежали 19. Переход фабрик от купечества к дворянству еще усилился в последней четверти XVIII века. Запрещение покупки крестьян к фабрикам и заводам было в очевидных интересах дворянства, так как дворянство сохраняло за собою право пользоваться в фабричных работах крепостным трудом, а купечество, при заведении новых фабрик, лишилось упомянутого права.

(М. Туган-Барановский — Русская фабрика в прошлом и настоящем.)

---

26. Фабрика и кустарная изба.

История многих важных кустарных промыслов начинается не с самостоятельного производства; так называемое самостоятельное крестьянское производство являлось во многих случаях результатом длинной эволюции, в основании которой лежало крупное производство.

Вокруг каждой крупной фабрики, как грибы после дождя, выскакивают мелкие кустарные заведения, с таким успехом конкурирующие с фабрикой, что последней приходится плохо. На бумаготкацких фабриках XVIII века ткачество производилось в самом фабричном здании. Но так как процесс ручного ткачества очень прост, то фабриканты не замедлили убедиться в выгодности отдавать пряжу для тканья крестьянам на дом. Уже в конце XVIII века мы встречаем бумажных фабрикантов, раздающих пряжу по домам.

В XIX веке этот обычай быстро распространяется, и домашнее ткачество вытесняет фабричное. Во Владимирской губернии раздача бумажной пряжи по домам распространилась во втором десятилетии этого века. Начали отпускать основу по селениям, и отсюда возник до сих пор существующий обычай раздавать основу по деревням.

Таким образом фабрика разлагалась и возникала домашняя наемная работа. Не домашняя промышленность порождала фа-

брику, а наоборот—фабрика порождала домашнюю промышленность. Но этим дело не кончалось. Крестьянин, получивший от фабриканта работу на дом, осваивался с производством; пока промысел находился в периоде усиленного роста, спрос на рабочие руки и изделия был велик, а число лиц, знакомых с производством, было ограничено. И вот, наш домашний работник превращается в так называемого самостоятельного кустаря, за свой счет приобретающего материал и от себя продающего товар на местном базаре. Домашняя промышленность переходит в „самостоятельное“ кустарное производство, точнее говоря,—наемная система домашней промышленности переходит в покупную систему.

Отдача бумажной пряжи на дом (наемное домашнее ткачество) появилось у нас только в конце XVIII века; раньше бумажное тканье производилось исключительно в самом фабричном здании. Первая половина этого века характеризуется борьбой домашнего ткачества с фабричным, закончившейся решительной победой мелкого ткачества. В это время сильно размножились фабричные конторы,—заведения, совсем не занимавшиеся фабричной работой, а лишь раздачей материала по деревням. Так, например, в Шуйском уезде в конце 40-х годов было только 1.200 ткачей на фабриках, а в деревнях работало на фабрикантов до 20.000 ткачей. По расчету владимирского статистика Тихонравова, во Владимирской губернии в начале 50-х годов на бумажных фабриках было 18.000 станов, а по деревням до 80.000 станов, на которых производились бумажные материи по заказам тех же фабрикантов.

Что касается до „самостоятельного“ кустарного ткачества бумажных материй, т.-е. ткачества из собственного материала, то оно никогда не играло господствующей роли, но тем не менее в 30-х и 40-х годах повсюду шло рядом с домашним ткачеством по заказам фабрикантов.

Итак, промышленный капитал сыграл огромную роль в развитии нашей кустарной промышленности. Происхождение наших кустарных промыслов, как я указывал, двоякое: старинные промыслы возникли из домашнего производства, промыслы более новые—главным образом из фабрики и крупной мастерской.

Из 141 т. крестьян, занятых в мелком товарном неземледельческом производстве Московской губернии, не менее 82 т. (т.-е. около 59% работающих) заняты в промыслах, непосредственно созданных фабрикой или крупной мастерской (сюда относятся бумажное, шерстяное и шелковое ткачество, ткачество позумента,

бахромы, размотка бумаги, шелка и шерсти, патронный промысел, игрушечный, шитье перчаток, щеточный промысел, производство пуховых шляп, канительный, золото-кружевной и другие, более мелкие промыслы.

(М. Туган-Барановский—Русская фабрика и пр.)

27. Рабочие волнения.

На крупной посессионной фабрике—Осокина в гор. Казани—столкновения рабочих с хозяином были хроническим явлением еще в прошлом веке. При этой фабрике по 5-й ревизии значилось 1.414 душ м. п., из которых работало на фабрике 984 (женщины не работали).

В 1796 г. рабочие подавали ревизовавшему Казанскую губернию сенатору Маврину жалобу на низкую заработную плату, и Маврин признал справедливость заявлений рабочих, вследствие чего плата была увеличена. В 1798 г. рабочие подавали жалобу императору Павлу на жестокости владельца и малую плату. Жалоба была признана неосновательной. В 1800 г. рабочие подали жалобу о том министру юстиции. Жалоба поступила на рассмотрение мануфактур-коллегии, которая предписала сообщить мастеровым, что за дальнейшие столь же неосновательные жалобы с ними будет поступлено по всей строгости законов и виновные будут сосланы в Сибирь на работы. Вместе с тем, от рабочих была потребована подписка в том, что они будут повиноваться хозяину. Почти все рабочие отказались дать такую подписку.

Столкновения рабочих с фабричной администрацией не прекращались. В 1806 г., по просьбе владельца, его власть над рабочими была значительно расширена—указом сената разрешено как владельцу фабрики, так и управляющему, назначенному владельцем, наказывать фабричных за уклонение от работы и другие вины. Осокин старался заставить работать на фабрике и женщин, но рабочие упорно противились этому, и с полным успехом—женщины не принимали никакого участия в фабричной работе.

В 1817 г. рабочие подали просьбу великому князю Михаилу Павловичу. Повторяя свои прежние жалобы на владельца, они в то же время просили даровать им свободу, ссылаясь на то, что они происходят от свободных людей и не были куплены содержателем фабрики. Просьба была признана неосновательной, наряжено

следствие, и от рабочих вновь потребовали подписку в повиновении фабриканту. Но рабочие подписки не дали и тайно отправили поверенных Соколова и Ефремова в Петербург для подачи жалобы самому государю. Оба поверенные были арестованы и отправлены обратно в Казань в кандалах. По дороге Ефимов „претерпевши в пути неограниченное мучение, не могши снести сего, умер“, а Соколов был заключен в тюремный замок.

Рабочие в 1818 г. вновь подали жалобу министру внутренних дел на „бесчеловечное над ними Осокина обращение, употребление нас в другую работу, малое за работу довольствие“. Приведем несколько мест этой красноречивой жалобы: „Осокин усугубил над нами свои жестокости и через побойства многим причинил насильственную смерть... Горестные восклицания о бесчеловечном мучении все отринуты от разных лиц под разными видами—то неужели после сего никто не хочет обратить внимания на неистовства и жестокости и неужели никого нет, кто бы в точности исполнить мог права, законом установленные... Мы терпим неограниченную во всем нужду и жестокое обращение слишком 23 года, с коего времени жалобы наши простираются в разные места, и в столь долгое время по установленным правилам не можем получить той цели, каковая предположена в указах 1801 г., августа 18, а за оным 1803 г., июня 30, и 1817 г., апреля 4... В зимнее время мы производим работу в промерзших местах, и в жестокие морозы, по неимению у многих теплого одеяния, не только нельзя производить работу, но и рук обогреть негде“.

В виду всего этого, рабочие просили министра даровать им свободу, а до освобождения учредить над фабрикой Осокина опеку.

В 1819 г. Казанскую губернию ревизовали сенаторы Кушников и гр. Санти. Сенаторы пытались уверить рабочих в неосновательности их мнения, что они люди свободные, но рабочие говорили, что „государь людей не продает“. Когда же сенаторы начали доказывать, „что воля государя была отдать предков их даром или за деньги..., то рабочие отзывались тем, что уже с того времени деньги, заплаченные за них, давно заработаны“.

Более 100 фабричных с женами и детьми явились в дом, где остановились сенаторы, с жалобами на Осокина.

Вместе с тем рабочие отказывались работать на фабрике, и значительная часть их (около 200) совсем не явились на фабрику.

В 1820 г. рабочие явились большой толпой к губернатору с жалобами на Осокина. Подписку, требуемую губернатором в том,

что они будут повиноваться содержателю фабрики, рабочие наотрез отказались дать, „ибо они Осокину никогда не принадлежали и не принадлежат“.

Все это побудило начальство прибегнуть к „мерам строгости“. На фабрику была поставлена воинская команда. 4 окт. 1820 г. сенат утвердил Положение, составленное Бурнашевым, и предписал губернатору немедленно обнаружить возмутителей рабочих, внушающих им „ложные мечтания о свободе“, и отправить их на Иркутскую суконную фабрику. Губернатор лично прибыл на фабрику и прочел им сенатский указ, но рабочие „с грубостью объявили, что хотя они все то, о чем им было внушаемо, а равно и относящиеся к сему документы и поняли совершенно, но все оное почитают за обман, повторяя прежние свои отзывы о непринадлежности Осокину, и добавляя, что одному только именному указу, самим государем императором подписанному, могут они дать вероятие“.

Губернатор приказал 10 человек фабричных взять под стражу и 8 из них немедленно отправил на Иркутскую фабрику. Вслед затем были сосланы еще 3 фабричных, а прочие подвергнуты „полицейским наказаниям“.

Несмотря на это, рабочие не только отказались дать подписку в повиновении, но даже заключили между собой тайным образом письменное соглашение, которым обязывались ни в коем случае не уступать требованиям начальства. Это вызвало особое судебное расследование, и 14 декабря 1823 г. 10 рабочих были приговорены казанской палатой уголовного суда к наказанию плетьми, а 11-го рабочего, некоего Михайлу Мясникова, суд приговорил к двухнедельному аресту, в виду того, что означенный рабочий не принимал участия в соглашении, а только передал своему отцу бумагу, на которой было написано это соглашение. Приговор казанского суда поступил на рассмотрение сената, а затем комитета министров, которому было сообщено Высочайшее повеление от 25 ноября 1824 г., изменившее приговор в следующем смысле: приговор относительно 10 первых рабочих был утвержден, но что касается Михайлы Мясникова, то он должен был присутствовать при наказании плетьми его товарищей, при чем ему должно было быть объявлено, что если он выдаст лицо, составившее соглашение, то будет избавлен от наказания, если же нет, то будет наказан тяжелее других. Приговор был приведен в исполнение; Михайло Мясников присутствовал при наказании плетьми его товарищей,

при чем его отец был засечен до смерти, но товарищей своих он не выдал...

(М. Туган-Барановский. —Русская фабрика в прошлом и настоящем.)

---

28. Горное дело.

В те 10 лет (1724—1733), которые Татищев провел в Швеции, Москве и Петербурге, горное дело, благодаря знаниям и деятельности де-Геннина, льготам и богатству, которыми располагали Демидовы и Строгановы, развилось в значительной степени. Рудоискатели перешли черту прежнего горного округа: Соликамск и Кунгур на западе, Верхотурье и Екатеринбург на востоке, перестали быть крайними пределами горнозаводской промышленности. С одной стороны, сделаны были успешные попытки разрабатывать руду в Алтайских горах, с другой — явились заводы близ Вятки и Казани; наконец, промышленники пробовали итти далее на юг от Екатеринбурга, заглядывать в земли башкирцев и, несмотря на противодействие со стороны последних, богатства среднего Урала более и более разоблачались перед русскими. Екатеринбург, построенный на удачно выбранной местности, служившей водоразделом Обской и Камской систем, сделался вполне центром горного управления. От его обер-берг-амта зависели все сибирские, уральские и пермские заводы, их управители, мастеровые люди и приписные крестьяне. Всех заводов к 1734 году считалось: казенных — одиннадцать, Демидовых — четырнадцать, в том числе Колывано-Воскресенский, на котором добывалось серебро, один Строгановых, один Осокиных в Кунгурском уезде, один Турчаниновых в Соликамском, один Тряпицына в Вятском и Саралинский в Казанском. Увеличилось и самое население края вновь переселенными в него крестьянами и бежавшими из соседних губерний людьми всякого состояния. Горы, как цель разысканий, потеряли свое прежнее значение преград между землями, прилегавшими к ним; реки, издавна служившие почти единственными путями сообщения, покрылись пристанями, к которым свозилось металлическое богатство, и еще теснее связали Сибирь с Россией. Общий характер края стал знакомее его рабочему люду. Правда, рудоискатели мало обращали внимания на природу, среди которой кипела их деятельность. Они знали только, что горный кряж, идущий изнутри

Башкирии до самого Верхотурья, состоит из гор не очень диких, прикрытых черноземом, хорошими травами и лесом; что все реки, бегущие из Каменного пояса в полуденную сторону, прошли в Сибирь, а текущие на полночь ушли в Русь, что в первых нет ни раков, ни форели, а во вторых и те и другие водятся. Но зато они хорошо знали места, где находились рудные гнезда, знали средства добывать и плавить руду. Кроме меди и железа, средний Урал давал известковый камень, который примешивали в железную руду для лучшей плавки из нее чугуна, и еще твердый камень, который употребляли на горны, доменные и плавильные печи; близ Екатеринбурга находили желтоватый и черноватый топаз, черный мрамор с белыми жилками, горный хрусталь с красным, лазоревым и желтым отливами, камень наждак, кровавик и каменную кудель; пробовали искать мамонтовые и слоновые кости, курьезы, натуралии и разные антиквитеты.

При всей кратковременности своей, пребывание Татищева на Урале принесло несомненную пользу горному промыслу. Деятельность его, несколько стесняемая с административной стороны, пользовалась большею свободой относительно открытия рудников, устройства заводов, распоряжения техническими работами; тут Татищев был неутомим. Екатеринбург—средоточие всего управления, от которого зависели начальства даурское, томское и кузнецкое, верхотурское, пермское, кунгурское и другие, стал большим городом с особым посадом для купечества, имевшего свою ратушу, выборных бурмистров и советных мужей. По уставу Татищева, по окончании года каждый советник ратуши должен был вместо себя представить двух или одного из тутошних посадских, между которыми делал выбор уже главный начальник всех заводов. Школа, устроенная еще де-Геннином, где учили чтению и письму русскому, арифметике и геометрии, закону божию и гражданскому, языкам немецкому и латинскому, перестала быть единственною; подобные же, хотя и в меньших размерах, Татищев старался открыть и при всех казенных заводах: бедным ученикам давалось достаточное пропитание; обучившимся оказывалось преимущество перед остальными, дабы на то взирая другие охотнее о науках прилежали. Разведки новых рудников шли все дальше от Екатеринбурга; производились измерения и описи земель и лесов по Туре, Селенге и другим рекам в уфимской провинции; вновь строились форпосты по границам с степными беспокойными народами; в селениях воздвига-

лись церкви. Число заводов увеличилось; некоторые из них строились в 600 и более верстах от Екатеринбурга,—и Татищев приезжал каждый раз для осмотра места, назначенного под новый завод. По его штату, в 1737 году считалось всех заводов более сорока; да предположено было еще устроить 36, из которых 15 открыты в царствование Елизаветы Петровны, а остальные только при Екатерине II. Штат подробно определял, сколько на каждый завод должно быть доставляемо ежегодно руды из близлежащих рудников, сколько добыто из нее чистого металла, сколько израсходовано лесу, угля и других материалов, необходимых для горного дела. Для новых заводов понадобилось увеличить число пристаней по Чусовой и ее притокам, где строились однолетние и двухлетние коломенки, на которых возили железо и чугун в разные города и заводы. Но полезная деятельность Татищева была внезапно прервана рукою всесильного тогда Бирона. Татищев попробовал однажды, посредством новой отправки заграницу уральских мастеровых, усилить техническую сторону горного дела на вверенным ему заводах и назначил для этой цели гиптмейстера Улиха с несколькими учениками; но получил отказ из кабинета: посланные были возвращены на Урал; ибо, говорилось в указе, „принадлежащие к заводам мастера из Саксонии особые выписаны будут, при которых и оные ученики обучаться могут“. На самом же деле причина отказа была иная. Бирон в это время вызвал из Саксонии обер-берг-гауптмана барона Шемберга для горного управления в России; Шемберг с набранными им мастерами отправился из Саксонии 1 марта 1736 года; а 4 сентября обнародован был указ об учреждении генерал-берг-директориума с правами прежней берг-коллегии, но с характером бюрократическим и непосредственною зависимостью от повелений императрицы. Под громкою фирмою нового учреждения и под именем вызванного им из Саксонии барона, курляндский герцог думал стать в такие же отношения к горным промыслам, в коих потом при Елизавете Петровне стояли графы Шуваловы к откупной монополии и рыбным промыслам Белого моря. Татищеву велено было находиться под ведомством Шемберга; а 30 октября генерал-берг-директор разослал по всем губерниям, провинциям и воеводствам 17 пунктов „о присылке из всех мест описания имеющимся в оных горам и являющимся к рудокопному строению знакам и способностям“. Из этих вопросов, назначенных „к приращению горных и рудокопных заводов“, можно видеть, как свысока смотрел ученый барон на

тогдашнее состояние горного промысла в России: он и не подозревал того, сколько уже затрачено было капиталов на это дело, начиная с царствования Петра Великого, сколько рук трудилось над добыванием металла на одном Урале, сколько знающих людей управляло этими работами. Вопросы Шемберга предполагали младенческое состояние горного искусства у нас: повидимому, ему неизвестно было, что на одном только Екатеринбургском казенном заводе с 1724 по 1737 год добыто было 1.906.900 пуд. $5^3/_4$ ф. чугуна, 2.210.422 пуда 5 ф. железа полосового, 62.549 пуд. $36^3/_4$ ф. колотого, 235.565 пуд. $17^3/_4$ ф. плющильного, 32.855 п. $5^1/_4$ ф. дощатого, 70.267 п. $38^1/_2$ ф. укладу, 29.318 п. 12 ф. стали; что в нерчинских горах добыто было с 1705 года не менее 160 пуд. серебра; казалось, он ничего не знал о тех новых заводах, которые предполагал устроить Татищев, по присланному им в кабинет штату. Притом в пунктах Шемберга говорилось более об озерах, реках, болотах, удольях, равнинах, парах, туманах, колодезях, ключах, росе, инее, снеге, восхождении и захождении солнца, диких зверях и тому подобных статистических данных для изучения разных местностей России, нежели о рудниках. На этих вопросах и остановилась правительственная деятельность Шемберга; вскоре он принялся за более выгодную сторону: взял на себя в компанию олонецкие заводы и лапландские рудники, за которые потом жестоко поплатился в первый же год царствования Елизаветы Петровны. Кроме того, вследствие беспрестанных представлений и мемориалов генерал-берг-директора, по ходатайству Бирона опять учреждена была комиссия для разрешения вопроса: как выгоднее содержать горные заводы, казною или частными людьми? Членами этой комиссии были: барон Шафиров, обер-шталмейстер князь Куракин, графы Головкин и Мусин-Пушкин. Комиссия решила, что полезнее казенные, как старые, так и новые заводы, отдать охочим людям в компании; кабинет-министры и Шемберг исключили из этого определения сибирские железные и лапландские медные заводы. 3 марта 1739 года издан был берг-регламент, в котором объявлялось, что „казенные заводы, для многих околичностей и излишних иждивений, не столь прибыточны и государству полезны, как оные, которые на иждивении партикулярных людей содержатся; ибо партикулярные люди, имея заводы и фабрики в своем собственном владении, для лучшей своей пользы старание прилагают всяким удобовозможным образом те заводы и фабрики распространять, и на заводах заводят разные фабрики и делают всякие вещи ко

употреблению домашнему, от чего те фабрики в государстве размножаются и в лучшее состояние приходят". Но не эта справедливая мысль имелась в виду курляндским герцогом, а собственные выгоды; не она была причиною удаления Татищева от управления горными заводами в Сибири. Татищеву трудно было ужиться с планами Бирона и распоряжениями Шемберга, и еще в мае 1737 года его перевели в чине тайного советника из Екатеринбурга в оренбургскую экспедицию для устройства башкирского края, оставив за ним право присмотра и за горными заводами, которое, разумеется, прекратилось само собою с изданием берг-регламента, никогда впрочем не приводившегося в действие, по поводу скорой смерти Анны Иоанновны.

(Нил Попов — В. Н. Татищев и его время.)

II. Разложение крепостного хозяйства в первой половине XIX века.

29. Данные о числе помещиков и их крепостных.

	1835 г.				1858 г.			
	Владельцев.	%	У них крепостных.	%	Владельцев.	%	У них крепостных.	%.
1. Беспоместных	17.763	14,0	62.183	0,6	3.633	3,5	12.045	0,1
2. Имеющих до 20 душ . .	58.457	45,9	450.037	4,1	41.016	39,5	327.534	3,1
3. „ от 21 до 100 д.	30.417	24,0	1.500.357	13,9	35.498	34,2	1.666.073	15,8
4. „ „ 101 до 500 д.	16.740	13,2	3.634.194	33,9	19.930	19,2	3.925.102	37,1
5. „ „ 501 до 1000 д.	2.273	1,8	1.562.831	14,5	2.421	2,3	1.569.888	14,9
6. Имеющих больше 1000 д.	1.453	1,1	3.556.959	33,0	1.389	1,3	3.050.540	29,0

(Игнатович — Помещичьи крестьяне накануне освобождения.)

30. Указ о свободных хлебопашцах[1]).

(20 февраля 1803 г.)

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Сергѣй Румянцовъ, изъявивъ желаніе нѣкоторымъ изъ крѣпостныхъ его крестьянъ при увольненіи ихъ утвердить въ собственность продажею или на другихъ добровольныхъ условіяхъ участки изъ принадлежащихъ ему земель, испрашивалъ, чтобъ условія таковыя, добровольно заключаемыя, имѣли то же законное дѣйствіе и силу, какое прочимъ крѣпостнымъ обязательствамъ присвоено, и чтобъ крестьяне, такимъ образомъ уволенные, могли оставаться въ со-

1) Крестьяне, как известно, были освобождены в 1861 году, но речь об изменении их положения, чего настоятельно требовали насущные интересы государства (например, для развивающейся промышленности необходимы были рабочие, которые могли бы свободно распоряжаться продажею своей рабочей силы и пр.) шла уже давно. Наиболее умные из помещиков прекрасно понимали, что время освобождения крестьян не за горами, что дальше так итти дело не может. Так так многим из помещиков освобождение крестьян рисовалось в сопутствии с поголовным восстанием их, при наличии которого, конечно, невозможно было бы вести какие-либо расчеты за освобождаемые „души“, то среди помещиков находились такие, которые были бы не прочь заблаговременно освободить крестьян — за приличный выкуп,

стояніи свободныхъ земледѣльцовъ, не обязываясь входить въ другой родъ жизни.

Находя, съ одной стороны, что по силѣ существующихъ законовъ, какъ то, по Манифесту 1775 и указу 12 декабря 1801 годовъ увольненіе крестьянъ и владѣніе уволеннымъ землею дозволено; а съ другой, что утвержденіе таковое земель въ собственность можетъ во многихъ случаяхъ представить помѣщикамъ разныя выгоды и имѣть полезное дѣйствіе на ободреніе земледѣлія и другихъ частей Государственнаго хозяйства: Мы считаемъ справедливымъ и полезнымъ, какъ ему Графу Румянцову, такъ и всѣмъ, кто из помѣщиковъ послѣдовать примѣру его пожелаетъ, распоряженіе таковое дозволить; а дабы имѣло оно законную свою силу; находимъ нужнымъ постановить слѣдующее:

1) Если кто из помѣщиковъ пожелаетъ отпустить благопріобрѣтенныхъ или родовыхъ крестьянъ своихъ по одиночкѣ, или и цѣлымъ селеніемъ на волю, и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить имъ участокъ земли или и цѣлую дачу; то сдѣлавъ съ ними условія, какія по обоюдному согласію признаются лучшими, имѣетъ представить ихъ при прошеніи своемъ чрезъ Губернскаго Дворянскаго Предводителя къ Министру Внутреннихъ дѣлъ для разсмотрѣнія и представленія Намъ; и если послѣдуетъ отъ Насъ рѣшеніе желанію его согласное: тогда предъявятся сіи условія въ Гражданской Палатѣ и запишутся у крѣпостныхъ дѣлъ со взносомъ узаконенныхъ пошлинъ.

2) Таковыя условія, сдѣланныя помѣщикомъ съ его крестьянами и у крѣпостныхъ дѣлъ записанныя, сохраняются какъ крѣпостныя обязательства свято и ненарушимо. По смерти помѣщика законной его наслѣдникъ или наслѣдники, вступаетъ во всѣ обязанности и права, въ сихъ условіяхъ означенныя.

конечно. Граф С. П. Румянцев пожелал отпустить на волю крестьян одного из своих имений с землею (и раньше крепостным давали „волю“, но без земли). Так как подобных случаев в прошлом не было и законодательство их не предвидело, то и появился указ 20 февраля 1803 года, один из важнейших законодательных актов по крестьянскому вопросу первоначального периода царствования Александра I. Как видно из этого акта, землевладельцы могли отпускать крепостных на волю, но обязательно с земельным наделом, при чем те условия, которые по данному поводу помещики заключали со своими крестьянами, шли на утверждение государя. В царствование государя всего было освобождено на основании указа о вольных хлебопашцах 47.153 души мужеского пола, при чем в среднем каждая душа выплатила помещикам по 100 руб. серебром (из 47.153 душ бесплатно с землею было освобождено лишь 415 душ).

3) Въ случаѣ неустойки той, или другой стороны въ сихъ условіяхъ Присутственныя мѣста по жалобамъ разбираютъ и чинятъ взысканія по общимъ узаконеніямъ о контрактахъ и крѣпостяхъ, съ таковымъ при томъ наблюденіемъ, что если крестьянинъ, или и цѣлое селеніе не исполнитъ своихъ обязательствъ: то возвращается помѣщику съ землею и семействомъ его во владѣніе по прежнему.

4) Крестьяне и селенія отъ помѣщиковъ по таковымъ условіямъ съ землею отпускаемые, если не пожелаютъ войти въ другія состоянія, могутъ оставаться на собственныхъ ихъ земляхъ земледѣльцами и сами по себѣ составляютъ особенное состояніе свободныхъ хлѣбопашцов.

5) Дворовые люди и крестьяне, кои доселѣ отпущаемы были лично на волю съ обязательством избрать родъ жизни, могутъ въ положенный законами срокъ вступать въ сіе состояніе свободныхъ земледѣльцовъ, если пріобрѣтутъ себѣ земли въ собственность. Сіе распространяется и на тѣхъ изъ нихъ, кои находятся уже въ другихъ состояніяхъ и перейти въ земледѣльческое пожелаютъ, пріемля на себя и всѣ обязанности онаго.

6) Крестьяне отпущенные отъ помѣщиковъ на волю и владѣющіе землею въ собственность, несутъ подушный казенный окладъ наравнѣ съ помѣщичьими, отправляютъ рекрутскую повинность натурою, и исправляя наравнѣ съ другими казенными крестьянами земскія повинности, оброчныхъ денегъ въ казну не платятъ.

7) Они вѣдаются судомъ и расправою въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и казенные крестьяне; по владѣніямъ же землею разбираются по крѣпостямъ, какъ владѣльцы недвижимой собственности.

8) Какъ скоро исполненіемъ условій, крестьяне таковые получатъ землю въ собственность: они будутъ имѣть право продавать ее, закладывать и оставлять въ наслѣдіе, не раздробляя однакожъ участковъ менѣе 8 десятинъ; равно имѣютъ они право вновь покупать земли, а потому переходить изъ одной губерніи въ другую, но не иначе, какъ съ вѣдома Казенной Палаты для перечисленія ихъ подушнаго оклада и рекрутской повинности.

9) Поелику крестьяне таковые имѣютъ недвижимую собственность; то и могутъ они входить во всякія обязательства; и указы 1761 и 1765 годовъ, запрещающіе крестьянамъ безъ дозволенія ихъ начальствъ вступать въ условіи, на нихъ не простираются.

10) Въ случаѣ, ежели бы крестьяне, отпущаемые помѣщикомъ на волю съ землею, состояли въ казенномъ или частномъ

залогѣ: они могутъ съ дозволенія казенныхъ мѣстъ и съ согласіемъ частныхъ кредиторовъ принимать на себя долгъ на имѣніи томъ лежащій, вносить его въ условія; а во взысканіи сего долгу на себя ими принимаемаго, поступать съ ними, какъ съ помѣщичьими.

На семъ основаніи Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить всѣ нужныя распоряженія.

(Сборн. Клочкова, № 104.)

---

31. Указ об обязанных крестьянах[1]).

(1842 г.)

Въ статьяхъ 440-й—457-й Св. Зак. о состоян. (т. IX) установлены правила, на основаніи коихъ помѣщикамъ дозволено обращать крестьянъ своихъ въ свободные хлѣбопашцы[2]), съ уступкою имъ въ собственность помѣщичьихъ земель за опредѣленное, по взаимному условію, вознагражденіе. Желая, въ общихъ видахъ государственной пользы, чтобы, при заключеніи таковыхъ условій, принадлежащія помѣщикамъ земли, какъ вотчинная собственность дворянства, охранены были отъ отчужде-

[1]) Если еще во времена Александра I ясно наметилась необходимость коренного преобразования в положении крепостного крестьянства, то к середине XIX века эта необходимость стала не только вполне ясной, но и довольно острой — одних только крестьянских волнений за первые 15 лет царствования Николая I (с 1826 по 1842 г.), т.-е. до издания указа 1842 г., насчитывается свыше 300! Мы знаем, что почти все царствование Николая I было посвящено деятельности разного рода „секретных" комитетов, обсуждавших предстоящую реформу. В результате работ одного из таких секретных комитетов, образованного в 1839 году, и явилось „положение об обязанных крестьянах", основные моменты которого здесь приводятся. По этому указу помещикам предоставлялось право заключать со своими крепостными крестьянами добровольные соглашения о прекращении личной крепостной зависимости крестьян и о переводе их в разряд „обязанных". В качестве обязанных крестьяне должны были или работать на помещика барщину или выплачивать ему оброк, при чем размеры этих повинностей определялись договором и впоследствии не могли уже быть изменены. Так как все дело с переводом крестьян из крепостных в обязанные предоставлялось добровольному почину помещиков, то из указа 1842 года на деле ничего существенного не вышло. Этот указ служит ярким примером попытки спасти положение помещиков-крепостников, не затрагивая серьезно их интересов.

[2]) Здесь имеется в виду указ о вольных хлебопашцах от 20 февраля 1803 года.

нія изъ владѣнія дворянскихъ родовъ, Мы признали за благо, въ поясненіе Св. Зак. о состоян. (т. IX) ст. 442-й пунк. 3-го, предоставить тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые сами сего пожелаютъ, заключать съ крестьянами своими, по взаимному соглашенію, договоры на такомъ основаніи, чтобы, не стесняясь постановленіями о свободныхъ хлѣбопашцахъ, помѣщики сохраняли принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю, со всѣми ея угодьями и богатствами, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея, а крестьяне получали отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности. При составленіи таковыхъ договоровъ, помѣщики могутъ постановлять съ крестьянами дальнѣйшія условія, по взаимному съ ними соглашенію, на слѣдующихъ, разсмотрѣнныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ и Нами утвержденныхъ, главныхъ правилахъ.

1) Повинности крестьянъ, въ пользу помѣщиковъ, могутъ быть опредѣлены въ договорахъ денежнымъ оброкомъ, произведеніями, обрабатываніемъ помѣщичьей земли, или другою работою.

2) Въ случаѣ неисполненія крестьянами пріемлемыхъ ими на себя по договору обязанностей, они понуждаются къ тому земскою полиціею подъ руководствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства и подъ высшимъ наблюденіемъ Губернскаго правленія.

3) Крестьяне, по надлежащемъ утвержденіи заключенныхъ между ими и помѣщиками договоровъ, принимаютъ названіе обязанныхъ крестьянъ.

...6) Помѣщики учреждаютъ въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ вотчинное управленіе и имѣютъ высшее наблюденіе за сельскою въ нихъ полиціею и за исполненіемъ законовъ о сельскомъ благоустройствѣ; имъ принадлежитъ также право суда и расправы въ проступкахъ и маловажныхъ преступленіяхъ обязанныхъ крестьянъ и первоначальный разборъ взаимныхъ между ими тяжбъ и споровъ.

...8) Помѣщики и обязанные крестьяне сохраняютъ заключенные ими между собою договоры навсегда ненарушимо, имѣя однако право особыми частными условіями дѣлать измѣненія въ надѣлѣ землею и повинностяхъ на определенные сроки, съ обоюднаго согласія, а если имѣнія состоятъ въ залогѣ, то и съ согласія подлежащихъ кредитныхъ установленій; во всѣхъ же случаяхъ не иначе какъ съ предварительнаго утвержденія Правительства.

(Сб. Р. Ист. О., т. 98, стр. 268—9.)

32. О крепостном состоянии в России.

(Из записки чиновника З—го.) [1]

До какой степени выгодно помещику в экономическом отношении обрабатывать землю барщиной? Вопрос этот нельзя решить общим образом, потому что количество работ и вознаграждение землею крестьянина чрезвычайно различны. Можно однако же достигнуть некоторой положительности в выводах, взявши среднее число, т.-е. работу исполу.

Дабы наши исчисления не казались произвольными, возьмем показания самих помещиков.

В Тульской губернии у помещика А-ва дается на каждое тягло по 2 десятины в каждом поле, 1 дес. покосу и 1 дес. под усадьбу; всего 8 дес.

В этом же имении свободная земля отдается в наем по 19, 20 и даже 22 р. за десятину. Положив еще менее, 18 руб. за десятину, каждое тягло стоит помещику 144 руб.

Следовательно, годовой работник с работницею будет стоить 288 руб. [2]).

В тех же местах хорошего работника и работницу можно нанять за	60 руб.
Пища им	40 „
Процент, издержки на лошадь, сбрую, орудия, наконец, на помещение сих людей, могут быть оценены не свыше	70 „
Итого	170 руб.

---

[1]) Чиновник З-кий был послан графом П. Д. Киселевым, министром государственных имуществ при Николае I, летом 1841 года, совместно с другим чиновником министерства, во внутренние губернии России, где они должны были, под предлогом обозрения управления государственных имуществ, вникнуть в положение помещичьих крестьян. По возвращении из командировки, чиновник З-й и представил Киселеву пространную записку отчетного характера под заголовком „О крепостном состоянии в России“. Эта записка, обстоятельно обнимавшая вопрос со всех сторон, четко обрисовывала всю несостоятельность крепостного права и, кроме того, записка отрицает всякую надежду на то, чтобы преобразование могло быть произведено самим дворянством. Само собою разумеется, что записка, так сильно говорившая против крепостного права, не могла быть не только напечатана, но даже и в рукописи Киселев не решился давать ее кому бы то ни было читать, — боясь повредить автору.

[2]) Тягло дает помещику по 3 рабочих мужских и женских дня в неделю.

Следовательно, менее против крестьянского тягла 118 руб.

Допустим, что владелец захотел бы приобрести лучших работников и потому пожертвовал бы еще 28 руб. и тогда у него останется в выгоде 90 руб. Но при оценке тягла мы не принимали в расчет ни процентов с капитала стоимости самих крестьян, ни разные другие расходы, как то лесом, вспоможением при пожарах, во время голода и проч. Все это не может быть оценимо ниже 30 руб.

В Мценском уезде, Орловской губернии, помещик А-в дает каждому тяглу:

Пахотной земли	6 дес.
Луга	1 „
Коноплянника и огорода	$^1/_3$ „
Под гуменник и двор	$^1/_{12}$ „
Всего	$7\,^5/_{12}$ дес.

Взамен того, каждое тягло обрабатывает на помещика также $7^5/_{12}$ десятин.

Оценяя землю, луг и коноплянник по наемной местной цене, оказывается, что тягло получает ежегодно от помещика 82 р. асс.

С такого же количества земли, обработанной на помещика, сей последний получает дохода 122 р. асс.

Следовательно, повидимому, помещик получил выгоды 40 р. асс.

Но если бы он оба участка — назначенный крестьянину и обработанный собственно для себя—отдал в наем, то получил бы 164 р. асс.

Обработка земли барщиною принесла ему не барыш, а убыток, простирающийся с каждого тягла 42 р. асс.

По показанию г. А-ва, годовой работник с работницею в Мценском уезде стоит 105 р., не включая сюда, разумеется, пищи и лошади; если все это положить только в 50 р. и тогда годовой работник с работницею стоит 155 р.

Помещик за 82 р. уступленной земли имеет только полугодового работника и работницу, следовательно, годовой работник и работница стоит ему 164 р.

Здесь, повидимому, выгода остается на стороне помещика.

Обратимся к крестьянину; он дает помещику полугодового работника и работницу, следовательно, всего на 77 р. 50 к. асс., а получает от помещика 82 р. асс.

Повидимому, здесь выгода остается на стороне крестьянина. Но этот вопрос должно рассматривать не так. Допустим вольный труд. Тягло, посвящая себя исключительно земледелию, обрабатывает два участка, платя за них по наемной цене 164 р.

По показанию же г. А-ва, каждое тягло может получить с одного своего участка произведений (за исключением семян), по местным ценам, на 271 р. 45 к., а с обоих вместе 542 р. 90 к., следовательно, за исключением наемной платы, ему оставалось бы 378 р. 90 к.

Для содержания семейства пищею, для уплаты податей и на разные домашние надобности тяглецу потребно 230 р.

Следовательно, у него должно остаться 148 р.

Между тем как при работе барщиною у него остается только 41 р.

Из сих исчислений, основанных на фактах, от самих помещиков объявленных, открывается, что работа барщиною невыгодна, ни для помещика, ни для крестьянина; что тут теряют обе стороны.

Подобный вывод может показаться парадоксом, но он объясняется принужденным положением вещей.

Это совершенно то же, если А и В сшили себе платье: первому стоит оно 100 р. и другому также 100 р. Но их заставляют насильно меняться этими платьями. Ни тому, ни другому оно не по мерке; каждый должен продать или переделать его, при чем разумеется тот и другой будет в накладе.

Возможна ли обработка земли вольнонаемными работниками. этот вопрос разбирали некоторые из наших хозяев, например Н. Н. Муравьев, доказывавший, что это было бы гораздо дороже; что работа вольнонаемными людьми в России будет самым неосновательным и разорительным предприятием, доколе цена хлеба не возвысится, цена наемных работников не уменьшится и число их не увеличится. Мы не станем для опровержения сего заключения (сделанного только для Можайского уезда) разбирать его расчеты, но противопоставим факты.

Г. Якоб пишет, что один благоразумный и проницательный владелец, в Московском уезде, обрабатывал одну часть своей земли крепостными, а другую наемными работниками. По его расчислению, переведенному на рожь, оказалось:

Тягло крепостное стоило помещику .	21 четв. ржи.
Вольнонаемные мужчина и женщина	20 1/2 четв. ржи.
Доходу помещик получил:	
От крепостного тягла	15 1/2 „ „
От вольнонаемных работника и работницы	43 четв. ржи.

Но вот пример новее: помещик Х-в имеет незаселенную землю в Ефремовском уезде, которую держит у него купец на

аренде за 5.000 р. асс. Купец этот возделывает землю наймом и в обыкновенные годы снимает хлеба на сумму до 15,000 руб. Это его валовой доход. Чистый же простирается за уплатою арендной суммы и всех издержек по обработке от 15 до 20%. С каковой промышленности можно получить всегда такой доход? Получает ли его помещик с своим крепостным правом? Конечно, надобно заметить, что в соседстве есть весьма бедные однодворцы, которые работают у купца довольно дешево. Но ежели земля, обрабатываемая наймом, за всеми издержками даст дохода от 8 до 10%, и тогда он будет равняться обыкновенному доходу помещичьих имений.

Не будем приводить в пример колонистов, обрабатывающих землю наемными работниками в Новороссийском крае, где хотя цена-заработок очень высока, но тут присоединяются труды самих колонистов. Заметим, что в губерниях Воронежской, Тамбовской, и в особенности в Саратовской, за Волгою, есть множество купцов, имеющих по 500, по 1.000 и более десятин земли, обрабатываемой ими вольнонаемными работниками. Один из таких владельцев Волгский купец Рекк сообщил нам подробные расчеты своего хозяйства.

У него в Новоузенском уезде 2,067 десятин земли. Часть сей земли он отдает в оброк [1]), а сам обрабатывает ежегодно до 480 десятин наемными работниками.

Он держит годовых работников:

Мужчин	27
Женщин	6
Лошадей рабочих	60
Волов	50
Издержки на сих работников, платою и пищею, простирались в год до	5,770 р. асс.
Сверх того временные работники на 5,552 дня стоят	6,881 „ „
На поправки и хозяйственные заведения издержано	1,225 „ „
Итого	13.876 р. асс.

С 480 десятин он получил в прошедшем 1840 г.:

Ржи	165 четв.
Пшеницы	1.667 „
Овса	160 „
Ячменя	88 „
Проса	97 „

[1]) Оброчная плата там простирается до 2 руб.

Все сии произведения по меньшей мере должны быть оценены в 22.000 руб.

Следовательно, обработка земли вольнонаемными работниками принесла чистого дохода до 8.000 р. или свыше 57% с оборотного капитала.

Эти примеры достаточно убеждают в возможности обработки земли вольнонаемными работниками. Если расчеты иных владельцев приводят к противному результату, то это потому, что они упускают из вида, что вольнонаемных работников, для одного и того же пространства земли, нужно гораздо менее.

В хозяйстве купца Рекка было постояных работников годовых .	27 чел.
Женщин	6 „
Временных (обратив их в годовые)	20 „
Всего . .	53 чел.

И при этом числе работников он запахал 480 десятин.

Следовательно, более 9 дес. на каждого работника.

Тогда как в имении князей К-в при самой усиленной барщине (на помещика обрабатывается вдвое больше, нежели на крестьян) ежегодная запашка на одного работника простирается не свыше 5 десятин.

(А. П. Заблоцкий-Десятовский — Граф П. Д. Киселев и его время, том IV.)

---

33. Разложение крепостных форм труда в сельском хозяйстве.

К числу форм производства, переходных от крепостного труда к вольнонаемному, надо отнести такую организацию сельскохозяйственных предприятий, при которой барщина не только не устраняется, но и не ограничивается в размерах, не уменьшается или мало уменьшается — в своей напряженности, но вместе с тем увеличивается количество земли, отдаваемое в пользование крестьян, сокращается, следовательно, площадь барской запашки, и крестьяне, получив поощрение на лучший труд посредством именно этого дополнительного надела, работают лучше на господской пашне, поднимают ее урожайность и, таким образом, не только уничтожают возможные от уменьшения запашки убытки

помещика, но и повышают своим более интенсивным трудом его доход. Оставаясь, следовательно, по внешности своей крепостным, барщинным, хозяйство по существу воспринимает в себя некоторые черты вольнонаемной организации, потому что создает квалифицированное, повышенное вознаграждение за лучший труд; так вносится в процесс производства тот принцип поощрения и вознаграждения хозяйственной энергии, которого так недоставало крепостному хозяйству. Вот пример такой организации дела, относящийся к 30-м годам. В одном имении Калужской губернии числилось 1500 душ мужеского пола. Крепостные были разделены в нем на 700 тягол, из которых 400 были на оброке, платившемся в размере 40 руб. с тягла, а 300 сидели на барщине. Владелец был недоволен слабой доходностью имения и принял такие увенчавшиеся затем успехом меры к ее повышению: он распределил крестьян заново на 710 тягол, из которых 490 посажены были на оброк, а 220 обязаны были барщиной. На каждое тягло дано было больше, чем прежде, — по 6 десятин, для чего пришлось сократить землю, которою пользовался сам барин, с 750 дес. всего до 150. Но зато, во-первых, оброчная сумма возросла, во-вторых, барская пашня стала приносить более обильный урожай при лучшей обработке, в-третьих, крестьяне стали более обеспеченными.

Другой переходной к вольнонаемному труду формой надо считать образование группы арендаторов барских имений, заводивших способы ведения хозяйства, во многом напоминающие тот, который только что описан. Так, в конце 30-х годов ярославский помещик Кушников сдал в аренду свое имение — деревню Перово, Ростовского уезда — своему же крепостному крестьянину Андрею Тимофеевичу за 7000 руб. в год. Арендатор поставил дело так: завел улучшенную систему хозяйства на собственной запашке, но обеспечил крестьян хорошим наделом, не напрягая чрезмерно барщины, и в результате получилась значительная выгода.

Третьей формой — еще более близкой к полному господству вольного найма — является наем барщинными крестьянами, вместо себя для отправления изделья на господской пашне посторонних работников. Так, в подмосковном имени Жукова крестьяне в 40-х годах обязаны были барщиной, но, так как они „надеялись не на хлебопашество, а на шелковую фабрику“, то „для барщины и своих полевых работ нанимали работников“.

Наконец, иногда помещики, имея в виду малую производительность крепостного труда и недостаточность рабочих сил барщинных крестьян, принанимали дополнительных рабочих. Так, например, поступал в 50-х годах Калиновский в своем имении — селе Конюхове, Владимирской губернии. Такой способ ведения хозяйства особенного распространения достиг в черноземной полосе России. В этом отношении важное значение имеет свидетельство одного хозяина-практика того времени, — князя А. В. Мещерского. Он уже в 1873 году писал: „Хозяйственный переворот, произведенный освобождением крестьян, был несравненно менее чувствителен в степных, черноземных поместьях, где и при крепостном праве требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлебов и трав дополнительный вольнонаемный труд выходивших туда ежегодно на летние полевые работы крестьян из густонаселенных украинных губерний“. Значение этого важного свидетельства зависит от того, как мы будем понимать выражение „степные, черноземные“ губернии. В литературе высказано предположение, что степными и черноземными князь Мещерский называет Новороссийские губернии — Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую. Без сомнения, эти губернии входили в число степных-черноземных. Однако, сюда, несомненно, относились не одни только они, а также и другие губернии, которые отличаются степным характером и черноземной почвой, — именно, расположенные в треугольнике, образуемом Окой, Волгой и Доном: это — губернии к югу от Оки, к востоку от Дона и к западу от Волги. В пользу такого толкования говорит целый ряд соображений: во-первых, князь Мещерский противополагает две полосы России — черноземную и нечерноземную, — а известно, что первая далеко не совпадает с пределами Новороссии, но захватывает и весь юго-восток Европейской России; во-вторых, князь Мещерский в цитированном выше документе определенно говорит о тридцати нечерноземных губерниях; нельзя же думать, что он противополагал им всего три новороссийских губернии; наконец, в-третьих, он говорит о дополнительном к крепостному вольнонаемном труде, чего нельзя сказать о новороссийских губерниях, потому что там вольнонаемный труд, за полным отсутствием крепостных, был не дополнительным, а исключительным, единственным реально-существовавшим.

Но если допустить, что свидетельство кн. Мещерского относится ко всем южным и юго-восточным губерниям, то получится чрезвычайно любопытное заключение: окажется, что, несмотря на широкое применение барщины на юге-востоке, о чем свидетельствуют приведенные выше цифры, касающиеся относительного количества издельных крестьян в разных местах, — здесь хозяйство уже в очень значительной мере перестало быть крепостным, потому что рядом с крепостным трудом широко эксплоатировался вольнонаемный. Цифры, характеризующие распространение барщины на юге России в XIX веке, получают таким образом совершенно иной смысл. И у нас есть несомненные данные, которые заставляют предполагать, что вольнонаемный труд в помещичьих имениях первой половины XIX в. — особенно 50-х годов — был вообще значительно распространен. Так, в Нижегородской губернии вольнонаемный труд эксплоатировался для земледельческих целей в имении Чаадаева; в Рязанской губ. — в поместье Александрова; по свидетельству князя В. И. Васильчикова, в Тамбовской губернии перед крестьянской реформой существовал целый ряд помещичьих экономий, пользовавшихся для разработки помещичьей запашки вольнонаемным трудом местных крестьян. Есть любопытные наблюдения, касающиеся и Тульской губернии: так, по „Журналу ежедневных работ“, по хуторам Богородицкого, Тульской губернии, имения А. П. Бобринского в 1859 и 1860 годах различались два вида работ: 1) „работы хуторскими рабочими“, 2) „работы вольнонаемные“. Но было бы ошибкой думать, что работы хуторскими рабочими производились не по найму: мы видим, что им выдавалась определенная денежная заработная плата; так, вычислено, что в течение годового периода с 1 апреля 1859 г. по 1 апреля 1860 г. хуторские рабочие были заняты возделыванием земли $3276^1/_2$ рабочих дней, уборкой свекловицы — 552 дня, молотьбой и вейкой — 548 дней; каждый день ценился в 23 коп., что в общем составляло сумму заработка в 1006 р. $59^1/_2$ коп. (753 р. $59^1/_2$ к. за возделывание земли, 126 р. 96 к. за уборку свекловицы и 126 р. 4 к. за молотьбу и вейку). Повидимому, хуторскими назывались крепостные графа Бобринского, а вольнонаемными — чужие крестьяне, может быть, и пришлые со стороны, не местные. Что касается вольнонаемных работ, то они были в отношении к земледелию еще более напряженными, чем работы хуторских рабочих: наш документ свидетельствует, что на пахоту, бороньбу и возку хлеба вольнонаемные рабочие потратили 1848 кон-

ных дней, 806½ пеших и 266½ женских, всего на сумму 2061 р. 10 к., на уборку картофеля — 108 женских дней на 10 р. 80 к., на уборку свекловицы—478 конных дней, 85½ пеших, 17.904½ женских на 2.265 р. 13 к., на молотьбу и вейку хлеба — 581½ пеших дней и 320 женских на 176 р. 50 к. Словом, все хозяйство графа Бобринского было в конце 50-х годов организовано исключительно на основе вольнонаемного труда.

В 50-х годах XIX в. в Белевском уезде, той же Тульской губернии, дворянин П. М. Хрущов, владевший селом Богородицким, Житомирино тож, вел хозяйство на старой, крепостной основе. Но в 1857 и 1858 годах наблюдается перемена: покупаются молотильная машина в 700 р., веялка в 192 р. 50 к., сортировочная машина в 105 р. Это введение машин в земледельческую работу повело, повидимому, к существенным переменам и в способе эксплоатации труда. Правда, прямых свидетельств об этом мы не имеем, потому что документы 1859 года и начала 60-х годов не сохранились, но уцелел договор Хрущова с его управляющим, крестьянином Барышниковым, составленный 15 ноября 1867 года. Тогда крестьяне были еще обязаны „производить хозяйственные работы“ на помещика „издельною повинностью по урочному положению“, т.-е. хозяйственные условия имения еще очень мало изменились, сравнительно с концом 50-х годов, но, несмотря на это, помещик предписывает управляющему также „нанимать“ рабочих на год, полгода или подесятинно „с платою деньгами, но не хлебом“. Можно догадываться, что такая практика установилась тотчас вслед за введением в помещичье полевое хозяйство в 1858 г. машин.

(Н. А. Рожков — Экономическое развитие России в первой половине XIX в., в сборн. его статей „Из русской истории“, т. II, 1923 г., стр. 27—30.)

---

34. Фабрики и заводы.

Общее представление о развитии фабричной промышленности в дореформенной России можно получить из нижеследующих данных:

Фабрики и заводы Российской империи без царства Польского и Финляндии.

Годы.	Число фабрик.	Число рабочих.	На 1 фабрику раб.	Годы.	Число фабрик.	Число рабочих.	На 1 фаб. рабочих.
1815 . .	4.189	172.882	41	1840 . .	6.863	435.788	63
1816 . .	4.484	187.061	42	1841 . .	6.831	429.638	63
1817 . .	4.385	187.337	43	1842 . .	6.939	455.827	66
1818 . .	4.457	178.419	40	1843 . .	6.813	466.579	68
1819 . .	4.531	176.635	39	1844 . .	7.399	469.211	63
1820 . .	4.578	179.610	39	1845 . .	8.302	507.577	61
1825 . .	5.261	210.568	40	1846 . .	8.333	508.607	61
1826 . .	5.128	206.480	40	1847 . .	9.029	532.056	59
1827 . .	5.122	209.547	41	1848 . .	8.928	483.542	54
1828 . .	5.244	225.414	43	1849 . .	9.172	495.364	54
1829 . .	5.260	231.624	44	1850 . .	9.848	501.639	51
1830 . .	5.450	253.893	47	1851 . .	10.126	465.016	46
1831 . .	5.599	264.358	47	1852 . .	10.388	470.914	45
1832 . .	5.636	272.490	48	1853 . .	10.087	481.018	47
1833 . .	5.664	273.969	48	1854 . .	9.944	459.637	46
1836 . .	6.332	324.203	51	1856 . .	11.556	518.661	45
1837 . .	6.450	376.838	58	1857 . .	10.856	513.324	47
1838 . .	6.855	412.931	60	1858 . .	12.259	548.921	45
1839 . .	6.894	454.980	66	1861 . .	14.148	522.500	37

Легко заметить, что число фабричных рабочих почти до конца 40-х годов (1847 г.) быстро растет, затем начинает с колебаниями падать. Размер фабрики (среднее число рабочих на 1 фабрику) возрастает до начала 40-х годов (1843 г.), затем следует также падение. До 40-х годов фабричное производсто энер-

гично развивалось, и сами фабрики становились крупнее; с конца 40-х годов рост фабричного производства приостановился, и фабрики стали раздробляться.

(М. Туган-Барановский — Русская фабрика в прошлом и настоящем.)

35. Разложение крепостных форм труда на фабрике.

В начале XIX века количество вольнонаемных рабочих на фабриках равнялось приблизительно 48% всех рабочих:

Год.	Число фабрик.	На них рабочих.	В том числе вольнонаемных.
1804	2.423	95.202	45.625

По отдельным родам производства вольнонаемные и обязательные рабочие распределялись следующим образом:

Фабрики.	Число фабрик.	Всех рабочих.	В том числе вольнонаемных.
Суконные и шерстяные	155	28.689	2.788
Полотняные	285	23.711	14.327
Ситцевые и миткалевые . . .	199	6.566	5.436
Шелковые	328	8.953	6.625
Писчей бумаги	64	6.957	1.533
Стальные, игольные и железные	26	4.121	1.144
Кожевенные	850	6.304	6.115
Канатные	58	1.520	1.295
Стеклянные и хрустальные . . .	114	3.937	1.685

Мы видим, что в начале XIX века некоторые отрасли производства основывались почти исключительно на принудительном

труде, в других же решительно преобладал свободный труд. К числу первых принадлежали суконные фабрики, писчей бумаги, железные, игольные и стальные заводы; к числу последних — ситцевые и миткалевые фабрики, шелковые, кожевенные и канатные заводы. Полотняные фабрики и стеклянные заводы занимали среднее место — процент несвободных рабочих на них близок к 50. Вместе с тем легко заметить, что фабрики первой группы принадлежали к числу крупных; среднее число рабочих на 1 фабрику колеблется от 7 до 33; и, наконец, фабрики 3-й группы и в этом отношении занимают промежуточное место.

Итак, принудительный труд в начале XIX века в некоторых производствах господствовал, в других же играл совершенно ничтожную роль.

В 1825 г. всех фабрик было 5.261, рабочих на них 210.568, в том числе вольнонаемных — 114.515. По отдельным производствам вольнонаемные рабочие распределялись следующим образом:

Род производства.	Число фабрик.	Число всех рабочих.	В том числе вольнонаемных.
Суконное	324	63.603	11.705
Бумажных материй	484	47.021	44.535
Полотняное	196	26.832	18.720
Шелковое	184	10.204	8.481
Писчебумажное	87	8.272	2.019
Стальное, игольное, чугунное	170	22.440	4.970
Канатное	98	2.503	.303
Кожевенное	1.784	8.001	7.460

Сравнительно с 1804 г. общее число рабочих на фабриках возросло более, чем вдвое, но распределение рабочих изменилось не очень значительно — в 1804 г. вольнонаемные составляли 48% всех рабочих, а в 1825 — 54%. В тех родах промышленности, в которых раньше преобладал крепостной труд (суконные, писчебумажные, стальные и железные фабрики), он остался преобладающим и в 1825 г.

Для удобства сравнения я сопоставил среднюю месячную плату рабочих в Шуйском уезде во второй половине 50-х годов и в 1883 году.

Роды труда.	1856—58 г.г.		1883 г.		Увеличение в %.
	Р.	К.	Р.	К.	
Прядильщики	14	58	16	25	+ 12
Присучальщики	5	50	10	89	+ 98
Ставильщики	3	50	5	63	+ 61
Трепальщики	7		10	—	+ 43
Банкоброшницы	6	—	9	50	+ 58
Ленточницы	5	50	8	--	+ 45
Мотальщицы	9	—	11	25	+ 25
Ткачи механические	11	25	11	67	+ 4
Ткачи ручные	6	67	6	37	— 4
Сновальщики ручные	6	4	9	50	+ 57
Набойщики	9	67	12	74	+ 32
Растиральщики	—	98	1	60	+ 63
Резчики	10	83	18	62	+ 72
Клеильщики	7	8	12	—	+ 69
Кузнецы	9	17	23	54	+ 157
Слесаря	12	17	21	9	+ 73
Столяры	11	25	28	68	+ 155

По всем отраслям труда, кроме ручного ткачества, наблюдается повышение платы. Размер повышения различен. Сильнее всего повысилась плата столяров и кузнецов — более, чем вдвое. В других родах труда повышение было далеко не так значительно и в среднем вряд ли достигало 50%. Особенно бросается в глаза ничтожное увеличение платы самой многочисленной группы рабочих — ткачей и прядильщиков. Плата ручных ткачей даже упала.

Месячная заработная плата на хлопчатобумажных фабриках Шуйского уезда в 1883 году.

Роды труда.	Прядильная фабрика.							
	Кокушкина.		Гарелина.		Каретниковой.		Средняя плата.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Прядильщики	15	25	13	50	20	—	16	25
Присучальщики 1-е .	9	55	—	—	13	75	11	65
Присучальщики 2-е .	8	—	10	14	12	25	10	13
Трепальщики	9	50	9	25	11	25	10	—
Сортировщики . . .	9	37	—	—	9	37	9	37
Холстовщики	7	25	—	—	7	—	7	12
Крутильщики	—	—	—	—	5	—	5	—
Банкоброшницы . . .	—	—	8	38	10	63	9	50
Ленточницы	—	—	7	85	8	13	8	—
Моталки	—	—	—	—	11	25	11	25
Ватерщики	—	—	4	75	9	—	6	87
Ставильщики	5	63	—	—	—	—	5	63
Съемщики	—	—	5	50	—	—	5	50
Тазовщики	3	75	—	—	—	—	3	75
Слесаря	24	37	—	—	25	—	24	68
Ученики	7	12	—	—	—	—	7	12
Токари	—	—	—	—	19	37	19	37
Столяры	24	87	—	—	32	50	28	68
Ученики	8	75	—	—	—	—	8	75
Кузнецы	23	12	—	—	30	—	26	56
Молотобойцы	16	12	—	—	12	50	14	31
Маляры	—	—	—	—	18	12	18	12
Паяльщики	—	—	—	—	25	—	25	—
Газовщики	12	50	—	—	12	50	12	50

Месячная заработная плата на хлопчатобумаж

Роды труда.	СИТЦЕПЕ											
	Полушина.		Напалковых.		Зубкова.		Куваевой.		Гайдурина.		Новиковой.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Красильщики	11	25	—	—	—	—	9	75		—	—	—
Малолетние	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
На суш. и крахм. барабан.	5	62	5	—	—	—	8	75	6	—	9	—
Мальчики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	25
На печатн. машине	11	25	—	—	—	—	17	50	7	50	11	50
Мальчики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В отбельной	10	62	—	—	10	50	10	25	—	—	—	—
Малолетние	—	—	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—
Женщины	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Рисовальщики	—	—	—	—	55	16	83	33	—	—	—	—
Ученики	—	—	—	—	4	—	8	—	—	—	—	—
Граверы	50	—	30	—	94	—	70	50	46	—	25	50
Чернорабочие	11	25	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ученики	—	—	—	—	9	—	9	75	4	—	5	—
Раклисты	100	—	—	—	45	—	64	58	78	50	66	66
Ручные набойщики	—	—	—	—	12	50	—	—	—	—	—	—
Ученики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Резчики	—	—	—	—	20	83	—	—	—	—	—	—
Рабоч. в лаборат,	—	—	10	—	—	—	13	41	—	—	13	—
Рабоч. в заварке	—	—	11	—	11	70	—	—	—	—	10	50
Малолетние	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	25
Рабоч. в запарке	11	25	—	—	—	—	12	—	—	—	11	50
Малолетние	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В зрельной	—	—	—	—	10	50	12	—	—	—	—	—
Сшивалки	—	—	—	—	11	—	—	—	—	—	—	—
Малолетние	—	—	—	—	6	80	—	—	—	—	—	—
На галандрах	—	—	—	—	—	—	9	75	—	—	8	50
Малолетние	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Грунтовщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Скатывальщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Слесаря	—	—	—	—	—	—	22	50	—	—	—	—
Ученики	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—

ных фабриках Шуйского уезда в 1883 году.

ЧАТНЫЕ ФАБРИКИ.															
Каретниковой.		При Шуйской мануфактуре.		Кокушкина.		Рубачева Василия.		Рубачева Ивана.		Посылина.		Обойная Щеколдина		Средняя плата.	
Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
11	87	12	—	—	—	9	50	14	—	—	—	—	—	11	39
—	—	7	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	75
9	97	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	45
5	62	7	26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	4
—	—	15	50	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	61
—	—	7	75	6	25	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—
10	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	67
5	13	7	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	54
4	38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	38
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	69	24
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—
—	—	62	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	54	7
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	62
—	—	—	—	3	50	—	—	—	—	—	—	—	—	6	25
—	—	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	72	45
—	—	—	—	—	—	13	—	12	—	12	21	14	—	12	74
—	—	—	—	—	—	—	—	7	50	—	—	—	—	7	50
—	—	—	—	—	—	15	50	—	—	19	53	—	—	18	62
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	11	60
—	—	—	—	8	50	7	—	11	75	—	—	—	—	10	8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	25
—	—	12	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	35
—	—	7	75	6	25	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	25
8	—	—	—	6	50	—	—	—	—	—	—	—	—	8	50
4	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	52
—	—	15	—	10	—	8	50	12	50	—	—	19	50	11	98
—	—	—	—	6	25	6	—	6	50	—	—	—	—	6	25
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	—	28	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	75	7	75
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22	50
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—

Месячная заработная плата на хлопчатобумаж

Роды труда.	ТКАЦ							
	Кокушкина.		Посылина.		Гарелина.		Зубкова.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Ткачи механическ. . . .	8	84	—	—	11	15	15	50
Сновальщики	12	96	—	—	16	32	20	—
Шликтовальщики	15	36	—	—	18	47	—	—
Пробирщики	23	98	—	—	10	75	20	—
Подавальщики	—	—	—	—	10	75	6	50
Бердовщики	—	—	—	—	—	—	—	—
Ремизолакировщики . .	—	—	—	—	—	—	—	—
Размеряльщики	—	—	—	—	—	—	—	—
Складальщики	—	—	—	—	—	—	—	—
Ручные ткачи	—	—	8	75	—	—	—	—
Ручные сновальщики . .	—	—	9	50	—	—	—	—
Моталки и цевочн. . . .	7	29	—	—	9	33	11	—
Клеильщики	—	—	12	—	—	—	—	—
Курчаки	—	—	—	—	—	—	—	—
Слесаря	—	—	—	—	—	—	—	—
Кузнецы	—	—	—	—	—	—	—	—
Молотобойцы	—	—	—	—	—	—	—	—

ных фабриках Шуйского уезда в 1883 г.

КИЕ ФАБРИКИ.													
Гандурина.		Каретниковой.		Терентьева.		Небурчилова.		Бр. Калужских.		Средняя плата.	
Р.	К.	Р.	К	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
15	—	16	—	10	—	8	75	8	13	11	67
20	50	—	—	13	50	18	—	16	42	16	81
19	50	21	87	15	—	17	—	24	46	18	80
—	—	13	12	15	—	12	50	6	50	14	55
—	—	4	—	4	—	4	—	3	—	5	37
—	—	—	—	—	—	20	—	—	—	20	—
—	—	—	—	—	—	22	50	—	—	22	50
—	—	—	—	—	—	7	50	—	—	7	50
—	—	—	—	—	—	14	—	—	—	14	—
—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	6	37
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	50
10	50	8	18	—	—	10	50	6	25	9	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—
—	—	—	—	—	—	—	—	12	50	12	50
—	—	—	—	—	—	—	—	17	50	17	50
—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	10	—

Сопоставим изменение денежной заработной платы с изменением цены хлеба:

	Средняя цена пуда ржаной муки в Москве.	Увеличение.
1856—1858 г.	— р. 56 к.	95%.
1881—1883 г.	1 „ 09 „	

Цена хлеба повысилась гораздо значительнее, чем заработная плата огромного большинства рабочих. Принимая цену хлеба показателем покупательной силы денег, следует заключить, что к началу 80-х годов реальная заработная плата рабочих на хлопчатобумажных фабриках Шуйского уезда понизилась в общем не менее, чем на 20—30%.

(М. Туган-Барановский — Русская фабрика в прошлом и настоящем.)

36. Поссессионная фабрика под управлением рабочих.

Приведем довольно исключительный пример поссессионной фабрики, которой управляли сами рабочие, почти без всякого контроля содержателя. Красносельская бумажная фабрика близ Петербурга была прежде казенной, но затем была передана гр. Сиверсу, от которого переходила к другим владельцам, и в начале этого века принадлежала Хлебникову. У рабочих на этой фабрике возникали беспрестанные столкновения с фабрикантами еще в прошлом веке. В 1803 г. им удалось заключить с Хлебниковым крайне любопытный договор, утвержденный в софийском уездном суде. По этому договору между фабрикантом и мастеровыми установились следующие отношения. Рабочие получают в свою пользу $^1/_5$ часть цены всей продаваемой бумаги. Сверх того, они получают от хозяина даром дрова. Мастеровые обязываются сами за свой счет производить необходимый ремонт фабричных зданий и машин, кроме „знатных в машинах перемен“. Цена продаваемой бумаги должна определяться раз в год представителями хозяина и мастеровых. Хозяин обязуется исправно поставлять тряпье (при чем, если тряпье не будет доставлено, то мастеровые получают от владельца определенную плату за каждый прогульный день), а рабочие обязуются выделывать из доставляемого тряпья не менее определенного количества бумаги и притом хо-

рошего качества (в противном случае, бумага не принимается фабричной конторой).

Мастеровые обязаны были подчиняться уполномоченному фабриканта, но всем ходом работ на фабрике заведывал мастер, выбранный самими рабочими. Распределение суммы, следуемой рабочим, производилось их собственными выборными. Продолжительность рабочего дня на фабрике устанавливалась всем обществом.

От Хлебникова фабрика перешла к помещице Полторацкой, при которой начинаются непрерывные жалобы содержательницы фабрики на рабочих и обратно, при чем главным поводом к раздорам был названный договор.

Полторацкая жаловалась министру внутренних дел, что „мастеровые отпали от всякого повиновения, составили между собой общество, которое ими управляет, отклоняя всякое над собою начальство и никому не отдавая отчета как в прогулах, так и в хорошей отделке бумаги. В сутки они не работают более 4-х часов, имеют, кроме табельных, множество праздников и предаются пьянству". В виду этого Полторацкая просила о совершенном уничтожении договора 1803 г. или же об утверждении нового Положения для фабрики.

С другой стороны, рабочие жаловались на то, что Полторацкая не исполняет договора, не допускает к исправлению своих обязанностей выбранных рабочими мастеров и проч.

Министр внутренних дел командировал для осмотра фабрики особого чиновника, который не замедлил обнаружить многие „неправильности" рабочих. Так, по донесению этого чиновника, некоего Прилуцкого, им „примечено, что в сей фабрике иные мальчики и до 15 лет не ходят на работу". Женщины совсем на ней не работали. Рабочий день, по показаниям самих рабочих, не превышал 10 часов в сутки.

В виду этих „неправильностей", сенат 1813 г. утвердил новое Положение Красносельской фабрики, которое сохраняло в силе договор 1803 г. с тем изменением, что 1) мастер и подмастерье должны не выбираться рабочими, а назначаться содержательницей; 2) работа должна продолжаться не менее 12 часов в сутки и 3) дети должны работать на фабрике с 12-летнего возраста. Прочие пункты изменения были несущественны.

Новое положение вызвало целый ряд жалоб рабочих. В 1814 и 1816 г.г. рабочие подали жалобы Александру I, указывая на

несправедливые вычеты из их заработной платы и прося о принятии фабрики в казну и выдаче им в ссуду 100 т. р., с тем, чтобы они сами заведывали фабрикой и платили бы в казну по 15 коп. с каждой выработанной стопы бумаги.

Иными словами, рабочие мечтали не более не менее, как об устройстве собственной кооперативной фабрики, — и это в крепостной России!

Само собою разумеется, что просьба рабочих об отдаче им фабрики в полное пользование не была уважена; но жалобы на несправедливые вычеты оказали действие. По приказанию императора, вопрос поступил на рассмотрение комитета министров, который в заседании 23 января 1817 г. признал, что Полторацкая, действительно, делала значительные вычеты из платы рабочих, и постановил, чтобы содержательница фабрики вернула рабочим всю недоплаченную им сумму. Вместе с тем, комитет не согласился с предложением министра внутренних дел — обязать мастеровых подпиской о неподаче жалоб,—„считая сие излишним, ибо несправедливо было бы заграждать мастеровым путь к жалобам, в случае какого-либо им притеснения“.

Решение комитета министров было утверждено Александром I, который приказал, чтобы министр внутренних дел донес ему лично о выполнении постановления комитета министров — о возврате рабочим неуплаченной Полторацкой суммы 5715 р. 17 к.; эти деньги были получены рабочими в мае того же года.

Естественно, что решение комитета министров не понравилось Полторацкой, которая вслед затем подала несколько просьб министру внутренних дел о покупке ее фабрики в казну, отказываясь вести дело при том духе „независимости“, который укоренился среди рабочих. В конце концов, столкновения владелицы фабрики с рабочими привели к расстройству фабрики и приостановке производства. В 1825 г. Красносельская фабрика была приобретена удельным ведомством; фабричное производство было прекращено, а мастеровые были удельными.

(М. Туган-Барановский — Русская фабрика в прошлом и настоящем.)

III. Производственный (сельскохозяйственный и промышленный) капитализм.

А. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ.

37. Барщина и оброк в помещичьих имениях конца 50-х годов XIX века.

	Губернии.	Процент оброчных крестьян.	Процент барщинн. крестьян.
1.	Костромская	87,5	12,5
2.	Ярославская	87,4	12.6
3.	Вологодская	84	16
4.	Олонецкая	72	28
5.	Владимирская	70	30
6.	Московская	68	32
7.	Нижегородская	68	32
8.	Калужская	55	45
9.	Новгородская	45,6	54,4
10.	Воронежская	45	55
11.	Тверская	41	59
12.	Рязанская	38	62
13.	Орловская	28	72
14.	Смоленская	27	73
15.	Тульская	25	75
16.	Пензенская	25	75
17.	Курская	24,5	75,5
18.	Псковская	23	77
19.	Тамбовская	22	78.

(Игнатович — Помещичьи крестьяне накануне освобождения.)

38. Распределение удобной земли между помещиками и крестьянами в 50-х годах XIX века.

	Губернии.	Процент всей удобной земли: у крестьян.	у помещиков.
1.	Нижегородская	79,94	20,06
2.	Петербургская	79,66	20,34
3.	Владимирская	79,52	20,48

Губернии.	Процент всей удобной земли: у крестьян.	у помещиков.
4. Ярославская	79,23	20,77
5. Тверская	77,18	22,82
6. Калужская	75,91	24,09
7. Вологодская	73,37	26,63
8. Смоленская	71,41	28,59
9. Псковская	68,16	31,84
10. Новгородская	67,53	32,47
11. Олонецкая	65,61	34,39
12. Пензенская	57,25	42,75
13. Рязанская	52,60	47,40
14. Тульская	52,00	48,00
15. Костромская	50,02	49,98
16. Курская	47,25	52,75
17. Тамбовская	47,20	52,80
18. Орловская	46,67	53,33
19. Воронежская	46,05	53,95

(Игнатович — Помещичьи крестьяне накануне освобождения.)

39. Отрезки в разных полосах России.

Крестьян, как известно, решено было освободить с землею (иначе поступить, впрочем, было бы и невозможно — просто-напросто вспыхнул бы всероссийский крестьянский бунт). Для определения размера надела Россия была разделена на 3 полосы: 1) нечерноземную, 2) черноземную и 3) степную. Каждая из полос подразделялась по ценности надела, который крестьянам надлежало выкупить, на „местности“. Для первых двух полос были установлены два размера наделов: максимальный и минимальный. Кроме того, по общему правилу, помещик, при желании, мог удержать, „отрезать“ у крестьян при даче им надела до $^1/_3$ удобных земель. Размер этих отрезков, в среднем, для 36 коренных русских губерний был 18,1%, в черноземной полосе (21 губерния) 26,2%. Но по отдельным губерниям он доходил чуть ли не до 50% (в Самарской 44%, в Саратовской 41%).

(По Лосицкому — Выкупная операция.)

40. Выкупная операция.

Районы.	Ценность полного надела по продажным ценам 1854-58 г.	Ценность полного надела по выкупу.	Премия помещиков за выкуп.
Черноземные губернии	219 рублей	342 рубля	123 рубля.
Нечерноземные губернии . . .	155 „	342 „	187 „
Западные губернии	170 „	183 „	13 „

(Лосицкий—Выкупная операция.)

41. Конец крепостной неволи и земельное устройство крестьян.

Земля, согласно единодушному требованию помещиков, признана была их полною и неотъемлемою частною собственностью, а крепостные крестьяне—безземельными съемщиками (арендаторами) этой чужой земли. Однако, за крепостными было признано правительством право на получение надела из имений их бывших господ.

Надел этот состоял из двух частей: 1) усадьбы с двором и 2) сельскохозяйственных угодий — пашни, лугов, выгона и пр.; то и другое крестьяне получали в „постоянное пользование“ за оброк (наемную плату) в пользу землевладельцев. По добровольному соглашению между помещиком и крестьянами, последние могли весь надел или усадьбу выкупить у землевладельца в собственность, при чем казна оказывала им свою поддержку, уплачивая за них деньги помещику и рассрочивая уплату ими долга казне на несколько лет.

Самые размеры надела были установлены по следующим правилам. Вся Россия разделена на три больших полосы: 1) промысловая нечерноземная, в которую вошли срединные подмосковные губернии и те, которые лежат на север, северо-запад и отчасти северо-восток от Москвы. Таковы губернии: Московская, Костромская, Ярославская, Тверская, Новгородская, Петербургская и др., где при крепостном праве крестьяне находились по большей части на оброке; 2) черноземная полоса, в которой преобладало барщинное ведение помещичьего хозяйства, заключало в себе хлебородные губернии южной Великороссии и среднего Поволжья, как

Тамбовская, Тульская, Курская, Орловская, Пензенская, Симбирская и др.; 3) степная полоса, где по большей части велось еще самое простое хозяйство на вновь распаханной целинной земле, состояла из самых южных губерний Новороссии и Малороссии, как Харьковская, Херсонская и др.

В нечерноземной полосе надел был определен в разных условиях: от 3 до 8 десятин на мужскую („ревизскую") душу: в черноземной он был от 3 до 4½ дес. и в степной — от 6 до 12 дес. на ревизскую душу.

Как сильно ухудшилось земельное обеспечение бывших крепостных в некоторых губерниях, видно из примера Саратовской губернии: здесь из 1 милл. 78 тыс. дес., бывших в пользовании крепостных, осталось у крестьян после „воли" только 834 тыс. дес. из каждой сотни. При этом больше прежнего получила земли четырнадцатая часть крестьян; у четвертой части надел остался такой же, какой и был, а у двух третей он уменьшился, и уменьшился очень сильно. Вследствие этого, после „воли" в среднем расчете на рев. душу пришлось по губернии менее 3 дес. (2,8), а до „воли" приходилось почти по 5 дес.

Но этим южные помещики не удовольствовались. Они добились от правительства весьма важной уступки, которой они очень ловко воспользовались, чтобы почти вовсе обезземелить многих бывших крепостных. Правила о максимальном и минимальном наделе говорили о земле, которая давалась крестьянам за плату: за оброк или за выкуп. Желая удержать за собою как можно больше земли, помещики черноземных и степных губерний настояли на том, чтобы помещику по добровольному соглашению его с крестьянами было разрешено, вместо полного или третного надела в постоянное пользование за оброк, давать своим бывшим крпостным ¼ часть полного надела совершенно даром в их собственность. Этот четвертной или дарственный надел получил в народе кличку „нищенского" или „сиротского". Если вернуться к тому примеру, который мы приводили, то в том уезде, где полный надел был 2,7 дес., помещик мог предоставить крестьянам вместо 2,7 дес. всего лишь около 0,7 дес. на душу, но зато бесплатно и в собственность. Это было бы меньше, чем при крепостном праве приходилось крестьянину в самых малоземельных имениях здешнего уезда.

Но ведь на замену полного и третного надела дарственным требовалось согласие крестьян. Никто не мог их заставить

отказаться от полного надела и удовольствоваться „нищенским". Как же объяснить, что дарственников оказалось в конце концов довольно много в России? Объясняется это многими причинами: во-первых, условия платежа оброка и выкуп за надел были, как мы ниже увидим, довольно тяжелы для крестьян; во-вторых, в многоземельных южных краях, где наем земли у помещика стоил в то время еще очень дешево, крестьяне надеялись дополнить недостаток надельной земли наймом земли у соседнего помещика, не догадываясь, что цены на наем земли скоро и быстро возрастут; наконец, разница между третным и четвертным наделом была часто так невелика, что помещику легко было уговорить крестьян взять дарственный надел бесплатно вместо того, чтобы платить за третный оброк и все-таки не иметь собственной земли ни десятины. На самом деле: в нашем примере третный надел был равен 0,9 дес. на душу, а четвертной почти 0,7 дес. Разница в 0,2 дес. на душу, при дешевой аренде, была так невелика, что третнику казалось даже выгодным получить дарственный надел.

Все эти причины и привели к тому, что при наделении освобождаемых крепостных землею среди них оказалось довольно много дарственников: именно — 640 тысяч ревизских душ или 6 %. Особенно много таких „нищенских" наделов было на востоке и юге, в таких губерниях, как Оренбургская, (почти $^3/_4$ крепостных получили „сиротские" наделы), Уфимская, Самарская ($^2/_5$ — дарственников), Пермская, Саратовская, Таврическая (около $^1/_3$), Воронежская, Екатеринославская и Казанская (около $^1/_4$ дарственников).

Теперь посмотрим, как же изменилось земельное положение помещиков и их крестьян от этого переустройства?

Накануне „реформы" у дворян было около 105 миллионов десятин земли, а у казны в Европейской России — приблизительно вдвое больше этого. Дворянская земля распределялась между владельцами крайне неравномерно, о чем можно судить по тому, у кого сколько было во владении крепостных крестьян. Накануне отмены крепостного права у 102 тысяч (муж. пола) дворян было во владении около 12 миллионов „ревизских" душ (11.907 тыс.), из которых $^8/_{10}$ находились в имениях крупных владельцев, державших каждый не менее 100 ревизских душ, а таких владельцев среди дворян не было даже $^1/_4$ их числа. При этом почти половиной всех крепостных (47 %) владели крупнейшие из дворян; у каждого

из них находились во власти не менее 500 ревизских душ, а сами они едва-едва составляли 4% всего дворянства. Таким образом выходит, что у ничтожной кучки дворян была в крепостной неволе чуть не половина всех помещичьих крестьян. Наоборот, остальное дворянство, более $^3/_4$ его, владело все вместе едва $^1/_5$ всех крепостных, имея кто 10, кто 20, кто 50 „ревизских“ душ, не менее сотни. Соответственно этому распределению крепостных среди дворянства, распределялись и земли. Громадными имениями в тысячи десятин владели немногие вельможи, вроде графов Орловых-Давыдовых, Шереметевых и др., а множество уездных дворян были „мелкопоместными“, земли которых исчислялись одной-двумя сотнями десятин.

При отмене крепостного права дворяне уступили в надел крестьянам из своих 105 милл. десятин около $35^1/_2$ (35.697) милл. дес. (по 45 губерниями), т.-е. приблизительно $^1/_3$, а $^2/_3$ удержали за собою. Отведенные в надел бывшим крепостным земли так расположились по трем главным полосам России. В 15-ти нечерноземных губерниях до отмены крепостного права у крестьян было 13 милл. 944 тыс. десятин, а стало теперь 13 милл. 390 тыс., меньше на 554 тыс. дес., — убавилось 4 дес. из каждой сотни. В 21-й черноземной губернии до „освобождения“ крепостные пользовались 14 милл. 16 тысячами десятин, а получили в надел 10 милл. 709 тысяч дес., меньше на 3 милл. 307 тысяч дес.; иначе говоря, из каждой сотни они потеряли около 24 десятин. Наконец, в 9-ти западных губерниях вместо 7 милл. 737 тыс. дес. крестьяне получили 10 милл. 901 тыс. дес., т.-е. по 41 дес. на сотню больше. Если отбросить западные губернии, где прирезкой земли за счет польских помещиков правительство хотело привлечь на свою сторону малороссийских крестьян, то по 36 губерниям коренной России мы замечаем потерю крестьянами земли при выходе их на „волю“; в общем они потеряли здесь 3 миллиона 861 тысячу, а по всей Европейской России и еще больше — до 5 милл. дес., т.-е. 18 дес. на каждой сотне. К этому привели „отрезки“ и другие ухищрения, которых удалось, как сказано выше, добиться помещикам, чтобы удержать у себя побольше земли.

Но главное зло от этих „отрезков“ заключалось не в том, что земли у крестьян стало меньше, а в том, что самая эта земля ухудшилась, и при этом бывшие крепостные попали в новую хозяйственную зависимость к своим бывшим „господам“. Произошло это оттого, что в „отрезки“ попали (часто вполне обдуманно

и с хитрым расчетом) такие необходимые для крестьянского хозяйства угодья, как выгоны, луга, водопои, проезд и поле и пр. Некоторые помещики воспользовались своим правом отрезки для того, чтобы отнять у крестьян самые лучшие земли и оставить им худшие; другие вырезали крестьянам в надел длинные и узкие полосы, так что крестьянские поля оказались растянутыми на десятки верст; везде наделы оказались разбросанными чересполосно в разных местах и часто со всех сторон были окружены помещичьими землями. Все это нанесло крестьянскому хозяйству неисчислимый вред и связало бывших крепостных по рукам и ногам.

В среднем расчете, бывшие крепостные получили по 3,2 дес. земли на ревизскую душу, а имели до „воли“ по 3,7 десятины. Но полученная земля в действительности распределялась внутри крестьян очень неравномерно. Так, по 45-ти губерниям коренной России из каждой сотни ревизских душ 6 человек получили самые ничтожные клочки — меньше 1 дес.; 41 человек получили наделы от 1 до 3 десятин; почти столько же крестьян, именно 42 — наделы от 3 до 5 десятин и лишь 11 человек — наделы более крупные. Следовательно, почти $^{9}/_{10}$ бывших крепостных получили менее 5 дес. на муж. душу, а около половины (47%) даже менее 3 десятин.

Если бы крепостные могли сразу купить у помещиков всю землю, отведенную им в наделы, то эта покупка обошлась бы им гораздо дешевле, чем выкуп наделов в рассрочку по стоимости оброка, приравненного к доходу с капитала. А именно, по выкупу крестьяне должны заплатить 867 милл. руб. за 32 милл. 268 тыс. дес., т.-е. по 27 руб. за дес. на круг, а по ценам 1854—1858 годов такое количество земли стоило 544 милл. руб., или на 323 милл. руб. меньше. Следовательно, на каждой десятине крестьяне должны были при выкупе переплачивать в среднем по 17 руб.

Однако, в действительности выкуп стоил дороже там, где обычно земля стоила при вольной продаже всего дешевле, именно — в нечерноземной промысловой полосе. Здесь цена земли, отведенной в надел бывшим крепостным, была выше, чем в вольной продаже, на 188 милл. руб., или на 121%. Иначе говоря, вместо того, чтобы заплатить 100 руб., крестьянин при выкупе должен был уплачивать 221 р., почти в 2 с четвертью раза дороже. Вместо 13 руб. за десятину крестьянин нечерноземной полосы

должен был по выкупу платить 28 р. 50 к. Очевидно, это был выкуп не земли, а „душ“,—права помещиков на крепостной труд.

Но и в черноземной полосе, где земля и в вольной продаже гораздо дороже, крестьяне при выкупе переплачивали значительно. Так, по вырученным ценам 1854—1858 годов, за 9 милл. 841 тыс. дес., полученных здесь в надел, следовало бы заплатить 219 милл. руб., а по выкупной стоимости они ценились в 342 милл. руб., т.-е. на 123 милл. руб., или на 56% дороже. И здесь крестьянин вместо 100 руб. платил 156 руб. Каждая десятина надела обходилась черноземному крестьянину по выкупу около 34 руб., а стоила около 21 руб., —на 13 руб. дешевле.

Всего ближе к вольным ценам была выкупная оценка в западных губерниях, где на 10 милл. дес. надела крепостные переплачивали при выкупе только 15 милл. руб., или 8%. Следовательно, всякий раз вместо 100 руб. они платили 108 руб., и десятина выкупаемой земли обходилась им в 18 руб. при цене ее в 17 руб.

Впоследствии, в начале 80-х годов XIX века, выкупные платежи были понижены, но это произошло уже тогда, когда, как мы в свое время увидим, выяснилась несообразность платежей с доходностью надельной земли.

Вот каковы в конце концов были изменения в земельном положении помещиков и их крестьян, происшедшие от уничтожения крепостного права на узаконенных „Положением 19 февраля 1861 г.“ условиях.

(П. Г. Архангельский—Очерки по истории земельного строя России.)

---

42. Заработки, аренда и недоимки крестьян.

Для некоторых губерний нечерноземной полосы земствами собраны подробные данные о величине крестьянских заработков и открывается, следовательно, возможность определить, хотя приблизительно, отношение платежей к заработкам. Наиболее обстоятельные и подробные расчеты делают земства новгородское, вятское и тверское. В Новгородской губ., по сведениям, собранным губернскою земскою управою, одна треть мужской рабочей силы и $^2/_3$ женской, необходимые для домашних работ, направленных единственно на поддержание хозяйства, не дают никакого денежного заработка; затем $^1/_2$ всей рабочей силы в губернии добывает

средства круглый год вне своих хозяйств; кроме того, зимою еще $^1/_3$ мужской рабочей силы идет на посторонние заработки. Вырученные этими заработками средства исчисляются управою таким образом:

$^1/_3$ взрослых мужчин (63.700 чел.) в течение года [1]	3.184.950	р.
$^1/_2$ подростков и женщин в течение года	2.275.850	„
$^1/_3$ взрослых мужчин и $^1/_2$ подростков зимою . . .	1.228.500	„
от зимней работы лошадей	2.165.800	„

Итого—8.855.100 р. Нормальный доход от земли по оценке равняется 2.680.000 р., так что заработок превышает его в $3^1/_2$ раза. Из 8,9 милл. р. прежде всего надобно израсходовать на покупку недостающего хлеба (512.000 четв.) более 3 милл.; остается затем 5,0 милл., из которых надобно уплатить 3.278.136 р. всяких налогов и сборов. Остающийся избыток (2,5 милл.) составит на каждый двор 12 р. 65 к., из которых должны быть покрыты все расходы крестьянского хозяйства: на соль, платье, обувь, орудия и проч. Налоги составляют 37% валового заработка и 56% чистого (за вычетом купленного хлеба).

Промыслы в Вятской губернии, главным образом бурлачество и извоз, дают населению немного более 3 милл. рублей, между тем как всех налогов—государственных, земских и мирских—уплачивают крестьяне до 7 милл. р., так что ими поглощаются не только заработки, но на 4 милл. должно быть продано продуктов с земли в ущерб хорошему питанию и хорошему хозяйству. В докладах уездных управ есть более подробные соображения для отдельных уездов. Так, в Вятском уезде занимаются промыслами 15.150 чел. и зарабатывают 160.022 р.; с земли, за вычетом продовольствия, получается только 1.025.000 р.; итого 1.185.000 р. Налоги берут из этой суммы 554.883 р., т. е. 47%; остается на все расходы, кроме хлеба, около 630.000, или 26 р. в год на каждый двор из почти шести душ обоего пола. В Нолинском уезде заработки дают населению 368.920 р.; платежи составляют 619.772 р., с земледелия выручится, за покрытием кормов, 926.000, чистого остатка на все другие нужды 9 р. 12 к. на ревизскую душу; в беднейших волостях Уржумского уезда, за прокормлением и уплатой налогов, может остаться от земледелия и заработков не более 35 коп. на

---

[1]) Проф. Ю. Э. Янсон (1835—1892), отрывок из сочинения которого мы здесь приводим, издал цитируемую работу в 1877 году и приводимые им в работе данные относятся, главным образом, к первой половине 70-х годов прошлого столетия.

душу. В шести уездах Тверской губернии заработками занимаются 159.593 души; они зарабатывают, за покрытием всего продовольствия, 1.265.613 р., или около 8 р. на работника, тогда как на каждую душу приходится всех платежей от 11 р. до 13 р. 30 к. В одной из самых промысловых губерний — Ярославской — доход населения от местных земледельческих (льноводства, огородничества, садоводства, кустарных) и отхожих (уходит почти половина взрослого населения, 110—130.000 чел.) промыслов исчисляется в $11^{1}/_{2}$ милл. р.; из них значительная часть идет на покупку озимого хлеба, из другой уплачивается 3.366.390 р. одних государственных податей, выкупных и оброков, не считая земских и мирских: с ними более 4 милл., т.-е. более $^{1}/_{3}$ всех заработков. Работник Костромской губернии должен из своего заработка, если он государственный крестьянин, отдать на подати около $26^{0}/_{0}$, если бывший помещичий — до $41^{0}/_{0}$, остального едва хватает на покупку хлеба, размеры недостатка которого мы видели выше. В промысловых уездах Нижегородской губ. повинности так велики сравнительно с наделами и заработками, что многие крестьяне целыми деревнями уходят неизвестно куда, и на месте прежних поселков стоят пустыри, как, например, в шереметьевских вотчинах Горбатовского уезда.

В тех губерниях, где вне земледелия не имеется других местных отхожих промыслов сколько-нибудь значительных, положение крестьянского населения должно быть еще более невыгодно. В Псковской губернии, по исчислению управы, крестьянское население покупает хлеба почти на 8 милл. (7.827.618 р.); подати и другие платежи составляют 2.830.228 р.— итого заработать надобно ему 10.650.000 р. Главным источником для покрытия этого дефицита является льноводство, при ничтожном развитии других промыслов; однако, и этот промысел дает дохода не более 8.365.000 р., так что за всем тем в населении оказывается недочет в 2.245.000 р. Где же льняного промысла не существует, там положение крестьян с каждым годом становится безысходнее.

После всего сказанного нет ничего удивительного, что недоимки с каждым годом накопляются все в бо̀льших и бо̀льших размерах, особенно по выкупным платежам, так как число крестьян, приступивших к выкупу, возросло, а их положение несомненно менее обеспечено, чем крестьян других наименований.

Общая цифра недоимок по подушной подати, общественному сбору с государственных крестьян, государственному, земскому, оброчной подати и выкупным платежам, к январю 1872 года составляла:

По Смоленской губернии	. . . . .	129% оклада
„ Новгородской „	. . . . .	102 „
„ С.-Петербургской „	. . . . .	83 „
„ Псковской „	. . . . .	37 „
„ Московской „	. . . . .	30 „
„ Вятской „	. . . . .	16 „
„ Тверской „	. . . . .	15 „
„ Владимирской „	. . . . .	13 „
„ Калужской „	. . . . .	10 „
„ Костромской „	. . . . .	6 „
„ Ярославской „	. . . . .	3 „

Средняя крестьянская семья черноземной трехпольной полосы имеет 5,94 чел. обоего пола. В том числе считается 1,62 мужчин работников, 1,65 работниц, остальное (3,67)—малолетки и старики. Такая крестьянская семья не может в среднем иметь более двух наделов. Предположим, что имеет 2 лошадей, 1 корову, 2 овцы и 1 свинью. Сколько же нужно собственно хлеба, чтобы прокормить семью с ее хозяйственным скотом? На прокормление взрослого работника, при ничтожном количестве мяса, которое он потребляет, надо минимум 24 пуда озимого зерна, половину на малолеток и стариков; ярового на пироги, кашу, блины и проч. 4 гарнца в месяц для взрослого и 2 для малолетков и стариков. Затем на корм скоту необходимо при самом скудном расчете:

На 2 лошадей по 1 гарнцу овса в 160 дней . .	5 четвертей.
Им же сена по 15 ф. каждой	120 пудов.
2 овцам	80 „
Корове на пойло и птице	0,5 четверти.

Солома вся на корм корове, крышу, подстилку: предполагаем, что ее достает на эти потребности.

Таким образом потребность семьи выразится:

Озимого хлеба	13,6 четвертей.
Ярового	9,3 „
Сена	200 пудов.

Урожая озимого и ярового по официальным сведениям в среднем за трехлетие 1870—1872 были для озимого сам-4,86, для ярового сам-4,11. При таком урожае валовой сбор должен

равняться — озимого 16,8 четвертей, ярового 12,5 четвертей. Чтобы при таком урожае получить такой сбор, надобно при трехпольном хозяйстве иметь не менее 8,5 десятин пахоты. Для получения 200 пудов сена, необходимо иметь, кроме того, 1,5 дес. луга; об особом выгоне в трехпольной полосе не может быть и речи: для него остается паровое поле и скошенный луг. Следовательно, с усадьбой и подворным выпуском не может быть менее 10 десятин или по 5 десятин в душевном наделе. При таком наделе почти не может быть, за покрытием потребности в кормовых средствах, никаких избытков; на необходимые расходы для покупки соли, дегтя, на ремонт одежды и хозяйственных орудий, покупку лесного материала, на церковные требы и проч., и проч. не остается ничего, тем более на уплату податей. Против нашего расчета можно возразить, что цифра урожаев, взятая из официального источника, ниже действительной. Допустим и это, хотя в общую цифру посевов и сборов входят и запашки помещиков, у которых урожаи более крестьянских. Во всяком случае не только средние наделы бывших помещичьих крестьян, не достигающие вообще трех десятин, но и высшие их наделы, в 3—3½ десятины (по положению 19 февраля), даже наделы части государственных крестьян не могут обеспечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самых необходимых потребностей крестьянского населения. Что же сказать о средних наделах в 2 с небольшим десятины, и особенно о тех крестьянах, которые получили наделы ниже средней и низшие наделы. А таких в черноземной трехпольной полосе по крайней мере половина, а местами и большинство.

За исключением тех, сравнительно немногих селений, где для части крестьян является возможность промыслового занятия, для массы остаются одни земледельческие заработки: 1) наем в работники и поденная работа в помещичьих хозяйствах; 2) съемка земель и 3) отхожие земледельческие промыслы.

Наем в работники в хозяйство не может дать средств, необходимых для пополнения недочетов в доходах, большему проценту крестьянского населения, по той простой причине, что хозяйств, которые бы велись вольнонаемным трудом, весьма немного в трехпольной черноземной полосе. Все помещичьи земли или обрабатываются по испольной системе, или за обработку, или сдаются мелкими участками в аренду тем же крестьянам. Должности же

старост, гуменников, скотников и пр. большого количественного спроса на труд вызывать не могут. При всем возвышении цен на труд после 1861 года от 50 до 100%, смотря по местности, наем в работники представляет, кроме того, в сущности заработок далеко незначительный. Если пройти всю трехпольную полосу по уездам, начиная с черноземных уездов Казанской губ. до самого Днепра, то, по показаниям экспертов в комиссии для исследования положения сельского хозяйства, цена летнего мужского рабочего дня без харчей от хозяина колеблется между 25 и 70 коп., достигая в рабочую пору, т.-е. в течение нескольких недель, местами до 1—1 р. 20 к.; наиболее распространенная и обыкновенная плата, 50 к.; годовой работник-мужчина, с хозяйскими харчами, получает от 30 до 70 р.; наиболее распространенная плата 40—50 р., из которых на одежду надобно вычесть 10—15 р.; остается 30—35 руб.

За совершенным отсутствием всяких указаний на то, какая часть населения идет в наймы, сроковые или поденные, в чужие хозяйства, мы не можем судить даже приблизительно о значении получаемых этим путем средств в его экономике. Мы находим один факт — для Ставропольского уезда Самарской губ. Крестьянское население уезда зарабатывает наймом в помещичьих хозяйствах около 423.000 р. На 154.778 душ обоего пола это составит около $^2/_3$ копейки в день. Заработок не покрывает и половины податей (969.723 р.). Так или иначе, вследствие ли малого помещения для труда, или малой его выгодности, немедленно после развязки прежних обязательных отношений во всей трехпольной черноземной полосе крестьяне бросились на съемку земель и в ней искали средств и для обеспечения насущных потребностей своих, которым не удовлетворял скудный надел, и для уплаты податей и поземельных платежей, сразу легших тяжелым бременем на крестьянский труд. Помещикам малоземелье крестьян представляло наиболее выгодный способ эксплоатации оставшейся за наделом крестьян земли, и съемка земель ими установилась надолго, как повсеместная форма соединения земельного капитала с трудом.

Наем земель крестьянами имеет уже в рассматриваемой местности свою историю, в которой можно выделить два периода: период найма за вознаграждение натурою, и период денежной аренды.

Крестьяне везде начали нанимать землю или из части урожая, или обрабатывая за каждую взятую десятину большее или меньшее пространство помещичьей земли. Не привыкши оценивать

при крепостном праве, свой труд, считая его почти ни во что, теснимые нуждою, они сразу поставили съемку земель в самые невыгодные для себя условия. За наем десятины крестьяне обязывались обработать, засеять нередко своими семенами и убрать землевладельцу 1, $1^1/_3$, $1^1/_2$, даже 2 десятины, смотря по степени нужды своей в земле, и, кроме того, мало-по-малу, по мере увеличения этой нужды, платили дополнительные платежи или натурою, или деньгами. В густо-населенных местностях десятина нанятой земли при таких условиях обходилась крестьянину, при переводе работы на деньги, непомерно дорого. Например, в Курской губернии, где в некоторых местностях (Щигровский уезд) за 1 дясятину крестьяне обязываются обработать и убрать 2, приплачивая 5—6 р. дополнительного платежа деньгами, наемная плата за эту десятину выходит равною 27—28 р., тогда как за деньги можно нанять ту же десятину за 20 р. При так называемой испольной обработке в густо-населенных местностях крестьяне, обрабатывая, обсеменяя своими семенами поля хозяина и убирая хлеб, довольствуются иногда менее, чем половиною урожая. Поземельная рента при таких условиях равняется по крайней мере $^2/_3$ урожая, остальная $^1/_3$ и менее представляет вознаграждение за труд и капитал съемщика.

С проведением железных дорог мы замечаем повсеместный, вблизи их, переход натуральной аренды в денежную и быстрое возрастание арендных плат в сравнительно очень короткое время. Доклады комиссии по исследованию положения сельского хозяйства в России содержат в себе много материала по географии арендных цен в погодных наймах земли крестьянами. Цены эти средние по уездам; в частных случаях — особенного малоземелья или особенно выгодного местоположения — они несомненно выше средних. Цены эти колеблются весьма значительно, кроме того, в зависимости от степени свежести почвы, близости земли от селений, от тяжести платежей, лежащих на крестьянах. Останавливаясь на средних ценах по уездам, мы легко можем заметить, что они особенно велики на пространстве, прорезываемом железными дорогами Тамбовско-Саратовской, Тамбовско-Козловской, Рязанско-Козловской, Ряжско-Моршанской, Московско-Курской; Курская, Орловская, Тульская, часть Тамбовской губ. представляют центральную местность с самыми высокими ценами.

В Курской губернии, смотря по уездам, арендные цены стоят от 11 до 20 р. за десятину под озимь и 6—12 р. за десятину

под яровое; в черноземных уездах Орловской—от 10 до 17 р. под озимь и от 6 до 12 под ярь; в черноземных уездах Тульской—от 7—18 р. под озимый и от 6 до 14 р. под яровой хлеб; в Борисоглебском, Козловском, Усманском, Липецком, Кирсановском уездах Тамбовской губернии—от 10 до 20 р. под озимь и от 7 до 18, даже 20 р. под ярь. Далее, к востоку и за Волгу, цены понижаются до 7,6 даже 5 р. за десятину под озимь и 4—5 р. под ярь; но и здесь есть уезды, где цены значительно выше: Свияжский уезд, Казанской губ., Ардатовский — Симбирской, Саранский и Керенский — Пензенской, Балашовский — Саратовской в высоте арендных цен почти доходят до уровня губерний средней черноземной полосы. Такое же понижение характеризует и местность на юго-запад от Курской губернии — Полтавскую и Харьковскую губернии.

Приведенные наемные цены, высокие сами по себе, все растут еще по единогласному почти свидетельству экспертов в вышеупомянутой Комиссии, по свидетельству управ и частных исследователей. В Симбирской губ. в три года цены поднялись на 10%, в Саратовской в последние 10 лет удвоились, а в некоторых частях Сызранского уезда утроились, в Орловской и Курской — удвоились. Особенно сильно возрастание в полосе между Тамбовом и Курском: в 1863 году денежных аренд было еще мало, крестьяне брали землю исполу; на деньги за десятину платилось не более 5 р. С тех пор цены утроились и учетверились в какие-нибудь 8—9 лет. Возвышение это задерживается несколько после неурожаев, но только на время; с новым урожаем идет дальнейшее возрастание, предел которому может быть положен только полным разорением крестьян. Надобно, кроме того, иметь в виду, что наемная плата, вносимая деньгами, не выражает еще всего того, что крестьянин действительно платит за землю. Часто в придачу за то только, что ему отдают землю, он прибавляет несколько рабочих дней и за невзнос во время денег платит пеню натурой,—яйцами, пенькой, чем попало. Вместе с наемной платой растет и цена на самые земли, и покупка их даже более зажиточными из крестьян делается все менее возможной. Еще на восточной окраине, ближе к заволжью, цены в покупке подесятинно и мелкими участками стоят редко выше 50 р. на десятину. Но в губерниях Тамбовской, Рязанской, Орловской, Курской ниже 100 р. за десятину почти нельзя купить небольшого участка, и цены доходят здесь до 120, 150 и 180 р. за десятину.

В последние пять-шесть лет до 1872 г. цены удвоились в Малоархангельском уезде: с 1865 г. цена с 50 р. дошла до 100; в Льговском—против цен до 1861 г. она утроилась; в Усманьском с 1862 по 1871 г.г. с 50—60 р. она поднялась до 100—120 р.; в Керенском с 1865 по 1872 г.г. от 50 р. дошла до 100; в других местностях возвышение было еще значительнее—в Курской губ. с 30 р. в 1863 г. до 150 и даже до 180 р. Конечно, железные дороги иногда способствовали вздорожанию хлеба, следовательно, и земель. Но хлебные цены в рассматриваемой местности поднялись всего на 60—80%, и поэтому значительнейшая доля влияния в этом вздорожании должна быть приписана возвышению арендных цен, зависящему в свою очередь единственно от малоземелья крестьян и тягости лежащих на них повинностей.

В приблизительных цифрах возвышение цен на земли, труд и хлеб в течение 10-ти лет после освобождения крестьян может быть представленно в таком виде:

Продажные и арендные цены на землю	+ 300—400%
Цена на труд	+ 50—100%
Цены на хлеб	+ 50— 80%

Ясно, что если кто выиграл от повышении цен, то во всяком случае не крестьяне. И возрастание цен на землю едва ли на этом остановится: в густо населенных местностях черноземной полосы крестьяне распахали все, что можно было распахать: места из-под леса, откосы балок, спущенные пруды; пашни местами (в некоторых уездах Рязанской, Тульской и северных Самарской губ.) занимают от 70 до 80% всей площади; в ущерб будущей производительности почвы, распахали даже часть лугов — в целых уездах лугов почти не осталось; по целым губерниям на 100 десятин пахоты приходится уже только 10—15 десятин луга. Предложение земли увеличиваться более не может, а население продолжает расти. Если высшим пределом, до которого, при трехпольном хозяйстве, может дойти численность населения, считать в 12—14 десятин на работника, то он в целых уездах уже перейден и там должно уже чувствоваться переполнение населения. С другой стороны, меньшее плодородие почвы, высота арендных и продажных цен на землю, в связи с бедностью населения, производят такое переполнение еще ранее достижения этой 12—14-десятинной пропорции. При происходящем отсутствии заработков и обрабатывающей промышленности, невозможности пе-

рехода к более интенсивной культуре и выселения, отхожие промыслы становятся явлением совершенно естественным. Они и существуют во многих местах трехпольной черноземной полосы, сохраняя, в противоположность нечерноземной, чисто земледельческий характер. К сожалению, никакой статистики этих отхожих промыслов мы не имеем; единственное исследование, о них имеющееся, — статьи г. Чаславского в „Сборнике государственных знаний“, — дает нам только общее понятие о тех местностях, откуда они начинаются и куда направляются, и о причинах, их вызывающих. О степени выгодности их для крестьян, о том, насколько они могут считаться средством для улучшения их экономического положения, мы можем судить по одним отрывочным отзывам тех или других источников. В них мы тоже не вычитываем ничего особенно утешительного.

Отхожие промыслы есть более или менее во всей трехпольной полосе. Но особенно сильно отхожее движение в Чистопольском уезде Казанской губ., во всем Присурском крае от Курмышского уезда на севере до Кузнецкого на юге, в уездах Наровчатском, Нижнеломовском, Моршанском, в северных уездах Тамбовской губернии, в южной части Воронежской губ., в южной части Курской и северо-западной Харьковской, с прилежащими частями Полтавской. Из восточной части трехпольной полосы движение идет на юго-восток в Заволжье, в степи Самарской и Оренбургской губерний, из средней и западной на Дон, Кубань и Таврическую губернии. Движение это идет вполне, так сказать, на-угад. Знают, что в степи может быть работа, что цены на рабочих для уборки хлеба и сена высоки — и народ бредет туда ежегодно. Но заработки его так же неопределенны, как непостоянны степные урожаи: отсюда большая рискованность отхожего промысла, лишенного всякой правильной организации. Уродят хлеб и сено в степях, — вернутся с деньгами; не уродят — вернутся, в буквальном слове, нищими. То же самое может случиться и при внезапном наплыве большого числа пришлых рабочих. „Эти передвижения народа невыгодны никому“, — говорит г. Чаславский об отхожих промыслах, — „ни самим крестьянам, ни частным владельцам, ни, наконец, государству“. Владельцы земель в трехпольной полосе жалуются, что отхожие промыслы отвлекают у них много народа, что часто уходят целые деревни и у них оказывается недостаток в рабочих руках; что крестьяне, „уходя на промыслы, возвращаются часто с пустыми руками, разоряются, на них накопляются

недоимки; что они приносят домой болезни, разврат и проч.". Насколько может обеспечить население отхожий промысел, как единственное подспорье, видно из следующего отзыва сызранской земской управы: „Промыслы в Ардатовском и Ахтырском уездах, удаленных от Волги и больших путей, вообще немного развиты, поэтому крестьяне живут бедно. Главным промыслом в этой местности служит ежегодное хождение на жатву и косовицу в Самарскую губернию; если там урожаи хороши и цены на рабочих высоки, крестьяне возвращаются с деньгами; если нет, то на них накопляются недоимки. По этим причинам некоторые селения здесь находятся в крайне тяжелом положении, которое обратило на себя внимание правительства, следствием чего было понижение в этих селениях выкупных платежей, в некоторых с 7 р. 20 к. до 1 р. 30 к. с душевого надела".

Таков последний рессурс, открытый черноземному трехпольному крестьянину при теперешнем положении вещей.

(Ю. Э. Янсон — Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах.)

---

43. Крепостное хозяйство после реформы.

В моих письмах [1]) я уже много раз указывал на сильное развитие индивидуализма в крестьянах, на их обособленность в действиях, на неумение, нежелание — лучше сказать, соединяться в хозяйстве для общего дела. На это же указывают и другие ис-

---

[1]) В хрестоматии дается несколько отрывков из книги А. Н. Энгельгардта (1832—1893) „Письма из деревни" (вышла в 1882 г.). А. Н. Энгельгардт был профессором химии в С.-Петербургском Земледельческом Институте и практическим сельским хозяином, снискавшим себе, в качестве такового, широкую известность в России. Его „Письма из деревни"—интересный публицистический памятник, дающий живую и верную зарисовку ряда картин как крестьянского хозяйственного, так и помещичьего быта. В свое время „Письма из деревни" имели громкую популярность, зовя интеллигенцию в деревню, в народ (надо сказать, что отдельными корреспонденциями „Письма" начали печататься с 1863 г.) для борьбы с отсталостью крестьянина. Для подъема русского земледельческого хозяйства Энгельгардт считал необходимым переход земли в руки самих земледельцев и артельную организацию труда. Энгельгардт жил в селе Батищеве, Смоленской губернии, где его хозяйство было практической школой культурного земледелия, известной по всей России.

следователи крестьянского быта. Иные даже полагают, что делать что-нибудь сообща противно духу крестьянства. Я с этим совершенно не согласен. Все дело состоит в том, как смотреть на дело сообща. Действительно, делать что-нибудь сообща, огульно, как говорят крестьяне, делать так, что работу каждого нельзя учесть в отдельности, противно крестьянам, на такое общение в деле, по крайней мере, при настоящей степени их развития, они не пойдут, хотя случается и теперь, что при нужде, когда нельзя иначе, крестьяне и теперь работают сообща. Примером этому служат артели, нанимающиеся молотить, возить навоз, косить. Но для работ на артельном начале, подобно тому как в граборских артелях, где работа делится и каждый получает вознаграждение за свою работу, крестьяне соединяются чрезвычайно легко и охотно. Кто из нас сумеет так хорошо соединиться, чтобы дать отпор нанимателю (если бы не артели, то разве граборы [1]) получали бы такую плату за работу: граборы-одиночки обыкновенно получают дешевле, потому что перебивают работу друг у друга), кто сумеет так хорошо соединиться, чтобы устроить общий стол, общую квартиру?

Но спрашивается, почему же невозможно вести хозяйство на артельном начале? Ниже, в этом же письме, я еще раз возвращусь к этому важному вопросу.

Лучшим примером того, какое значение в хозяйстве имеет ведение дела сообща, соединенное с общежитием, служит зажиточность больших крестьянских дворов и их обеднение при разделах.

Крестьянский двор зажиточен, пока семья велика и состоит из значительного числа рабочих, пока существует хотя какой-нибудь союз семейный, пока земля не разделена, и работы производятся сообща. Обыкновенно союз этот держится только пока жив старик и распадается со смертью его. Чем суровее старик, чем деспотичнее, тем нравственно сильнее, тем большим уважением пользуется от мира, тем больше хозяйственного порядка во дворе, тем зажиточнее двор. Суровым деспотом-хозяином может быть только сильная натура, которая умеет держать бразды правления силою своего ума, а такой умственно-сильный человек непременно вместе с тем есть и хороший хозяин, который может, как выражаются мужики, все хорошо „загадать“; в хозяйстве же хороший „загад“— первое дело, потому что при хорошем загаде и работа идет спорнее и результаты получаются хорошие.

---

[1]) Рабочие-землекопы.

Но, как ни важен хороший „загад“ хозяина, все-таки же коренная причина зажиточности и сравнительного благосостояния больших неразделившихся семей заключается в том, что земля не разделена, что работа производится сообща, что все семейство ест из одного горшка. Доказательством этого служит то, что большие семьи, даже и при слабом старике, плохом хозяине, не умеющем держать двор в порядке,—все-таки живут хорошо.

Я знаю один крестьянский двор, состоящий из старика, старухи и пяти женатых братьев. Старик совсем плох, стар, слаб, занимается по хозяйству только около дома, в общие распоряжения не входит. Хозяином считается один из братьев. Все братья, хотя и молодцы на работу, но люди не очень умные и бойкие, смиренные, рахманные, как говорят мужики, даже тупые, совершенно подчиненные своим женам. Бабы же, как на подбор, молодица к молодице, умные,—разумеется по-своему, по-бабьему,—здоровые, сильные, все отлично умеют работать, и действительно работают отлично, когда работают не на двор, а на себя, например, когда зимою мнут у меня лен и деньги получают в свою пользу. Хозяйство в этом дворе в полнейшем беспорядке: бабы хозяина и мужей не слушают, на работу выходят поздно, которая выйдет ранее, поджидает других, работают плохо, спустя рукава, гораздо хуже батрачек; каждая баба смотрит, чтобы не переработать, не сделать более, чем другая. Все внутренние, бабьи хозяйственные работы производятся в раздел. Так, вместо того, чтобы поставить одну из баб хозяйкой, которая готовила бы кушанье и пекла хлебы, все бабы бывают хозяйками по-очереди и пекут хлеб понедельно: одну неделю—одна, другую—другая; все бабы ходят за водою и наблюдают, чтобы которой-нибудь не пришлось принести лишнее ведро воды, даже беременных и только что родивших, молодую, еще не вошедшую в силу девку, дочь старшего брата, заставляют приносить соответственное количество воды. Точно так же по-очереди доят коров; каждая баба отдельно моет белье своего мужа и детей, каждая своему мужу дает отдельное полотенце вытереть руки перед обедом, каждая моет свою дольку стола, за которым обедают. Случилось, что в этом дворе были у трех баб одновременно грудные дети, которых нужно было подкармливать молочной кашей, между тем, зимою во дворе была всего одна рано-отелившаяся корова, так что все молоко должно было итти на грудных детей. Казалось бы, чего проще хозяйке выдоить ежедневно корову и сварить общую молочную кашу для всех детей.

Нет, ежедневно одна из баб-дитятниц, по-очереди, доит корову, молоко разделяет на три равные части, и каждая баба отдельно варит кашу своему ребенку; наконец, и этого показалось мало,— должно быть, боялись, что доившая может утаивать молоко,—стали делать так: бабы доят коров по-очереди, и та, которая доит, получает все молоко для своего ребенка, то-есть сегодня одна невестка доит корову, получает все молоко себе, и потом три дня варит своему ребенку кашу на этом молоке; завтра другая невестка доит корову и получает все молоко себе, послезавтра—третья...

Даже в полевых работах бабы этого двора вечно считаются: каждая жнет отдельную нивку и, если она оставила высокое жнитво, то и все другие оставляют такое же. Словом, работают хуже, чем наемные батрачки. Бабы этого двора даже разные торговые операции делают независимо от двора: одна из баб, например, арендует у бедных крестьян несколько нивок земли, независимо от двора, на свои деньги, сеет ячмень и лен в свою пользу; другая выкармливает на свой счет борова и продает в свою пользу.

Однако, и при таком безобразии, все-таки двор остается зажиточным: нет недоимок, хлеба довольно, семь лошадей и восемь коров, хорошая снасть, бабы в нарядах, у мужиков сапоги, красные рубахи и синие поддевки, есть свободные деньги. И дом называется „богачев“ двор. А почему? Потому, что земля не разделена на малые нивки, потому, что нивы большие, работа производится сообща, молотят на одном овине, сено кладут в одну пуню, скот кормят на одном дворе, живут в одном доме, топят одну печку, едят из одной чашки. При хорошем хозяине, у которого бабы в струне ходят, у которого во всем порядок и есть хозяйственный „загад“, такой двор, состоящий из десяти работников, будет быстро богатеть, скота и лошадей будет много, корму, а следовательно и навозу, будет достаточно, своя земля будет хорошо удобрена и обработана—нивы-то широкие, можно и так, и так пахать— да и на стороне хозяин снимет у подъупавшего барина землицы под лен и хлеб, а то, смотришь, и купит какую-нибудь пустошку или хуторок, из которого потом вырастет деревня.

Такой многосемейный двор, даже и при слабом хозяине, хотя и не будет так богатеть, но все-таки будет жить без нужды; и недоимок не будет, а хлеба достаточно, и в батраки сельские заставляться не станут. А про то, чтобы в „кусочки“ ходить, и говорить нечего. Но вот умер старик. У некоторых братьев сыны стали подрастать—в подпаски заставить можно. У одного брата

нет детей, у других только дочки. Бабы начинают точить мужей: „неволя на чужих детей работать“, „вон Сенька бросил землю, заставился к пану в скотники, 75 руб. на готовых харчах получает, а женку в изобку посадил—ни она жнет, ни пашет, сидит как барыня, да и на себя прядет“ и т. д., и т. д. Сила, соединявшая семейство и удерживавшая его в одном дворе, лопнула. И вот, несмотря на то, что „один в поле не воин“, что „одному и у каши не споро“, что „на миру и смерть красна“, двор начинает делиться. Вместо одного двора является, например, три. Нивы делятся па узенькие нивки, которые и обработать хорошо нельзя, потому что не только пахать, но и боронить нельзя: кружит баба с боронами, кружит, а все толку нет. Каждый работает отдельно на своей нивке. Молотят на трех овинах, да еще хорошо, если разделившись, возьмут силу построить три овина, а то овин остается общий на трех и каждый молотит на нем по-очереди отдельно свой хлеб—ну, как же тут поспеть во-время намолотить на семена и сохранить хлеб чистым. У одного рожь чиста, у другого—он вчера на емены молотил—с костерем. Никто за овином не смотрит, нет к нему хозяина, никто его во-время не ремонтирует. Сено убирают каждый отдельно на своих нивках и, если что выигрывается от того, что каждый работает на себя, а не на двор, то теряется вследствие того, что одному нет возможности урвать в погоду, как может это сделать артель. Кладут сено в три отдельные пуни. Скот кормят на трех отдельных дворах и, для ухода, для носки корма, нужно три человека, тогда как прежде делал это один. На водопой скот гонят три бабы, а прежде гоняла одна. На мельницу молоть едут три хозяина. Печей топятся три, хлеб пекут три хозяйки, едят из трех чашек. Все необходимые во дворе „ложки“ и „плошки“ тому, кто дела не знает, кажутся пустяком, а попробуй-ка, заведись всем; если большое корыто, в котором кормили штук шесть свиней на „богачевом“ дворе, стоит рубль, то три маленьких корыта стоят не рубль, а примерно, хоть два.

Высчитайте все, высчитайте работу, и вы увидите, какая происходит громадная потеря силы, когда из одного двора сделается три, а еще того хуже—пять.

Непременным результатом раздела должна быть бедность. Почти все нажитое идет при разделе на постройку новых изб, новых дворов, амбаров, овинов, пунь, на покупку новых корыт, горшков, чашек, „ложек и плошек“. Разделились „богачи“, и вот один „богачев“ двор обыкновенно превращается в три бедные двора.

Разумеется, бывает, что при разделе дворы остаются зажиточными. Это бывает в тех случаях, когда „богачев" двор был уж очень богат, когда у „старика" было много залежных денег, когда он владел всей деревней, когда, кроме его, „богача", все остальные были голь неприглядная, когда все остальные были у него в долгу. Тогда из разделившегося „богачева" двора образуется три „богачевых" двора, у которых вся остальная деревенская голь состоит в батраках. Но это бывает редко; обыкновенно, разделился „багачев" двор и являются три бедные двора или два бедные и один зажиточный—это того из братьев, который, будучи при „старике" или после смерти старика, пока не разделились, хозяином, сумел что-нибудь припрятать из общих денег, или того, который, будучи любимчиком отца или матери, получил особенно припрятанные деньжонки, или того, который, ходя на заработки в Москву, Петербург, сумел принакопить что-нибудь из заработанных денег, или, наконец, того, жена котораго еще в девках попала как-нибудь на линию: барин какой-нибудь навернулся петербургский, которому сотенная нипочем, инженер, купец пьяненький, старичок помещик. Но как бы там ни было, а разделились, и из одного „богачева" двора делаются три бедные. Все это знают, все это понимают, а между тем все-таки делятся, потому что каждому хочется жить независимо, своим домком, на своей воле, каждой бабе хочется быть „большухой".

Прошло уже семнадцать лет после „Положения", а помещичье хозяйство нисколько не подвинулось; напротив того, с каждым годом оно более и более падает, производительность имений более и более уменьшается, земли все более и более дичают. Ни выкупные свидетельства, ни проведение железных дорог, ни вздорожание лесов, за которые владельцы последнее время выбрали огромные деньги, ни возможность получать из банков деньги под залог имений, ни столь выгодное для земледельцев падение кредитного рубля, ничто не помогло помещичьим хозяйствам стать на ноги. Деньги прошли для хозяйства бесследно. А главное, до сих пор для помещичьих хозяйств нет основ, нет почвы: это, так сказать, флюгарки.

Землевладельцы в своих имениях не живут и сами хозяйством не занимаются, все находятся на службе, денег в хозяйство не дают—что урвал, то и съел—ни в одном хозяйстве нет оборотного капитала. Усадьбы, в которых никто ни живет, разрушились, хозяйственные постройки еле держатся, все лежит в запустении.

За исключением некоторых особенно хороших имений, в которых имеются обширные заливные луга, имений, на которые находятся арендаторы, дающие владельцам самые ничтожные суммы, все другие находятся под управлением приказчиков, старост, разных вошедших на линию людей, презирающих необразованного мужика, людей, жены которых стремятся иметь прислуг, ходить, как барыни, водить детей, как паничат, и учить их мерсикать ножкой. За отсутствием служащих владельцев, эти, ничего в хозяйстве не понимающие услуживающие приказчики, суть настоящие хозяева имений. На них-то и работают затесненные землей мужики.

Большая часть земли пустует под плохим лесом, зарослями, лозняком в виде пустырей, на которых нет ни хлеба, ни травы, ни лесу, а так—растет мерзость всякая. Какие есть покосишки сдаются в части, а земли пахатной обрабатывается столько, сколько можно заставить обработать соседних крестьян за отрезы или за деньги, с правом пользоваться выгонами. Все эти хозяйства, как выражаются мужики, только и держатся на затеснении крестьян. Обработка земли производится крайне дурно, кое-как, лишь бы отделаться: хозяйственного порядка нет, скотоводство в самом плачевном состоянии, скот навозной породы мерзнет в плохих хлевах и кормится впроголодь, урожаи хлеба плохие. Производительность имений самая ничтожная и вовсе не окупает того труда, который употребляется на обработку земли. Доход получается самый ничтожный. Из этого дохода нужно уплатить повинности, истратить кое-что на ремонт построек, уплатить приказчику и другим служащим. За исключением всех этих расходов, владельцу остается ужасно мало, да еще хорошо, если что-нибудь останется, а то большею частью ничего не остается; иногда же на содержание хозяйства идут еще доходы с арендных статей, например с мельницы, а бывает и то, что владелец даже приплачивает из своего жалования, получаемого на службе. В сущности хозяйства эти дают содержание только приказчикам, которые, а в особенности их жены, барствуют в этих имениях, представляя самый ненавистный тип лакеев-паразитов, ушедших от народа, презирающих мужика и его труд, мерсикающих ножкой перед своими господами, которые в свою очередь мерсикают в столицах, не имеющих ни образования, ни занятий, ни даже простого хозяйственного смысла и готовящих своих детей в такие же лакеи-паразиты.

Я положительно недоумеваю, для чего существуют эти хозяйства: мужикам—затеснение, себе—никакой пользы. Не лучше бы

прикрыть всякое хозяйство и отдать землю крестьянам за необидную для них плату. Единственное объяснение, которое можно дать, — то, что владельцы ведут хозяйство только для того, чтобы констатировать право собственности на имение.

Мне, может быть, не поверят. Как же, скажут, в Петербурге, Москве и других городах существуют агрономические общества, которые имеют заседания, прения, обсуждают разные вопросы рациональной агрономии, издают журналы и т. п. Читая эти отчеты о заседаниях, выставках, читая эти ученые статьи, эти ученые описания рационально-агрономически устроенных имений, нельзя, казалось бы, усомниться, что помещичье хозяйство сильно двинулось вперед и развивается с каждым годом.

Но если вы, подготовленный этою агрономическою литературою, поедете в провинцию и, минуя города, где для вас, если вы имеете известность агронома, устроят и заседания, и прения, на которых будут толковать о клеверах, виках и т. п., если, минуя города, вы отправитесь в действительные хозяйства и будете смотреть их не из вагона, то вы будете поражены. Ни плугов, ни скорификаторов, ни альгаузских скотов, ни тучных пажитей и полей, а, главное,—никакого дохода. Пустыри, пустыри и пустыри, а если где и увидите болтающих господскую землю крестьян, затесненных недостатком земли, то что же в этом толку? Даже и в более или менее благоустроенных имениях, даже и в них, если нет посторонних доходов, все держится только на необыкновенной, ненормальной дешевизне труда.

А и земля хороша, может отлично вознаграждать труд. Основ нет, почвы под ногами у хозяев нет. Вот почему я и говорю, что у этих хозяйств нет будущности.

Не верите тому, что я говорю о наших хозяйствах, послушайте, что пишет (№ 1 газеты „Скотоводство“) один агроном, В. Е. Постников, осматривавший хозяйства нашей губернии: „таких хозяев (помещиков), которые бы получали удовлетворительный доход от своих имений, собственным ведением дела, здесь немного: они на перечет. Большинство перебивается арендными статьями с имений, оброками с крестьян, службой, наконец, продает леса и проживает оставшиеся капиталы“. Вот что говорит свежий сторонний человек, осматривавший наши хозяйства не из окна вагона.

Да, действительность всюду окажется не тою, какою можно ее себе представить, читая отчеты наших агрономических обществ, состоящих из культурных чиновников. Всюду ложь, фальшь — бес-

сознательная, конечно,—такая же фальшь, как интерес каких-нибудь сибирских инородцев к классическому образованию. Кто же заседает в этих ученых обществах? — Культурные чиновники, которые никаким хозяйством не занимаются и настоящего положения вещей не знают. Кто пишет отчеты, статьи? Кто преет? — Опять те же чиновники. А если попадет в столице в „собрание хозяев“ какой-нибудь „Прокоп“ из провинции, который знает действительное положение дел, так и тот, по пословице „с волками жить, по-волчьи выть“, начинает вторить, — мастера мы на это удивительные, именно мастера вторить, — втягивается в общую ложь и врет, врет, врет; и плуги-то у нас гогенгеймские, и скоты симентальские, и вику-то мы сеем, и табак-то мы разводим, и соревнуя о народном образовании, „хозяйственные беседы“ для народа на земский счет издаем. Чудеса разведет.

Если кто-нибудь, незнакомый с мужиком и деревней, вдруг будет перенесен из Петербурга в избу крестьянина „Счастливого уголка“, и не то, чтобы в избу средственного крестьянина, а даже в избу „богача“, то он будет поражен всей обстановкой и придет в ужас от бедственного положения этого „богача“. Темная, с закоптелыми стенами (потому что светится лучиной) изба. Тяжелый воздух, потому что печь закрыта рано и в ней стоит варево: серые щи с салом и крупник, либо картошка. Под нарами у печки—теленок, ягнята, поросенок, от которых идет дух. Дети в грязных рубашонках, босиком, без штанов, смрадная люлька на зыбке, полное отсутствие какого-либо комфорта, характеризующего даже самого беднейшего интеллигентного человека. Все это поразит незнакомого с деревней человека, особенно петербуржца, но не мало удивит его и то, когда он, зайдя в избу, чтобы нанять лошадей до ближайшего полустанка, отстоящего всего на шесть верст, услышит от мужика: „Не, не поеду, вишь, какая ростопель, мокреть на дороге, поспрошай в другом дворе, може кто и поедет, а я не поеду“.

Бедная обстановка мужицкой избы и это нежелание ехать в дурную погоду за шесть верст обыкновенно очень удивляют людей, не знающих деревни. Судить по обстановке о положении и состоятельности земельного мужика, даже купца, живущего по-русски, торгующего русским товаром, никак нельзя, в особенности, если брать мерилом ту обстановку, в какой живут интелли-

гентные люди. Конечно, и по обстановке можно судить о зажиточности мужика, но только по обстановке хозяйственной или, лучше сказать, по обстановке в смысле тех орудий, которые служат для ведения дела и для расширения его. Как о зажиточности мужика-кулака, занимающегося ростовщичеством, можно судить по количеству денег, какое он пускает в оборот, так о зажиточности земельного крестьянина, занимающегося землей, хозяйством, можно судить по количеству и качеству имеющихся у него лошадей и скота, по количеству имеющегося в запасе хлеба, по исправности сбруи, орудий. Но главное, самое верное средство для определения положения земельных крестьян известной местности, это — знать, насколько крестьяне обязываются чужими работами, например на помещика, в летнее время, самое важное для хозяйства. Чтобы правильно судить о положении мужика, о его благосостоянии, о достаточности или недостаточности его надела, больше всего необходимо обращать внимание на время, в какое мужик нанимается на чужую работу. Благосостояние мужика — в земле, в хозяйстве, и, если он должен продавать свою летнюю работу в ущерб своему хозяйству, то это—дурной признак. Человек из интеллигентного класса, не понимающий хозяйства, может часто судить о деле совершенно ошибочно, не принимая в расчет значения времени в хозяйстве: в иную пору мужик нанимается на чужую работу за рубль в день только из бедности, в другую пору и богатый охотно работает за полтинник в день. Это нужно понимать и этого очень часто не понимают. От этого и происходит, что летняя работа, которую может дать помещик, ведущий свое хозяйство, мужику-хозяину невыгодна, а зимняя работа, которую дает лесоторговец мужику, напротив, выгодна. Только человек непонимающий дела или недобросовестный может упрекать мужиков в лености, нерадении, если они не идут к помещику косить, например, за 75 коп. в день; только человек, не понимающий дела, может думать, что он—благодетель крестьян, что он их кормит, дает им заработки, если он их нанимает на летние страдные работы.

Если я говорю, что благосостояние крестьян „Счастливого уголка“ за последние десять лет улучшилось, то потому именно, что вижу уменьшение для них необходимости обязываться на летние работы у помещиков.

В наших местах крестьянин считается богатым, когда у него хватает своего хлеба до „нови“. Такой крестьянин уже не ну-

ждается в запродаже своего летнего труда помещику, может все лето работать на себя, а следовательно, будет богатеть, и скоро у него станет хватать хлеба не только до „нови“, но и за „новь“. И тогда он не только не будет запродавать свою летнюю работу, но еще будет покупать работу мужика бедного, каких не в дальнем расстоянии от „Счастливого уголка“ множество. Если у крестьянина хватает своего хлеба до „нови“ и ему не нужно прикупать, то он обеспечен, потому что подати выплатит продажею пеньки, льна, льняного и конопляного семени, лишней скотины и зимним заработком; если же к тому есть еще возможность заарендовать земли у помещика для посева льна или хлеба, то крестьянин богатеет быстро.

Затем, степень зажиточности уже определяется тем временем, когда крестьянин начинает покупать хлеб: до рождества, до масляной, после святой, только перед „новью“. Чем позднее он начинает покупать хлеб, тем зажиточность его выше, тем скорее он может обойтись теми деньгами, которые заработает на стороне зимою, осенью, весною, тем менее он обязывается летними работами у помещика. Чем ранее мужик приест свой хлеб, чем ранее он вычхается, по выражению старост и прикащиков, тем легче его закабалить на летнюю страдную работу, тем легче надеть ему на шею хомут, ввести его в оглобли.

(Энгельгардт. — Письма из деревни.)

Б. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО С 60-х ГОДОВ XIX ВЕКА ДО 1905 ГОДА.

44. Сельскохозяйственный рынок.

1. Вывоз хлеба из России.

Годы.	В среднем в год.
1861—1870	110.200.000 пудов.
1871—1880	243.200.000 „
1881—1890	360.000.000 „
1891—1900	442.660.000 „
1901—1905	608.930.000 „

2. Цены на русскую пшеницу.

Годы.	Цена 1 пуда пшеницы.
1871—1875	144 коп.
1876—1880	124 „
1881—1885	118 „
1886—1890	100 „

Годы.	Цена 1 пуда пшеницы.
1891—1895	81 „
1896—1900	82 „
1900—1905	104 „

3. Влияние железных дорог. а) Рост железнодорожной сети.

Годы.	Длина жел. дорог, вновь построенных.
До 1860	1.488 верст
1861—1865	2.055 „
1866—1870	6.659 „
1871—1875	7.424 „
1876—1880	4.529 „
1881—1885	3.074 „
1885—1890	3.864 „
1891—1895	6.643 „
1896—1900	6.532 „
1901—1905	7.978 „

б) Перевозка хлеба по железным дорогам.

Годы.	На внешний рынок в среднем в год.	На внутр. рынок в среднем в год.
1876—1880	161,2 милл. пуд.	120,5 милл. пуд.
1898—1902	249,2 „ „	264,0 „ „

45. Землевладение в 50-ти губерниях Европейской России.

1. Общие данные о распределении земельной площади.

Годы.	Частная земельная собственность, в десят.	Крестьянские надельные земли, в десят.	Земли государственные и удельные, в десят.	Земли учреждений (церкви, городов и пр.), в дес.
1877 ..... (49 губерний).	93.982.066	116.720.996	157.823.219[1])	8.493.880
1905 ..... (50 губерний).	101.735.343	138.767.587	145.929.183[2])	8.760.330

[1]) В том числе удельных, т.-е. таких, доходы с которых шли на содержание императорской фамилии, 7.413.242 дес.

[2]) В том числе удельных 7.843.015 дес.

2. Распределение личной[1]) земельной собственности по размерам владения.

Годы.	До 50 дес.		От 51 до 100 дес.		От 101 до 1000 д.		Свыше 1000 дес.	
	Число владений или владельцев[2]).	Площадь под ними, в дес.	Число владений или владельцев[2])	Площадь в дес.	Число владений или владельцев[2])	Площадь в дес.	Число владений или владельцев[2])	Площадь в дес.
1877	—	—	—	—	—	—	—	—
1905	617.803	6.517.557	44.877	3.339.858	75.170	23.912.883	13.851	52.175.075

3. Мобилизация частной (личной и коллективной вместе) земельной собственности между сословиями.

Годы.	Площадь дворянского землевладения, в дес.	Площадь, приобретенная крестьянами из двор. земли, в дес.	Площадь приобретенн. городск. буржуазией из дворянск. земель, в дес.
1861	80.019.789	—	4.973.000
1861—1876	—	1.970.000	—
1877	73.076.789	—	—
1877—1904	—	13.767.312	—
1905	53.169.008	—	6.200.469

---

[1]) Здесь речь идет не о всей частной собственности на землю, а только о личной; была еще коллективная собственность обществ и товариществ.

[2]) В 1877 г. вычислены владения, в 1905 г. владельцы.

4. Задолженность частного землевладения в Европейской России; на Кавказе и в Сибири.

Годы.	Площадь заложенной земли, в дес.	Отношение ее к общей площади частн. землевлад.	Оценка заложенной земли в рублях.	Сумма выданной ссуды.
1893	36.160.971	?	1.745.932.988	991.479.489
1900	54.534.448	45 %	2.080.238.000	1.655.917.369
1904	59.451.162	49 %	2.836.943.536	2.213.535.171

5. Крестьянская надельная земля (кроме казачьих земель).

Годы.	Общая площадь, в дес.	Число дворов.	Площадь общинного владения, в дес.	Площадь подворного владения, в дес.
1877	116.720.996	8.903.106	94.391.402	22.329.594
1905	124.078.089	12.019.255	100.999.564	23.078.525

46. Техника земледелия с 1861 по 1905 год.

1. Средний годичный чистый[1]) сбор хлебов по 50-ти губерниям Европейской России.

Годы.	Средний годичный сбор.
1870—1880	1.523.315 пудов.
1881—1890	1.777.000 „
1891—1900	2.171.828 „
1901—1905	2.893.394 „

[1]) Чистым сбором называется валовой сбор за вычетом семян.

2. Распределение земледельческих угодий в 50-ти губерниях Европейской России.

Годы.	Посевная площадь.	Пар и залежь.
1881	64.664.000 дес.	42.002.000 дес.
1901	74.099.000 „	41.000.000 „

3. Распределение посевной площади между отдельными видами хлебов.

Годы.	Зерновые хлеба, в дес.	Стручковые (горох, бобы, чечевица) в дес.	Картофель, в дес.	Сахарная свекловица, в дес.	Кормовые травы, в дес.	Лен и конопля, в дес.
1881 . .	58.072.000	955.000	1.365.000	206.000	541.000	1.883.000
1901 . .	66.597.000	1.256.000	2.611.000	443.000	1.086.000	2.070.000

47. Формы сельско-хозяйственного производства.

Время.	Число губерний с преобладанием крепостнического хозяйства.	Число губерний с преобладанием капиталистического хозяйства.	Число губерний с одинаковым распространением креп. и капит. хозяйства.
80-е годы XIX в.	19	17	9

(В. Ильин — Развитие капитализма в России.)

48. Платежные силы (покупательная способность) массы населения.

1. Недоимочность крестьянства по выкупным платежам[1]).

В 1902 году.

Губернии.	Процент годового оклада выкупных платежей.
Рязанская	201 %
Воронежская	214 %

[1]) Т. е. по налогу, взимавшемуся с крестьянства в виде уплаты за землю, оставленную ему при отмене крепостного права.

Губернии.	Процент годового оклада выкупных платежей.
Московская	220 %
Пензенская	223 %
Орловская	260 %
Тульская	274 %
Симбирская	332 %
Самарская	385 %
Нижегородская	420 %
Оренбургская	456 %
Казанская	463 %
Уфимская	507 %.

2. Общая недоимочность крестьянства по казенным податям.

Год.	Процент оклада.
1899	152 %

3. Покупательная способность русского рабочего сравнительно с английским и американским в 80-х годах.

а) Месячный заработок в рублях.

Россия	11 р.	89 к.	—
Англия	26 „	64 „	+ 124,0 %
Соединенные Штаты Америки	56 „	97 „	+ 379,1 %.

б) Цены на 12 предметов первой необходимости[1]).

Россия	2 р.	95 к.	—
Англия	3 „	91 „	+ 32,5 %
Соединенные Штаты Америки	3 „	56 „	+ 20,7 %.

(Дементьев—Фабрика, что она дает населению и что она у него берет.)

---

49. Земско-статистические данные о крестьянских бюджетах.

Чтобы покончить с вопросом о разложении крестьянства, рассмотрим вопрос еще с другой стороны, — по наиболее конкретным

---

[1]) Муку, говядину, солонину, свинину, масло, сало, сахар, мыло, керосин—по 1 фунту, ведро молока, десяток яиц и мера картофеля.

данным о крестьянских бюджетах. Мы увидим, таким образом, наглядно всю глубину различия между теми типами крестьянства, о которых у нас идет речь.

В приложении к „Сборнику оценочных сведений по крестьянскому землевладению в Землянском, Задонском, Коротоякском и Нижнедевицком уездах“ (Воронеж, 1889) даны „статистические данные о составе и бюджетах типических хозяйств“, отличающиеся чрезвычайной полнотой.

Для иллюстрации сопоставим распределение дворов по рабочему скоту по бюджетным и по остальным данным:

	Число бюджетов.	%		4 уезда Воронежск. губ.	9 уездов Воронежск. губ.	112 уездов 21 губ.	49 губ. Европ. России.
Без рабочего скота	12	18,18		17,9	21,7	24,7	27,3
С 1 штукой „	18	27,27		34,7	31,9	28,6	28,6
„ 2 „ „	17	25,76		28,6	23,8	26,0	22,1
„ 3 „ „	9	13,64	28,79	18,8	22,6	20,7	22,0
„ 4 „ „	5	7,575					
„ 5 и более „	5	7,575					
Всего	66	100		100	100	100	100

Ясно отсюда, что пользоваться бюджетными данными можно лишь посредством вывода средних для каждой отдельной группы крестьянства. Такой обработке мы и подвергли названные данные. Излагаем их по трем рубрикам: общие результаты бюджетов; характеристика земледельческого хозяйства и характеристика жизненного уровня.

Общие данные о величине расходов и доходов таковы:

Число душ об. п. на 1 семью.	Приходится на 1 хозяйство (в рублях):							
	Валовой.		Чистый доход.	Денежный.		Баланс.	Сколько должен рублей.	Недоимка.
	Доход.	Расход.		Доход.	Расход.			
а) 4,08	118,10	109,08	9,02	64,57	62,29	+ 2,28	5,83	16,58
б) 4,94	178,12	174,26	3,86	73,75	80,99	— 7,24	11,16	8,97
в) 8,23	429,72	379,17	50,55	196,72	165,22	+ 31,50	13,73	5,93
г) 13,00	753,19	632,36	120,83	318,85	262,23	+ 56,62	13,67	2,22
д) 14,20	978,66	937,30	41,36	398,48	439,86	— 41,38	42,00	—
е) 16,00	1.766,79	1.593,77	173,02	1.047,26	959,20	+ 88,06	210,00	6
8,27	491,44	443,00	48,44	235,53	217,70	+ 17,83	28,60	7,74

Таким образом, разница в размерах бюджетов по группам оказывается громадная: если даже оставить в стороне крайние группы, все же бюджет у (д) более, чем впятеро выше, чем у (б), тогда как состав семьи у (д) менее, чем втрое больше, чем у (б).

Посмотрим на распределение расходов:

	Средний размер расходов на 1 хозяйство:								ВСЕГО.	
	На пищу.		На остальное личное потребление.		На хозяйство.		Подати и повинности.			
	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
а)	60,98	55,89	17,51	16,05	15,12	13,87	15,47	14,19	109,08	100
б)	80,98	46‘47	17,19	9,87	58,32	33,46	17,77	10,20	174,26	100
в)	181,11	47,77	44,62	11,77	121,42	32,02	32,02	8,44	379,17	100
г)	283,65	44,86	76,77	12,14	222,39	35,17	49,55	7,83	632,36	100
д)	373,81	39,88	147,83	15,77	347,76	37,12	67,90	7,23	937‘30	100
е)	447,83	28,10	82,76	5,19	976,84	61,29	86,34	5,42	1.593,77	100
	180,75	40,80	47,30	10,68	180,60	40,77	34,35	7,75	443,00	100

Достаточно взглянуть на долю расходов на хозяйство в общей сумме расходов каждой группы, чтобы видеть, что перед нами фигурируют здесь и пролетарии, и хозяева: у (а) — расход на хозяйство лишь 14% всего расхода, а у (е) — 61%. О различиях в абсолютной величине расходов на хозяйство нечего и говорить. Не только у безлошадного, но и у однолошадного крестьянина этот расход ничтожен, и однолошадный „хозяин" стоит гораздо ближе к обычному (в капиталистических странах) типу батраков и поденщиков с наделом. Отметим также весьма значительные различия в проценте расходов на пищу — у (а) почти вдвое больше, чем у (е): как известно, высота этого процента свидетельствует о низком жизненном уровне и составляет наиболее резкое отличие бюджетов хозяина и рабочего.

Возьмем теперь состав доходов:

	Средний доход на 1 хозяйство.			Всего.	Состав дохода от „промыслов":			
	От земледелия.	От „промыслов".	Остатки от прежних лет.		„От личных промыслов".	„От извоза".	„От промышленн. завед. и предпр.".	„Разных доходов".
а)	57,11	59,04	1,95	118,10	36,75	—	—	22,29
б)	127,69	49,22	1,21	178,12	35,08	6,00	2,08	6,06
в)	287,40	108,20	34,11	429,72	64,59	17,65	14,41	11,56
г)	496,52	146,67	110,00	753,19	48,77	22,22	48,88	26,80
д)	698,06	247,67	33,00	978,66	112,00	100,00	35,00	0,60
е)	698,39	975,20	93,20	1.766,79	146,00	34,00	754,40	40,80
	292,74	164,67	34,03	491,44	59,09	19,36	70,75	15,47

Итак, доход от „промыслов" превышает валовой доход от земледелия в двух крайних группах: у пролетария безлошадного и у сельского предпринимателя. „Личные промыслы" низших групп крестьян состоят, разумеется, главным образом из работы по найму, а в числе „разных доходов" крупную статью составляет доход от сдачи земли. В общее число „хозяев-земледельцев" попадают даже такие, у которых доход от сдачи земли

немногим меньше, а иногда и больше валового дохода от земледелия: например, у одного безлошадного валовой доход от земледелия — 61,9 руб., а от сдачи земли — 40 руб.; у другого — от земледелия — 31,9 руб., а от сдачи земли — 40 руб. Не надо забывать притом, что доход от сдачи земли или от батрачества идет целиком на личные нужды „крестьянина“, а из валового дохода от земледелия надо вычесть расход на земледельческое хозяйство. Произведя такое вычитание, получим у безлошадного чистый доход от земледелия — 41,99 руб., а от „промыслов“ — 59,04 руб., у однолошадного — 69,37 и 49,22 руб. Уже одно сопоставление этих цифр показывает, что мы имеем перед собою типы сельскохозяйственных рабочих с наделом, покрывающим часть расходов на содержание (и понижающим благодаря этому заработную плату). Смешивать подобные типы с хозяевами (земледельцами и промышленниками) значит нарушать вопиющим образом все требования научного исследования.

На другом полюсе деревни мы видим именно таких хозяев, которые соединяют с самостоятельным земледельческим хозяйством торговопромышленные операции, приносящие значительный (при данном жизненном уровне) доход, достигающий нескольких сот рублей. Полная неопределенность рубрики „личные промыслы“ скрывает от нас различия низших и высших групп в этом отношении, но уже самые размеры доходов от этих „личных промыслов“ показывают глубину этого различия (напомним, что в разряд „личных промыслов“ воронежской статистики могут войти и нищенство, и батрачество, и служба в должности приказчика, управляющего и пр., и пр.).

По размерам чистого дохода опять-таки резко выделяются безлошадные и однолашадные, имеющие самые жалкие „остатки“ (1 — 2 рубля) и даже дефициты в денежном балансе. Рессурсы этих крестьян не выше, если не ниже рессурсов наемных рабочих. Только начиная с двухлошадных крестьян, видим мы хоть коекакие чистые доходы и остатки в несколько десятков рублей (без которых не может быть и речи о мало-мальски правильном ведении хозяйства). У зажиточного крестьянства размер чистых доходов достигает такой суммы (120 — 170 р.), которая резко выделяет его из общего уровня русского рабочего класса. Понятно, что соединение в одно целое рабочих и хозяев и вывод „среднего“ бюджета дает картину „умеренного довольства“ и „умеренного“ чистого дохода: 491 руб. дохода, 443 руб. расхода, 48 руб. избытка,

в том числе 18 руб. деньгами. Но подобная средняя совершенно фиктивна. Она только прикрывает полную нищету массы низшего крестьянства—а) и б), т.-е. 30 бюджетов из 66—которое при ничтожном размере дохода (120—180 р. на семью валового дохода) не в состоянии сводить концы с концами и существует главным образом батрачеством и поденщиной.

Точный учет денежных и натуральных доходов и расходов дает нам возможность определить отношение крестьянского разложения к рынку, для которого важен только денежный доход и расход. Доля денежной части бюджета в общем бюджете оказывается по группам следующей:

Процент денежной части

	расхода	дохода
	к валовому расходу	и доходу:
а)	57,10	54,6
б)	46,47	41,4
в)	43,57	45,7
г)	41,47	42,3
д)	45,48	40,8
е)	60,18	59,2
	49,14	47,5.

Мы видим, следовательно, что процент денежного дохода и расхода (особенно правильно—расхода) увеличивается от средних групп к крайним. Наиболее резко выраженный торговый характер носит хозяйство безлошадного и многолошадного хозяина, а это значит, что оба живут, главным образом, продажей товара, только у одного таким товаром является его рабочая сила, а у другого—продукт, произведенный на продажу с значительным (как увидим) употреблением наемного труда, т.-е. продукт, принимающий форму капитала. Другими словами, и эти бюджеты показывают нам, что разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма, превращая, с одной стороны, крестьянина в батрака, а, с другой,—в мелкого товаропроизводителя, в мелкого буржуа.

Другой не менее важный вывод из этих данных — тот, что во всех группах крестьянства, хозяйство в весьма значительной степени стало уже торговым, попало в зависимость от рынка: менее 40% нигде не опускается денежная часть дохода или расхода. А этот процент следует

признать высоким, ибо речь идет о валовом доходе мелких земледельцев, в котором считано даже содержание скота, т.-е. считана солома, мякина и т. п. Очевидно, что даже крестьянство средней черноземной полосы (где денежное хозяйство в общем развито слабее, чем в промышленной полосе или в степных окраинах) не может абсолютно существовать без купли-продажи, находится уже в полной зависимости от рынка, от власти денег.

(Владимир Ильин — Развитие капитализма в России.)

---

50. Расслоение крестьянства.

I. Земско-статистические данные о Самарской губернии.

От южной окраины перейдем к восточной, к Самарской губернии. Берем Новоузенский уезд, последний по времени обследования; в сборнике по этому уезду дана наиболее подробная группировка крестьян по хозяйственному признаку. Вот общие данные о группах крестьянства (дальнейшие сведения относятся к 28.276 дворам надельного населения, с 164.146 душами обоего пола, т.-е. к одному русскому населению уезда, без немцев и без „хуторян“ — домохозяев, ведущих хозяйство и в общине, и на хуторах. Прибавление немцев и хуторян значительно усилило бы картину разложения).

Группы домохозяев.	% ко всему числу дворов.		Средний размер посева на 1 двор дес.	% посевной площади к итогу.	
Без раб. скота	20,7	37,1%	2,1	2,8	8,0%
Бедная с 1 штукой	16,4		5,0	5,2	
„ „ 2—3 шт.	26,6	38,2%	10,2	17,1	28,6%
Средняя „ 4 шт.	11,6		15,9	11,5	
„ „ 5—10 шт.	17,1	24,7%	24,7	26,9	63,4%
Богатая „ 10—20 шт. . . .	5,8		53,0	19,3	
„ „ 20 и более . . .	1,8		149,5	17,2	
ВСЕГО. .	100		15,9	100	

Концентрация земледельческого производства оказывается очень значительной: „общинные“ капиталисты ($^1/_{14}$ всего числа дворов, именно дворы с 10 и более штуками рабочего скота) имеют 36,5% всего посева — столько же, сколько и 75,3% всего бедного и среднего крестьянства, вместе взятого. „Средняя“ цифра (15,9 дес. посева на 1 двор) является и здесь, как всегда, совершенно фиктивной, создавая иллюзию общего довольства. Посмотрим на другие данные о хозяйстве разных групп:

Группы домохозяев.	% хозяев, обрабатывающих весь надел собственным инвентарем.	% хозяев, имеющих усовершенствованные орудия.	Количество всего скота (в переводе на крупный) на двор голов.	% к итогу всего количества скота.	
Без раб. скота	2,1	0,03	0,5	1,5	6,4%
С 1 штукой	35,4	0,1	1,9	4,9	
„ 2—3 шт.	60,5	4,5	4,0	16,8	28,6%
„ 4 шт.	74,7	19,0	6,6	11,8	
„ 5—10 шт.	82,4	40,3	10,9	29,2	65,0%
„ 10—20 шт.	90,3	41,6	22,7	20,4	
„ 20 и более	84,1	62,1	55,5	15,4	
ВСЕГО. . .	52,0	13,9	6,4	100	

Итак, в низшей группе самостоятельных хозяев очень немного; усовершенствованные орудия бедноте не достаются вовсе, а среднему крестьянству достаются в ничтожном количестве. Концентрация скота еще сильнее, чем концентрация посевов; очевидно, что зажиточное крестьянство соединяет с крупными капиталистическими посевами капиталистическое скотоводство. На противоположном полюсе мы видим „крестьян“, которых следует отнести к батракам и поденщикам с наделом, ибо главным источником

средств к жизни является у них продажа рабочей силы (как сейчас увидим), а по одной, по две штуке скота дают иногда и земледельцы своим батракам, чтобы привязать их к своему хозяйству и произвести понижение заработной платы.

Само собой разумеется, что группы крестьян различаются не только по размеру хозяйства, но и по способу его ведения: во-1-х, в высшей группе очень значительная доля хозяев (40—60%) снабжена усовершенствованными орудиями (главным образом плуги, затем конные и паровые молотилки, веялки, жнейки и пр.). В руках 24,7% дворов высшей группы сосредоточено 82,9% всех усовершенствованных орудий; у 38,2% дворов средней группы—17,0% усовершенствованных орудий; у 37,1% бедноты—0,1% (7 орудий из 5.724). Во-2-х, у малолошадных крестьян в силу необходимости оказывается, сравнительно с многолошадными, „иная система хозяйства, иной строй всей хозяйственной деятельности“, как говорит составитель сборника по Новоузенскому уезду. Состоятельные крестьяне „дают земле отдыхать . . . пашут с осени плугами . . . весной перепахивают и под борону сеют . . . вспаханную залежь укатывают катками, когда проветрит земля . . . под рожь двоят“, тогда как малосостоятельные „не дают земле отдыха и из года в год сеют на ней русскую пшеницу . . . под пшеницу пашут весной однажды . . . под рожь не парят и не пашут, а сеют наволоком . . . под пшеницу пашут поздней весной, отчего хлеб часто не всходит . . . под рожь пашут однажды, а то наволоком и не во время . . . пашут зря одну и ту же землю ежегодно, не давая отдыха“. „И т. д. и т. д. без конца“ — заключает составитель этого списка. „Констатированные факты радикального различия хозяйственных систем у больше- и мало-состоятельных имеют своим последствием зерно плохого качества и плохие урожаи у одних, сравнительно лучшие урожаи у других“.

Но как могла создаться такая крупная буржуазия в земледельческом общинном хозяйстве? Ответ дают цифры землевладения и землепользования по группам. Всего у крестьян взятого нами подразделения имеется 57.128 дес. купчей земли (у 76 дворов) и 304.514 дес. арендованной земли, в том числе 177.789 дес. вненадельной аренды у 5.602 дворов; 47.494 дес. арендованной надельной земли в других обществах у 3.129 дворов и 79.231 дес. арендованной надельной земли в своем обществе у 7.092 дворов. Распределение этой громадной площади, составляющей более $^2/_3$ всей посевной площади крестьян, таково:

Группы домохозяев.	% дворов, имеющих купчую землю.	На 1 двор дес.	% всей купчей земли.	Аренда вненадельной земли.		Аренда надельной земли.				% к итогу всей арендованной земли.	% дворов бесхозяйственных, сдающих землю.
						В других обществах.		В своем обществе.			
				% дворов арендующих.	На 1 двор дес.	% дворов.	На 1 дв. дес.	% дворов.	На 1 двор дес.		
Без рабочего скота	0,02	100	0,2	2,4	1,7	1,4	5,9	5	3	0,6	47,0
С 1 шт. „	—	—	—	10,5	2,5	4,3	6,2	12	4	1,6	13,0
„ 2—3 „ „	0,02	93	0,5	19,8	3,8	9,4	5,6	21	5	5,8	2,0
„ 4 „ „	0,07	29	0,1	27,9	6,6	15,8	6,9	34	6	5,4	0,8
„ 5—10 „ „	0,1	101	0,9	30,4	14,0	19,7	11,6	44	9	16,9	0,4
„ 10—20 „ „	1,4	151	6,0	45,8	54,0	29,6	29,4	58	21	24,3	0,2
„ 20 и более „	8,2	1254	92,3	65,8	342	36,1	67,4	58	74	45,4	0,1
Всего	0,3	751	100	19,8	31,7	11,0	15,1	25	11	100	12

Мы видим здесь громадную концентрацию купчей и арендованной земли. Более $^9/_{10}$ всей купчей земли — в руках 1,8% дворов, наиболее крупных богачей. Из всей арендованной земли 69,7% сосредоточено в руках крестьян-капиталистов, и 86,6% в руках высшей группы крестьянства. Сопоставления данных об аренде и о сдаче надельной земли ясно показывают переход земли в руки крестьянской буржуазии. Превращение земли в товар ведет и здесь к удешевлению оптовой закупки земли (а следовательно и к барышничеству землей). Определяя цену одной десятины арендуемой вненадельной земли, получаем такие цифры от низшей группы к высшей: 3,94; 3,20; 2,90; 2,57; 2,08; 1,78 руб.

Выяснив разнородные элементы в крестьянстве, мы можем уже легко разобраться в вопросе о внутреннем рынке. Если зажиточное крестьянство держит в своих руках около $^2/_3$ всего земледельческого производства, то ясно, что оно должно давать еще несравненно большую долю поступающего в продажу хлеба. Оно производит хлеб на продажу, тогда как несостоятельное крестьянство должно прикупать себе хлеб, продавая свою рабочую силу. Вот данные об этом:

Группы домохозяев.	% домохозяев держащ. наемн. работников.	% работн. мужч. и занятых землед. промыслами.
Без рабочего скота . . .	0,7	71,4
С 1 шт. „ . . .	0,6	48,7
„ 2—3 „ „ . . .	1,3	20,4
„ 4 „ „ . . .	4,8	8,5
„ 5—10 „ „ . . .	20,3	5,0
„ 10—20 „ „ . . .	62,0	3,9
„ 20 и более „ . . .	90,1	2,0
Всего . . .	9,0	25,0

Совершенно аналогичными оказываются отношения между группами крестьян и по Николаевскому уезду. Так, например, 7,4% дворов богачей (с 10 и более шт. рабочего скота), имея 13,7% населения, сосредоточивают 27,6% всего скота и 42,6% аренды, тогда как 29% дворов бедноты (безлошадных и однолошадных), при 19,7% населения, имеют лишь 7,2% скота и 3% аренды. К сожалению, таблицы по Николаевскому уезду, повторяем, чересчур кратки. Чтобы покончить с Самарской губернией, приводим следующую в высшей степени поучительную характеристику положения крестьянства из „Сводного Сборника“ по Самарской губернии:

„Естественный прирост населения, усиливаемый еще иммиграцией малоземельных крестьян из западных губерний, в связи с появлением на поприще сельскохозяйственного производства спекуляторов—торговцев землей с целью наживы, с каждым годом все усложняли формы найма земли, повышали ее ценность, сделали землю товаром, так скоро и сильно обогатившим одних и разоривших много других. Как на иллюстрацию к последнему, укажем на размеры запашек некоторых южных купеческих и крестьянских хозяйств, в которых запашки в 3 — 6 тысяч десятин—не редкость, а некоторые практикуют посевы и до 8 — 10 — 15 тысяч десятин, при аренде нескольких десятков тысяч казенной земли.

Земледельческий (сельский) пролетариат в Самарской губернии в значительной степени обязан своим существованием и ростом последнему времени с его возрастающим производством зерна на продажу, повышением арендных цен, с распашкой целинных и выгонных земель, расчисткой леса и т. п. явлениями. Безземельных дворов по всей губернии насчитывается всего 21.624, тогда как бесхозяйных 33,772 (из числа надельных), а безлошадных и однолошадных вместе 110.604 семьи с 600 тыс. душами обоего пола, считая по 5 душ с дробью на семью. Мы осмеливаемся считать и их за пролетариат, хотя они юридически и располагают тою или другой долей из общинного участка земли; фактически, это — поденщики, пахари, пастухи, жнецы и т. п. рабочие в крупных хозяйствах, засевающие на своей надельной земле $^1/_2$—1 дес. для прокормления остающейся дома семьи“.

Итак, исследователи признают пролетариатом не только безлошадных, но и однолошадных крестьян. Отмечаем этот важный вывод, вполне согласный с выводом Постникова (с данными

групповых таблиц) и указывающий настоящее общественно-хозяйственное значение низшей группы крестьянства.

II. Земско-статистические данные по Саратовской губернии.

Переходим теперь к средней черноземной полосе, к губернии Саратовской. Берем Камышинский уезд — единственный, по которому дана достаточно полная группировка крестьян по рабочему скоту.

Вот данные о всем уезде (40.157 дворов, 263.135 душ обоего пола. Десятин посева: 435.945, т.-е. по 10,8 десятин на „средний" двор):

Группы домохозяев.	% дворов.		% населения об. п.	Средний размер посева, десят.	% всей посевной площ.		% дворов без посева.	Всего скота в перев. на крупный на 1 двор.	% ко всему количеству скота	
Без раб. скота . . .	26,4	46,7	17,6	1,1	2,8	12,3	72,3	0,6	2,9	11,8
С 1 шт. „ . . .	20,3		15,9	5,0	9,5		13,1	2,3	8,9	
„ 2 „ „ . . .	14,6	32,2	13,8	8,8	11,8	34,4	4,9	4,1	11,1	32,1
„ 3 „ „ . . .	9,3		10,3	12,1	10,5		1,5	5,7	9,8	
„ 4 „ „ . . .	8,3		10,4	15,8	12,1		0,6	7,4	11,2	
„ 5 и более . . .	21,1	21,1	32,0	27,6	53,3	53,3	0,2	14,6	56,1	56,1
Всего . .	100		100	10,8	100		22,7	5,2	100	

Таким образом мы видим здесь опять концентрацию посевов в руках крупных посевщиков: зажиточное крестьянство, составляющее лишь пятую часть дворов (и около трети населения), держит в своих руках более половины всего посева (53,3%), при чем размер посева ясно указывает на коммерческий характер его: 27,6 дес. в среднем на двор. У зажиточного крестьянства приходится также значительное количество скота на двор: 14,6 голов (в переводе на крупный, т.-е. считая 10 штук мелкого за одну

крупную), и из всего количества крестьянского скота в уезде почти $^3/_5$ ($56^0/_0$) сосредоточено в руках крестьянской буржуазии. На противоположном полюсе деревни мы видим противоположное явление: полную обделенность низшей группы, сельского пролетариата, который составляет в нашем примере немного менее $^1/_2$ дворов (около $^1/_3$ населения), получая, однако, из общей доли посева лишь $^1/_8$, а из всего количества скота и того меньше ($11,8^0/_0$). Это уже по преимуществу батраки, поденщики и промышленные рабочие с наделом.

Рядом с концентрацией посевов и возрастанием торгового характера земледелия идет превращение его в капиталистическое. Мы видим знакомое уже явление: продажу рабочей силы в низших группах и покупку ее в высших.

Группы домохозяев.	$^0/_0$ хозяев с наемными рабочими м. п.	$^0/_0$ промысловых хозяйств.
Без рабочего скота	1,1	90,9
С 1 гол. „	0,9	70,8
„ 2 „ „	2,9	61,5
„ 3 „ „	7,1	55,0
„ 4 „ „	10,0	58,6
„ 5 и более „	26,3	46,7
Всего . . .	22,7	66,1

Здесь необходимо важное разъяснение. Уже П. Н. Скворцов заметил совершенно справедливо в одной из своих статей, что в земской статистике придается непомерно „широкое“ значение термину „промысел“ (или заработки). В самом деле, к „промыслам“ относят все и всяческие занятия крестьян вне надела; и фабриканты, и рабочие, и владельцы мельниц, бахчей и поденщики, батраки; и скупщики-торговцы и чернорабочие; и лесопромышленники и лесорубы; и подрядчики, и строительные рабочие; и представители свободных профессий, и служащие, и нищие

и т. д.—все это—„промышленники“. Это дикое словоупотребление есть переживание того традиционного—мы в праве даже сказать: официального—воззрения, по которому „надел“ есть „настоящее“, „естественное“ занятие мужика, а все остальные занятия относятся безразлично к „сторонним“ промыслам. При крепостном праве такое словоупотребление имело raison d'être, но теперь это — вопиющий анахронизм. Подобная терминология держится у нас отчасти и потому, что она замечательно гармонирует с фикцией о „среднем“ крестьянстве и прямо исключает возможность изучать разложение крестьянства, особенно в тех местностях, где „сторонние“ занятия крестьян обильны и разнообразны. Напомним, что Камышинский уезд является выдающимся центром сарпиночного промысла. Обработка подворных сведений о крестьянском хозяйстве будет неудовлетворительной, пока „промыслы“ крестьян не будут распределяемы по их экономическим типам, пока среди „промышленников“ не будут отделяться хозяева от наемных рабочих. Это — минимальное количество экономических типов, без разграничения которых экономическая статистика не может быть признана удовлетворительной. Желательна, разумеется, более подробная группировка, например: хозяева с наемными рабочими — хозяева без наемных рабочих — торговцы, скупщики, лавочники и пр. ремесленники в смысле работающих на потребителя промышленников и т. д.

Возвращаясь к нашей табличке, заметим, что мы имели все же известное право отнести „промыслы“ на счет продажи рабочей силы, ибо наемные рабочие преобладают обыкновенно среди крестьянских „промышленников“. Если бы можно было выделить из последних одних наемных рабочих, то мы получили бы, конечно, несравненно меньший процент „промышленников“ в высших группах.

Что касается данных о наемных рабочих, то мы должны отметить здесь полную ошибочность мнения г. Харизоменова, будто „краткосрочный наем (рабочих) на жнитво, покос и поденщину, составляя слишком распространенное явление, не может служить характерным признаком силы и слабости хозяйства“. И теоретические соображения, и пример Западной Европы, и русские данные (о них ниже) заставляют, напротив, видеть в найме поденных рабочих весьма характерный признак сельской буржуазии.

Наконец, относительно аренды данные показывают и здесь тот же захват ее крестьянской буржуазией. Заметим, что в ком-

бинационных таблицах саратовских статистиков не дано число хозяев, арендующих землю и сдающих ее, а только количества арендованной и сданной земли; нам придется поэтому определять величину аренды и сдачи на наличный, а не на арендующий двор.

Группы домохозяев.	Приходится на 1 надельн. дв. дес.			% к итогу земли.						Всего землеп. (надельн. земли+аренда—сдача) %.	
	Надельн. пашни.	Арендованной земли.	Сдан. в аренду земли.	Надельной.		Арендованной.		Сданной в аренду.			
Без раб. скота .	5,4	0,3	3,0	16		1,7		52,8		5,5	
С 1 гол. раб. ск.	6,5	1,6	1,3	14		6		17,6		10,3	
„ 2 „ „ „	8,5	3,5	0,9	13		9,5		8,4		12,3	
„ 3 „ „ „	10,1	5,6	0,8	10	34	9,5	30,1	4,8	17,3	10,4	34,6
„ 4 „ „ „	12,5	7,4	0,7	11		11,1		4,1		11,9	
„ 5 и более „	16,1	16,3	0,9	36		62,2		12,3		49,6	
Всего . .	9,3	5,4	1,5	100		100		100		100	

Таким образом и здесь мы видим, что чем зажиточнее крестьянство, тем больше оно арендует, несмотря на большую обеспеченность его надельной землей. И здесь мы видим, что зажиточное крестьянство оттесняет среднее и что роль надельной земли в крестьянском хозяйстве имеет тенденцию уменьшаться на обоих полюсах деревни.

Сравним теперь Камышинский уезд с другими уездами Саратовской губернии. Отношения между группами крестьян везде однородны, как показывают нижеследующие данные по тем 4-м уездам (Вольскому, Кузнецкому, Балашовскому и Сердобскому), в которых соединено, как мы сказали, среднее и зажиточное крестьянство:

4 уезда Саратовской губернии.

В %% к итогу.

Группы домохозяев.	Дворов.	Населения об. п.	Всего скота.	Надельной земли.	Аренды.	Всего землепользования.	Посева.
Без раб. скота . .	24,4	15,7	3,7	14,7	2,1	8,1	4,4
С 1 гол. „ . .	29,6	25,3	18,5	23,4	13,9	19,8	19,2
„ 2 и более . .	46,0	59,0	77,8	61,9	84,0	72,1	76,4
Всего . .	100	100	100	100	100	100	100

Следовательно, везде мы видим оттеснение бедноты достаточным крестьянством. Но в Камышинском уезде зажиточное крестьянство и численно больше и богаче, чем в других уездах. Так, в 5-ти уездах губернии (включая и Камышинский) дворы распределяются по раб. скоту так: без раб. скота—25,3%, с 1 головой—25,5%, с 2—20%, с 3—10,8% и с 4 и более—18,4%, тогда как по Камышинскому уезду, как мы видели, зажиточная группа больше, но зато несостоятельная несколько меньше. Далее, если мы соединим среднее и зажиточное крестьянство, т.-е. возьмем дворы с 2 и более головами раб. скота, то получим следующие данные по уездам:

Приходится на 1 двор, имеющий 2 и более головы раб. скота:

	Камышинский.	Вольский.	Кузнецкий.	Балашовский.	Сердобский.
Рабоч. скота штук	3,8	2,6	2,6	3,9	2,6
Всего „ „	9,5	5,3	5,7	7,1	5,1
Надельн. земли дес.	12,4	7,9	8	9	8
Арендн. „ „	9,5	6,5	4	7	5,7
Посева „ „	17	11,7	9	13	11

Т.-е. в Камышинском уезде достаточное крестьянство богаче. Этот уезд принадлежит к наиболее многоземельным: 7,1 дес. надела на 1 ревизскую душу муж. пола против 5,4 дес. по губернии. Следовательно, многоземелие „крестьянства" означает лишь большую численность и большее богатство крестьянской буржуазии.

Заканчивая этим обзор данных по Саратовской губернии, мы считаем необходимым остановиться на вопросе о группировке крестьянских дворов. Как вероятно заметил уже читатель, мы отвергаем a limine группировку по наделу и пользуемся исключительно группировкой по хозяйственной состоятельности (по рабочему скоту; по посеву). Необходимо мотивировать такой прием. Группировка по наделу пользуется несравненно большей распространенностью в нашей земской статистике, и в защиту ее приводят обыкновенно два следующие, на первый взгляд, очень убедительные, довода. Говорят, во-1-х, что для изучения быта земледельческого крестьянства естественна и необходима группировка по земле. Такой довод игнорирует существенную особенность русской жизни, именно: несвободный характер надельного землевладения, которое носит, в силу закона, уравнительный характер и мобилизация которого до последней степени стеснена. Весь процесс разложения земледельческого крестьянства в том и состоит, что жизнь обходит эти юридические рамки. Пользуясь группировкой по наделу, мы складываем вместе бедняка, который сдает землю, и богача, который арендует или покупает землю;—бедняка, который забрасывает землю и богача, который „собирает" землю;—бедняка, который ведет самое плохое хозяйство с ничтожным количеством скота, и богача, который имеет много скота, удобряет землю, вводит улучшения и пр. и пр. Мы складываем, другими словами, сельского пролетария с представителями сельской буржуазии. Получаемые от такого сложения „средние" затушевывают разложение и являются потому чисто фиктивными. Описанные нами выше комбинационные таблицы саратовских статистиков дают возможность наглядно показать непригодность группировки по наделу. Возьмем, например, категорию безнадельных крестьян в Камышинском уезде (см. „Свод", стр. 450 и сл., Сборн. по Камыш. у., т. XI, стр. 174 и сл.). Составитель „Свода" характеризуя эту категорию, называет ее посев „весьма незначительным", т.-е. относит ее к бедноте. Возьмем таблицы. „Средний" посев этой категории —2,9 дес. на двор. Но взгляните, как образовалась такая „средняя": от сложения вместе крупных посевщиков (по 18 дес. на двор в группе

с 5 и более головами рабочего скота; дворов этой группы во всей категории около $^1/_8$, но у них около половины всего посева категории)—и бедноты, безлошадных, с 0,2 дес. посева на двор. Возьмите дворы с батраками. Всего в категории их очень мало—77, т.-е. 2,5%. Но из этих 77—60 в высшей группе, сеющей по 18 дес. на двор, и в ней дворы с батраками составляют уже 24,5%. Ясно, что мы затушевываем разложение крестьян, изображаем неимущее крестьянство в лучшем свете, чем оно есть в действительности (от прибавлений к нему богачей и от вычисления средних), а зажиточное крестьянство, наоборот, изображаем менее сильным, ибо в категории многонадельных вместе с большинством состоятельных входят и несостоятельные (известно, что в многонадельных общинах всегда есть несостоятельные). Нам ясна теперь неправильность и второго довода в защиту группировки по наделу. Говорят, что при такой группировке мы получаем всегда правильное повышение признаков состоятельности (количество скота, посева и пр.) с повышением размеров надела. Факт бесспорный, ибо надельная земля является одним из важнейших факторов благосостояния. Поэтому в многонадельном крестьянстве оказывается всегда больше представителей крестьянской буржуазии, а от этого и „средние“ цифры для всей категории по наделу повышаются. Однако, из всего этого никак еще нельзя вывести правильности такого приема, который сливает сельскую буржуазию и сельский пролетариат.

Заключаем: ограничиваться группировкой по наделу при обработке подворных данных о крестьянстве не следует. Экономическая статистика необходимо должна положить в основание группировки размеры и типы хозяйства. Признаки для различения этих типов должны быть взяты сообразно с местными условиями и формами земледелия; если при экстенсивном зерновом хозяйстве можно ограничиться группировкой по посеву (или по рабочему скоту), то при других условиях необходимо принять в расчет посев промышленных растений, техническую обработку сельскохозяйственных продуктов, посев корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т. д. Когда крестьянство соединяет в широких размерах и земледельческие, и промысловые занятия,—необходима комбинация двух указанных систем группировки, т.-е. группировки по размерам и типам „промыслов“. Вопрос о приемах сводки подворных записей о крестьянском хозяйстве вовсе не такой узко-специальный и вто-

ростепенный вопрос, как можно бы думать с первого взгляда. Напротив, не будет никакого преувеличения сказать, что в настоящее время это — основной вопрос земской статистики. Полнота подворных сведений и техника их собирания достигли высокой степени совершенства, но вследствие неудовлетворительной сводки масса драгоценнейших сведений прямо-таки теряется, и исследователь получает в свое распоряжение только „средние“ цифры (по общинам, волостям, разрядам крестьян, по величине надела и т. д.). А эти „средние“, как мы уже видели и увидим ниже, зачастую совершенно фиктивны.

III. Итоговые данные земской статистики и военно-конской переписи.

Мы показали, что отношения между высшей и низшей группами крестьянства отмечаются именно теми чертами, которые характерны для отношений сельской буржуазии к сельскому пролетариату, — что эти отношения замечательно однородны в самых различных местностях с самыми различными условиями; — что даже числовые выражения этих отношений (т.-е. процентные доли групп в общем количестве посева, скота и пр.) колеблются в очень небольших, сравнительно, пределах. Естественно является вопрос: насколько эти данные об *отношениях* между группами в разных местностях можно утилизировать для составления представления о *группах*, на которые распадается все русское крестьянство. Другими словами: по каким сведениям можно судить о составе и взаимоотношении высшей и низшей группы во всем русском крестьянстве?

Сведений этих у нас очень мало, так как в России не производится сельскохозяйственных переписей, которые бы подвергали массовому учету все земледельческие хозяйства страны. Единственный материал для суждения о тех хозяйственных группах, на которые распадается наше крестьянство, это — сводные данные земской статистики и военно-конской переписи о распределении рабочего скота (или лошадей) между крестьянскими дворами. Как ни скуден этот материал, тем не менее и из него возможны небезинтересные выводы (конечно, очень общие, приблизительные, валовые), особенно благодаря тому, что отношения между многолошадным и малолошадным крестьянством были уже подвергнуты анализу и оказались замечательно однородными в самых различных местностях.

По данным „Сводного сборника хозяйственных сведений по земским подворным переписям“ г-на Благовещенского (т. I. Крестьянское хозяйство. М. 1893), земские переписи охватили 123 уезда в 22 губерниях с 2.983.733 крестьянскими дворами и 17.996.317 душами об. п. населения. Но данные о распределении дворов по рабочему скоту не везде однородны. Именно, в трех губерниях мы должны выкинуть 11 уездов, по которым распределение дано не на четыре, а только на три группы. По остальным же 112 уездам в 21 губернии мы получили следующие сводные данные, относящиеся почти к $2^1/_2$ миллионам дворов с 15 миллионами населения:

Группы хозяйств.	Дворов.	% дворов.		У них штук рабочего скота.	% всего рабочего скота.	На 1 двор штук раб. скота.
Без раб. скота . .	613.238	24,7	53,3	—	—	—
С 1 штукой „ . .	712.256	28,6		712,256	18,6	1
С 2 „ „ . .	645.900	26,0		1.291.800	33,7	2
С 3 и более „ . .	515.521	20,7		1.824.969	47,7	3,5
Всего . .	2.486.915	100		3.829.025	100	1,5

Эти данные охватывают немногим менее четвертой части всего числа крестьянских дворов в Европейской России („Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России“ — изд. Канц. Ком. Министров, Спб., 1894, — считает в 50 губ. Европейской России 11.223.962 двора в волостях, в том числе крестьянских 10.589.967 дворов). По всей России мы имеем данные о распределении лошадей между крестьянами в „Статистике Российской Империи, XX. Военно-конская перепись 1888 г.“ (Спб. 1891) и тоже: „Стат. Рос. Имп. XXXI. Военно-конская перепись 1891 г. (Спб. 1894). Первое издание содержит обработку данных, собранных в 1888 г. о 41 губ. (в том числе 10 губ. Царства Польского), а второе — о 18 губ. Европ. России плюс Кавказ, Калмыцкая степь и Область Войска Донского.

Выделяя 49 губерний Европ. России (по Донской Области сведения не полны) и соединяя вместе данные 1888 и 1891 года,

получаем следующую картину распределения всего числа лошадей, принадлежащих крестьянам в сельских обществах.

По 49 губ. Европ. России.	Крестьянских дворов.	%		У них лошадей.	%		На 1 двор приходится лошадей.
Безлошадные . . .	2.777.485	27,3	55,9	—	—		—
С 1 лошадью . . .	2.909.042	28,6		2.909.042	17,2		1
„ 2 „ . . .	2.247.827	22,1		4.495.654	26,5		2
„ 3 „ . . .	1.072.298	10,6	22,1	3.216.894	18,9	56,3	3
„ 4 и более . . .	1.155.907	11,4		6.339.198	37,4		5,4
Всего . .	10.162.559	100		16.960.788	100		1,6

Итак, по всей России распределение рабочих лошадей в крестьянстве оказывается очень близким к той „средней“ величине разложения, которую мы вывели выше на нашей диаграмме. В действительности разложение оказывается даже несколько глубже: в руках 22-х процентов дворов (2,2 миллиона дворов из 10.2 миллионов) сосредоточено $9^1/_2$ миллионов лошадей из 17 миллионов, т.-е. 56,3% всего числа. Громадная масса в 2,8 миллионов дворов совсем обделена, а у 2,9 миллионов однолошадных дворов лишь 17,2% всего числа лошадей.

Опираясь на выведенные выше законосообразности в отношениях между группами, мы можем теперь определить настоящее значение этих данных. Если пятая доля дворов сосредоточивает половину всего числа лошадей, то отсюда безошибочно можно заключить, что в ее руках не менее (а, вероятно, более) половины всего земледельческого производства крестьян. Такая концентрация производства возможна только при концентрации в руках этого состоятельного крестьянства большей части купчих земель и крестьянской аренды как вненадельных, так и надельных земель. Именно это состоятельное меньшинство главным образом покупает и арендует земли, несмотря на то, что оно, наверное, наилучше обеспечено надельной землей. Если „средний“ русский крестьянин в самый хороший год едва-едва сводит концы с концами (да и то неизвестно, сводит ли), то это состоятельное мень-

шинство, обеспеченное значительно выше среднего, не только оплачивает все расходы самостоятельным хозяйством, но и получает избытки. А это значит, что оно является товаропроизводителем, что оно производит земледельческие продукты на продажу. Мало того: оно превращается в сельскую буржуазию, соединяя с сравнительно крупным земельным хозяйством торгово-промышленные предприятия, — мы видели, что именно такого рода „промыслы“ наиболее типичны для русского „хозяйственного“ мужика. Несмотря на наибольший размер семей, на наибольшее число семейных работников (состоятельное крестьянство всегда характеризуется этими признаками, и на $^1/_5$ долю дворов должна прийтись большая доля населения, примерно около $^3/_{10}$), — это состоятельное меньшинство в наибольших размерах пользуется трудом батраков и поденщиков. Из всего числа русских крестьянских хозяйств, прибегающих к найму батраков и поденщиков, значительное большинство должно прийтись на долю этого состоятельного меньшинства. Мы вправе сделать этот вывод как на основании предыдущего анализа, так и из сопоставления доли населения в этой группе с долей рабочего скота, а, следовательно, с долей посева и хозяйства вообще. Наконец, только это состоятельное меньшинство может принимать прочное участие в „прогрессивных течениях крестьянского хозяйства“. Таково должно быть отношение этого меньшинства к остальному крестьянству, но само собой разумеется, что в зависимости от различия аграрных условий, систем сельского хозяйства и форм торгового земледелия, это отношение принимает различный вид и проявляется иначе. Одно дело — основные тенденции крестьянского разложения, другое дело — формы его в зависимости от различных местных условий.

Положение безлошадного и однолошадного крестьянства как раз обратное. Мы видели выше, что земские статистики и последнее (не говоря уже о первом) относят к сельскому пролетариату. Поэтому вряд ли есть преувеличение в нашем примерном расчете, относящем к сельскому пролетариату всех безлошадных и до $^3/_4$ однолошадных крестьян (около $^1/_2$ всего числа дворов). Это крестьянство наименее обеспечено надельной землей, зачастую сдает ее по неимению инвентаря, семян и пр. Из общей крестьянской аренды и покупки земель ему перепадают жалкие крупицы. Своим хозяйством ему никогда не прокормиться, и главным источником средств к жизни являются у него „промыслы“ или „заработки“, т.-е. продажа своей рабочей силы. Это — класс наемных

рабочих с наделом, батраков, поденщиков, чернорабочих, строительных рабочих, и пр., и пр.

(В. Ильин — Развитие капитализма в России.)

---

51. Аграрная политика правительства.

Действия правительства по отношению к крестьянскому землевладению называются аграрной политикой правительства. Мы должны познакомиться с главными чертами этой политики.

Первое, что здесь обращает на себя внимание, это—деятельность государственного Крестьянского земельного банка, основанного в начале 80-х годов XIX в. Крестьянское малоземелье вызывало крестьянские аграрные волнения, и потому правительство, выражавшее интересы дворянства, опасаясь за порядок и спокойствие и желая охранить дворянское землевладение, основало Крестьянский банк с целью облегчить малоземельным крестьянам покупку земли. Но на деле Крестьянский банк только помог разорившимся дворянам выгодно продать свои земли, а покупались эти земли большей частью не малоземельным крестьянством, а зажиточной деревенской буржуазией. Прежде всего это произошло оттого, что устав Крестьянского банка давал богатым крестьянам некоторое преимущество перед бедными: деревенская беднота могла покупать землю почти всегда лишь в том случае, когда она приобреталась целыми крестьянскими обществами; крестьяне среднего достатка, средняки, чаще всего составляли товарищества для покупки земли, и обыкновенно только богатые крестьяне могли покупать землю в одиночку, единолично; между тем, по уставу банка, при единоличной покупке земли отдельными крестьянами открывался кредит до 500 рублей на каждого отдельного покупателя, а при покупке обществами — лишь до 150 руб. на каждого.

Затем банк выдавал не все деньги, какие нужны были для покупки земли, а обыкновенно сначала лишь 75% и только потом, позднее, при изменении устава,—90%, так что часть денег должна была доплачиваться самими крестьянами, что было не под силу бедноте и заставляло ее занимать недостающие деньги у деревенских ростовщиков, тех же кулаков, богатых крестьян, которым поэтому в конце концов часто и доставалась земля, покупавшаяся даже и бедными крестьянами.

Далее: платежи заемщиков Крестьянского банка были очень высоки,—они простирались, считая проценты и погашение долга, до 7% в год, что ставило бедных крестьян часто в полную невозможность пользоваться займом в банке.

Наконец, деятельность Крестьянского банка способствовала огромному и быстрому росту цен на землю: с 80-х годов к началу XX века земля вздорожала втрое, вчетверо и более. Это затрудняло покупку земли бедными крестьянами, но было выгодно продававшим землю дворянам.

Если ко всему этому прибавить, что в 1885 г. учрежден был на помощь дворянскому хозяйству Дворянский земельный банк, снабжавший на особо льготных условиях деньгами дворян-землевладельцев, и что в 1895 г. Крестьянскому банку разрешена была покупка за свой счет дворянских имений для перепродажи их потом частями крестьянам, то будет ясно, что политика правительства в области поземельного кредита вся на деле направлялась в интересах землевладельческого дворянства и богатой крестьянской буржуазии и, следовательно, не способствовала хотя бы сколько-нибудь заметному ослаблению крестьянского малоземелья.

Другое средство ослабления малоземелья — переселение крестьян в Сибирь и Среднюю Азию. Это переселение, возникшее стихийно среди самого крестьянства, сначала, однако, задерживалось и преследовалось властями: оно внушало землевладельцам опасение остаться без достаточного числа дешевых сельскохозяйственных рабочих и нарушало чиновничий порядок. Но переломить жизнь было невозможно, а обострение аграрного вопроса заставило правительство даже содействовать переселению с целью хоть несколько успокоить малоземельное крестьянство. При всем том, однако, в 80-х годах переселялось ежегодно не свыше 50-ти тысяч человек, в 90-х—100—150 тысяч, а в первые годы XX века опять меньше, в 1901 г. около 89 тысяч, в 1904 и 1905 годах около 40 тысяч человек. Но ежегодный прирост населения России и даже прирост одного только земледельческого населения в губерниях, где нужда в земле была особенно велика, не покрывался числом переселенцев. Таким образом и переселение не приводило к ослаблению крестьянской нужды в земле. Самое большее, что достигалось переселением, это — некоторая задержка в росте этой нужды, уменьшение быстроты этого роста.

Наконец, важно отношение правительства к земельной общине, мирскому землевладению. Интересы чиновничьего порядка

и стремление сохранить побольше остатков крепостной старины и здесь сказались в полной мере. С общиной были связаны круговая порука в уплате податей, право мира исключать и ссылать своих членов в Сибирь, телесное наказание по приговорам волостных судов, полицейский характер выборных сельских и волостных властей—старшин, старост, сотских и десятских,—наконец, видели в общине и предохранительное средство против обращения крестьянства в безземельный пролетариат. По всем этим причинам старое чиновничество дорожило общиной. И потому еще в Положении 19 февраля 1861 года было установлено, что раздел мирской земли в подворное владение может быть произведен лишь по решению не простого, а квалифицированного большинства — не менее, чем двух третей всего числа членов мирского схода. Сохранить и укрепить общину—такова была задача правительственной политики. Но стремясь к этому, правительство невольно содействовало ее разрушению. Так в 1893 году были изданы два закона, ее колебавшие: по одному запрещены были частичные переделы земли, так называемые скидка и накидка душ, — что ограничивало права общины, а по другому установлен был однообразный срок общего передела—раз в 12 лет: этот казенный шаблон нарушал самодеятельность общины и путал все ее хозяйственные расчеты и соображения, зависевшие от условий времени и места и приводившие там, где община была жизненна, к разнообразию срока переделов.

Н. Рожков.

---

52. Стачка косцов.

Проехав широкие, залитые лунным светом улицы огромной и, повидимому, цветущей станицы, мы остановились у ворот обширного постоялого двора. Ворота были отворены, хозяин собирался на мельницу с новым хлебом. Посредине двора стоял столик, на котором кипел самовар, приготовленный для уезжающих.

Это было очень кстати, и мы сели за стол вместе с хозяевами. Казаки были веселы, и весь двор, освещенный луною, был полон радостного оживления. Хлеб в этом году уродился отлично, собрать его удалось во-время и при том очень дешево.

— Почем платят косцам в Уральске? — спросил у нас хозяин и, узнав, что цены там стояли от 15 до 20 рублей и даже выше, весело улыбнулся и сказал:

— А у нас по десяти.

— Ташлинский атаман такую цену сделал, — прибавила радостно хозяйка. — „Наемка“ у нас нынче отличная...

„Наемка“ в этих степных местах, это — настоящая военная кампания, где интересы нанимателя и работника становятся лицом к лицу в совершенно откровенных формах. Целые армии косцов сходятся в нескольких пунктах: к Уральску, в Таловую (на границе Самарской губ.) и в Ташлу. Рабочие, сойдясь, прежде всего пытаются организоваться, чтобы поднять цену. Для этого иногда артели жнецов приносят все серпы и косы в одно место и выдают их только при найме на известных условиях. Первые дни обе воюющие стороны крепятся, измеряя взаимные шансы, и порой дело доходит до формальных побоищ. В тот год под Уральском произошли крупные столкновения между рабочими русскими и киргизами (сбивавшими цены). В Таловой победу одержали рабочие, поднявшие цену до 20 рублей; в Ташле, наоборот, рабочая армия потерпела решительное поражение.

— Мужикам, конечно, обидно,—радостно говорила казачка,— а для казаков хорошо. Косцы сошлись в Ташлу и говорят: хлеб ноне у казаков дюже сильный,—давайте, ребята, дешевле 25 не наймоваться. На том и стали. Кто, может, и хотел бы наняться,— не смеет. Ну, станичный атаман собрал полевых казаков и говорит: „дуйте их, дураков, нагайками. Что на них смотреть“. Потом стариков-то, которые посмирнее, отделил, а остальных,—говорит,—гоните вон из станицы. „Вы,—говорит,—наше место поганите, хозяев огорчаете. Не хозяева к вам идут, вы к казакам пришли. Хлеб за брюхом не ходит“... Ну, смирные те мужики и пошли наниматься. Тут опять казаки сговорились: не давать больше десяти. Тем опять же деваться некуда: пришли работать, не назад итти.

Так и стали наймоваться...

(В. Г. Короленко — У казаков.)

53. Капитал

вновь основываемых акционерных предприятий в России.

Годы.	Основной капитал.
1860	6.169.000 руб.
1861	5.550.000 „
1862	2.000.000 „
1863	850.000 „
1864	2.900.000 „
1865	7.450.000 „
1866	4.180.000 „
1867	3.720.000 „
1868	10.545.000 „
1869	6.140.000 „
1870	23.450.000 „
1871	30.779.000 „
1872	61.945.000 „
1873	86.857.000 „
1874	51.130.000 „
1875	37.040.000 „
1876	38.748.000 „
1877	25.894.000 „
1878	8.702.000 „
1879	28.455.000 „
1880	51.165.000 „
1881	50.225.000 „
1882	42.310.000 „
1883	41.700.000 „
1884	46.175.000 „
1885	38.460.000 „
1886	20.610.000 „
1887	24.170.000 „
1888	46.165.000 „
1889	45.955.000 „
1890	63.415.000 „
1891	27.495.000 „
1892	25.202.000 „
1893	61.113.000 „
1894	59.550.000 „
1895	129.363.000 „
1896	232.640.000 „
1897	239.324.000 „
1898	256.237.000 „
1899	430.879.000 „
1900	336.833.000 „

54. Основные отрасли фабричной промышленности.

I. Добывание минерального топлива.

Годы.	Каменный уголь.	Нефть.
1860	18.000.000 пудов.	600.000 пудов.
1870	42.000.000 „	10.000.000 „
1880	201.000.000 „	20.000.000 „
1890	472.000.000 „	300.000.000 „
1900	1.009.000.000 „	615.500.000 „
1905	1.088.000.000 „	454.800.000 „

II. Железоделательная промышленность.

Годы.	Выплавка чугуна.	Производство стали.
1860	18.200.000 пудов.	—
1870	21.900.000 „	500.000 пудов.
1880	26.100.000 „	8.300.000 „
1890	50.000.000 „	20.000.000 „
1900	175.000.000 „	136.000.000 „
1903	152.000.000 „	148.500.000 „

III. Хлопчатобумажная промышленность.

Годы.	Стоимость продукта.
1860	42.900.000 руб.
1876	96.300.000 „
1880	200.000.000 „
1892	300.000.000 „
1899	430.000.000 „
1900 — 1905	470.000.000 „ (в среднем в год).

---

55. Капитализация (техника) индустрии.

1. Каменноугольная промышленность.

а) выработка на одного рабочего в год.

Годы.	В России.	В Германии.
1880	8.624 пуда.	—
1903	10.311 „	15.000 пудов.

б) добывание кокса.

Годы.	В России.	В Германии.	В Англии.	В Соедин. Штатах.
1891	25.500.000 п.	—	—	—
1901	117.000.000 п.	600.000.000 п.	870.900.000 п.	1.229.800.000 п.

2. Железоделательное производство.

а) Относительное количество чугуна, выплавленного на разного рода топливе.

Годы.	На древесном топливе.	На минеральном топливе.	На смешанном топливе.
1880	90,8 %	8,8 %	0,4 %
1903	30,2 %	67,7 %	2,1 %.

б) другие данные о технике производства.

Годы.	Число доменных печей.	Выработка чугуна на одну печь.			Процент дом. печей с холодным дутьем.	Процент дом. печей с горячим дутьем.	Выработка стали на один бессемеровск. конвертер.	Выработка стали на одну мартеновскую печь.
		в России.	в Англии.	в Соед. Шт.				
1881	198	151.000 п.	—	—	50 %	50 %	—	—
190	252	629.000 „	1.550.000 п.	3.800.000 п.	11 %	89 %	1.115.000 п.	514.000 п

3. Хлопчатобумажное производство.

а) бумагопрядильное производство.

Годы.	Число фабрик.	Число веретен.	Переработано хлопка.	Изготовлено пряжи.
1890	66	3.457.000	8.300.000 п.	7.300.000 п.
1899	109	6.091.000	16.100.000 „	14.400.000 „

б) бумаготкацкое производство.

Годы.	Число фабрик.	Число самотканных станков.	Изготовлено сурового товара.
1890	83	87.190	6.600.000 п.
1899	118	145.842	11.500.000 „

56. Концентрация фабричной промышленности.

Крупные фабрики Европейской России, имеющие не менее 100 рабочих, по 71 производству, о которых существуют сведения за 1886 год.

	Фабрика с 1000 и более раб.				Фабрика с 500—999 рабоч.				Фабрика с 100—499 рабоч.				ВСЕГО.			
	Число фабрик.		Число рабочих.	Сумма произв. в тыс. рублей.	Число фабрик.		Число рабочих.	Сумма произв. в тыс. рублей.	Число фабрик.		Число рабочих.	Сумма произв. в тыс. рублей.	Число фабрик.		Число рабочих.	Сумма произв. в тыс. рублей.
	Всего.	Из них с паров. двигателями.			Всего.	Из них с паров. двигателями.			Всего.	Из них с паров. двигателями.			Всего.	Из них с паров. двигателями.		
1866	42	35	62.801	52.877	90	68	59.867	48.359	512	204	109.061	99.830	644	307	231.739	201.066
1879	81	76	156.760	170.533	130	119	91.887	117.830	641	354	141.727	201.542	852	549	390.374	489.905
1890	99	99	213.333	253.130	140	140	94.305	148.546	712	455	156.699	186.289	951	694	464.337	587.965
1901	—	—	525.600	—	—	—	272.000	—	—	—	495.300	—	—	—	1.292.800	—
1908	—	—	655.200	—	—	—	286.300	—	—	—	550.600	—	—	—	1.492.100	—

(Таблица составлена по Туган-Барановскому и Микулину).

57. Накопление русского и иностранного промышленного капитала.

У нас долгое время господствовало представление, будто росту капиталистического способа производства в России препятствует недостаток рынка. Этот взгляд является типичным примером, к каким несообразностям может приводить плохо понятая теория. Фактическим опровержением его является общеизвестный факт притока в Россию иностранных капиталов. Действительно, если бы в России рынок для продуктов капиталистической индустрии был ограниченнее, чем в западной Европе, то поток капиталов должен бы быть из России в Западную Европу, ибо капитал, как и всякий товар, ищет наиболее выгодного рынка. Высокая норма прибыли, господствующая в России, является неоспоримым доказательством несостоятельности вышеназванного взгляда. Только крайняя степень доктринерства, игнорирующего реальные факты жизни, могла вызвать мнение об отсутствии рынка для продуктов капиталистической индустрии в той стране, в которой барыши крупных капиталистов промышленных предприятий достигают иногда 100% в год (как это имело место по отношению к некоторым металлургическим заводам Донецкого бассейна), и где 20% дивидента не представляют ничего исключительного для акционерных предприятий. Не подлежит ни малейшему сомнению, что ни в одной Европейской стране рыночные условия не складываются так благоприятно для роста капиталистической промышленности, как в России, — и доказательством этого является то, что ни одна европейская страна не представляет собой такого заманчивого места для помещения иностранных капиталов, как Россия. Высокая норма прибыли в России непререкаемо свидетельствует об обширности русского рынка.

Эта высокая норма прибыли всегда сопутствует первым шагам капиталистического производства и зависит, главным образом, от того, что пока капиталистическое производство не становится господствующей формой промышленности, до тех пор прибыль капиталистического производителя заключает в себе долю ценности, извлекаемой не только из производственного процесса (как в развитом капиталистическом хозяйстве), но также и из процесса продажи. Так, например, огромные барыши наших металлургических заводов основываются не на крайней эксплоатации

занятых в металлургических заводах рабочих (или, по крайней мере, не только на этой эксплоатации), но главным образом на крайней эксплуатации покупателя. Население обложено своего рода данью в пользу немногих крупных капиталистов, — в этой дани, платимой всеми покупателями, без различия класса и общественного положения, кроется источник этих колоссальных барышей. Но откуда же возникает необходимость для покупателя уплачивать эту дань? Почему цена на чугун так мало соответствует его относительной трудовой ценности? Потому, что количество чугуна, имеющегося на русском рынке, слишком мало сравнительно со спросом на этот продукт. Предложение продуктов нашей капиталистической индустрией далеко не достигает спроса, — рынок слишком мало заполнен этими продуктами, — и это дает возможность продавать эти продукты по цене, дающей огромные барыши.

Русский промышленный капитал питается не только соками эксплоатируемых им рабочих, но и соками других, некапиталистических производителей, прежде всего земледельца - крестьянина. Земледелец, который покупает плуг или косу по цене вдвое высшей стоимости производства, еще больше участвует в создании высокой нормы прибыли Юзов, Коккерилей и прочих владельцев металлургических заводов, чем их собственные рабочие.

В этой возможности стричь овец, так сказать, вдвойне, жечь свечу с обоих концов, и заключается секрет привлекательности России для иностранных капиталистов. В России продавец - капиталист находится в привилегированном, монопольном положении, которое не может не утратиться с дальнейшим ростом капиталистического производства. Рынок для капиталистической промышленности складывается всего благоприятнее в таких странах, в которых, как в России, при обилии естественных богатств масса населения еще не порвала с прежними архаическими формами хозяйства.

Прилив иностранных капиталов и иностранной предприимчивости явился могучим стимулом нашего промышленного развития последнего времени. В нашей металлургической промышленности повторяется теперь то же, что раньше имело место в других отраслях производства, освободившихся теперь от владычества иноземного капитала и ставших достоянием „отечественных“ капиталистов. Наиболее прочно укоренившеюся отраслью капиталистической индустрии может считаться у нас хлопчатобумажная промышленность, представители которой (Морозовы, Крестовниковы

и др.) выступают обыкновенно во главе „всероссийского“ купечества во всех тех случаях, когда наш отечественный торгово-промышленный капитал обращается за какой-нибудь новой поддержкой к государству. Однако, и в этой, казалось бы, вполне национальной отрасли нашего капитализма пионерами и „насадителями“ явились те же иностранцы. Не восходя уже в глубь времен, к началу нашей хлобчатобумажной промышленности в конце прошлого века, еще так недавно полновластным владыкой хлопчатобумажного прядильно-ткацкого производства был немецкий выходец Л. Кноп. В интересной брошюре „Контора Кноп и ее значение“ (СПБ. 1895) сообщается много весьма любопытных подробностей о совершенно исключительной роли этой конторы в нашем мануфактурном мире в течение нескольких десятилетий. Контора Кноп была долгое время почти единственным посредником по приобретению из Англии хлопчатобумажных прядильно-ткацких машин, и на этом основалось ее значение. Почти все хлопчатобумажные фабрики центрального промышленного района России были выстроены конторой Кноп, владелец которой скоро сделался важнейшим акционером целого ряда фабрик.

Устройство и оборудование новых фабрик производилось при посредстве этой конторы весьма просто. Процесс заказа и сооружения фабрики обыкновенно происходил так:

„Надумал фабрикант строить ту или другую фабрику, — читаем в названной брошюре, — и является с почтительным видом в контору, куда уже ранее наведывался, будут ли с ним иметь дела и впредь. Одного его имени конторе достаточно, чтобы тотчас справиться: какая у него фабрика, не было ли провинности по отношению конторы, сколько у него и его жены денег, где положены, сколько его фабрика приносит дохода или убытка. Само собою разумеется, что такой фабрикант удостоится приема только в том случае, когда справка благоприятна“.

„Окончательные переговоры вел сам Роман Романович (управляющий конторой) и окончательная резолюция его выражалась словами: „хорошо, мы тебе построим фабрику“. Обрадованный фабрикант в таких случаях иногда осмеливался заметить, что он-де слышал о кое-каких новостях или усовершенствованиях, и просить, чтобы это было введено в новую фабрику, но всегда получал сердитый ответ: „это—не твое дело,—в Англии лучше тебя знают“.

„Таким образом, фабрика заказана, заказчик получал свой номер в списках конторы, и тогда контора сообщала своему агент-

ству в Англии, что для такого-то № в России следует оборудовать такую-то фабрику... Получив из Англии все чертежи и указания, как по расположению машин и орудий, так и по их движению, контора отсылает их в том виде, как получила, на строящуюся фабрику, если там находятся директора-англичане, которым будет поручена новая фабрика; если же таких англичан нет, то вручает все это вновь назначенному ею же самою директору... Как только стройка подвигалась к концу, появлялись английские машины в полном ассортименте, а с ними и английские монтеры. Последние были совершенно независимы не только от директоров и механиков фабрик, но и от конторы Кноп. По делам своим они переписывались лично каждый с своим заводом".

Кроме участия в качестве пайщика или акционера во многих фабриках, фирма Кноп имеет свои собственные, в том числе первую в России по технической высоте и размеру производства Кренгольмскую мануфактуру около Нарвы. По словам Шульце-Геверница, Кренгольмская бумагопрядильня—величайшая в свете. Она имеет более 400.000 веретен и представляет собой, по словам того же автора, „уголок Англии на русской почве". Шульце-Геверниц полагает, что издержки производства в Кренгольме не выше, чем на германских фабриках. Вообще Кренгольмская мануфактура в техническом отношении не уступает лучшим германским бумагопрядильням.

(М. Туган-Барановский — Русская фабрика в прошлом и настоящем.)

Накопление русского и приток иностранного промышленного капитала.

Годы.	Русский капитал.	Иностранный капитал.
1893—1896	103.700.000 руб.	144.900.000 руб.
1897—1900	111.800.000 „	450.700.000 „
1901—1904	209.400.000 „	181.600.000 „

58. Пошлины на иностранные фабрикаты.

Годы:	Процент по отношению к ценам привозимых товаров:
1868	13
1879	17
1890	29
1900	33.

59. Денежная и реальная оплата труда в промышленности 80-х годов XIX века.

Мы выяснили количество труда наших фабричных рабочих, но неизбежно напрашивается вопрос: что же? велик или слаб этот труд? следует ли желать сокращения или сохранения его в дальнейшем развитии нашей фабричной промышленности? Гигиена не дает, да и не может дать никакой определенной нормы количества труда при той бесконечности всевозможных, не всегда уловимых условий, от которых именно эта норма и зависит. Умеренное количество труда, не истощающее сил организма, с надлежащим отдыхом для восстановления его потерь, это — такая растяжимая формула, которая допускает множество цифровых решений, смотря по тому, какие величины будут подставлены в уравнение под все знаки, которыми означены гигиенические условия труда. Поэтому мы выберем другой путь оценки количества труда, — путь сравнения его с трудом в других странах.

Предположим пока, что вся совокупность труда, т.-е. санитарные условия, — простор или теснота помещений, качество воздуха в них, степень чистоты содержания и т. д. и т. д., — одинаковы, и сравним прежде всего количество суточной работы.

Сравнение денежной заработной платы само по себе еще ничего не говорит и, напротив, может даже привести к ошибочным заключениям, если не принята в расчет покупная сила денег, в различных странах различная. Только при этом последнем условии может выясниться, в какой мере эта денежная плата обеспечивает существование рабочего и каково различие в самом понятии об „обеспечении существования“ в различных странах. Мы следовали этому способу сравнения, насколько позволяет собранный нами статистический материал, но, конечно, наше сравнение не может претендовать на ту полноту, какая была бы желательна в этом вопросе, но какая посильна лишь целым учреждениям, а никак не одному лицу.

Сопоставим прежде всего месячную заработную плату.

Как по отдельным производствам, так и в средних величинах для всех рабочих без различия производств, плата как в Англии, так и в особенности в Америке, превосходит русскую вдвое, втрое, даже впятеро. В особенности резка разница для мужчин; она значительно меньше для подростков, еще меньше для женщин и,

Производства.	Число рабочих часов в неделю у нас.	Число рабочих часов в неделю в Англии.	Количество работы у нас, принимая его в Англии за 100.
Бумагопрядильно - ткацкое (машинное)	73 и 81	56½	129—141
Отбельно-красильно-отделочное и ситценабивное . .	64—82	55—60	116—136
Суконное и шерстопрядильн. (аппаратное и гребенное) .	72½ и 82	54—59	134—138
Шелковое	72—81	54—60	133—135
Чугуннолитейное и железоделательное	76—79	54	141—146
Машиностроительно - вагонное	68	54	126
Кожевенное	64—77	54—59	118—130
Канатное	72 и 93	56—56½	128—165
Химическое	64—79	60—70	106—113
Писчебумажное для сменных	78	69—72	113—108
Писчебумажное для денных .	60	57	105
Пивоварное	66—69	57	116—121
Кирпично - гончарное . . .	72—76	57	126—133
Фарфорово - фаянсовое, отделения:	в	с у т	к и
Точильные и капсульные .	11½—14	8—8½	144—165
Живописные	11½—13½	7—9	164—150
Подавальные	9—12½	9—10	100—125
Машинные	10½—14½	8½—9	123—161

Средние месячные заработки в Московской губ., в Англии и в Америке, в рублях.

Производства.			Мужчин.	Женщин.	Подростков.	Малолетних.
Бумагопрядильно-самоткацкое производство		Московская г.	13.58	11.07	7.21	5.87
		Англия	41.48	25.31	14.63	4 89
		Массачузетс	52.11	32.60	23.65	18.67
Отбельно-красильно-отделочное и ситценабивное производство		Московская г.	13.88	6.51	6.80	5.48
		Англия	33.92	18.08	17.32	5.36
		Массачузетс	55.42	29.15	25.60	18.28
Шерстопрядильно-суконное производство	По аппаратной пряже	Московская г.	14 87	7 39	6.93	5.14
		Англия	42 14	17.56	11.56	—
		Массачузетс	42.34	36.13	27.23	21.04
	По гребенной пряже	Англия	34.04	18.75	14.98	4.47
		Массачузетс	48.71	33.65	20.97	17.54
Машиностроительное производство		Московская г.	23.34	—	9.87	—
		Англия	44 50	—	13.91	—
		Массачузетс	66.48	28.54	31.71	29.23
Среднее для всех производств		Московская г.	14.16	10.35	7.27	5.08
		Англия	21.12	18 59	13.22	4.33
		Массачузетс	65.46	33.62	28.15	21.04

наконец, меньше всего для малолетних. Для последних, впрочем, разница обнаруживается лишь по сравнению с платой в Америке; в Англии месячный заработок малолетних, повидимому, даже ниже, чем у нас. Месячный заработок каждого рабочего—без различия пола и возраста—в среднем выше, чем у нас: в Англии—в $2^1/_4$ раза, в Америке же—в $4^4/_5$ раза. Отношения эти выражаются в следующих цифрах:

	Месячный заработок в рублях.	Выше нашей на
Московская г.	11.89	—
Англия	26.64	124,05%
Массачузетс	56.97	379,14%.

Однако, сравнение месячного заработка не дает еще никакого понятия о действительной ценности труда в сравниваемых трех странах, так как количество труда, за который получается эта плата, совершенно различно. Мы видели выше, что, несмотря на большее количество рабочих дней в году, годовая сумма часов работы в Америке ниже, чем у нас, и еще ниже она в Англии. Среднее количество труда в месяц, по числу часов работы, выражается такими цифрами:

В Московской г.	284,6
„ Англии	334,7
„ Массачузетсе	255,7.

Очевидно, следовательно, что правильное сравнение для выяснения цены труда возможно лишь при составлении платы за час работы. Вычисляя величину оплаты труда за каждый час работы для Англии и Америки непосредственно по недельным их данным, для наших же рабочих—по нашим месячным данным, мы получим следующую таблицу (См. стр. 220).

Выражая более дорогую оплату труда в Англии и в Америке в процентах на стоимость труда у нас, мы получим, что в среднем, без различия производств, плата в Англии и в Массачузетсе для мужчин, женщин, подростков и малолетних выше, чем у нас, на следующие величины:

	Мужчины.	Женщины.	Подростки.	Малолетние.
В Англии	283,6	114,0	116,4	1,6
ассачузетсе	404,9	254,3	321,8	352,5.

(Е. М. Дементьев — Фабрика, что она дает населению и что она у него берет.)

Средняя оплата труда за час работы в Московской губ., в Англии и в Америке.

Производства			Заработная плата в копейках:				
			Мужч.	Женщ.	Подростков.	Малолетних.	Средняя для всех.
Бумагопрядильно-самоткацкое производство		Московская г.	4.69	3.82	2.49	2.02	3.97
		Англия	17.72	10.81	6.25	2.09	10.78
		Массачузетс	20.38	12.75	9.25	7.30	13.93
Отбельно-красильно-отделочное и ситценабивное производство		Московская г.	8.87	2.28	2.38	1.92	4.15
		Англия	18.76	7.72	7.40	2.29	11.86
		Массачузетс	21.70	11.40	10.01	7.15	18.73
Шерстопрядильно-суконное производство	По аппаратной пряже	Московская г.	5.41	2 69	2.52	1.87	4.07
		Англия	18.00	7.50	4.94	—	11.25
		Массачузетс	16.56	14.13	10.65	8.23	14.90
	По гребенной пряже	Англия	14.54	8.01	6.40	1.91	8 33
		Массачузетс	19.05	13.16	8.20	6.86	15.81
Машиностроительное производство		Московская г.	6.60	—	0.30	—	6.22
		Англия	19.01	—	5 94	—	17.17
		Массачузетс	26.18	11.06	12.52	11 54	25.56
Среднее для всех производств		Московская г.	5.07	3.71	2.61	1.82	4.26
		Англия	19.45	7.94	5 65	1.85	16.38
		Массачузетс	25.60	13.15	11.01	8.23	22.28

60. Фабричное законодательство.

Почти все важнейшие законы, определяющие время и условия работ, — законы 1882, 1885 и 1897 года, — имели значение правил, изданных лишь на короткий срок: правительство, опасаясь затронуть интересы предпринимателей, оставляло за собою возможность отступления, хотя в обнародованном тексте этих законов об этом тщательно умалчивалось. Закон 1903 г. об ответственности, подготовлявшийся двадцать лет, тоже, в сущности, издан на срок, так как государственный совет постановил по истечении 5 лет заменить его законом о страховании. Первый же закон (1882 года) казался властям, под влиянием агитации промышленников, такой вредной мерой, что его введение в действие было отсрочено на год (вместо 1 мая 1883 года — 1 мая 1884 г.). Но самое характерное, что и эти профильтрованные под зорким глазом хозяев и с их ведома законы подвергались затем дальнейшему умалению и обезвреживанию. Делалось это или путем замены временных законов (1882 и 1885 г.г.) новым, постоянным (1890), или путем всякого рода циркуляров и административных распоряжений, часто явно беззаконных. По существу административное толкование фабричного законодательства представляло собой низведение закона к пустой форме: утихало рабочее движение, вызвавшее закон, и бюрократия успокаивалась, считала себя вне опасности, а промышленники стали заходить с заднего крыльца в министерство финансов. Как сильна была волна реакции после каждой законодательной потуги, как энергично действовали предприниматели, — покажет история линяния первых трех законов. По закону 1882 года малолетние, не достигшие 12-летнего возраста, не принимались в промышленные заведения, ночные работы малолетних 12—15 лет были запрещены, а дневные должны были продолжаться не долее 4-х часов сряду и не долее 8 часов в сутки. Но закон — сам по себе, изъятие — само по себе. Прежде всего законом 1882 года предоставлено было министерству финансов, по соглашению с министром внутренних дел, „временно в течение двух лет“ разрешать детям, имеющим не менее 10-ти лет, работу денную, а малолетним, достигшим 12—15-летнего возраста — четырехчасовую ночную работу. Основная норма закона стала почти декорацией. И почему это было сделано? Да потому, что закон „мог бы невыгодным образом отразиться не только на

экономических интересах фабрикантов, но и самого рабочего класса“! Требование закона 1882 г. о 8-часовом рабочем дне малолетних в возрасте 12—15 лет и при том не более 4 часов сряду,—оказалось также не по-сердцу предпринимателям. Представители некоторых значительных фабрик и заводов Петербурга подали правительству заявление, что „осуществление указанного постановления имело бы последствием отказ со стороны фабрикантов от работы означенным малолетним, вследствие чего рабочее население понесло бы весьма чувствительный ущерб, который вызвал бы в его среде неудовольствие... При невозможности переменять малолетних подручных через каждые 4 часа, необходимо было бы ограничить их работу 4 часами в сутки, что должно гибельно отразиться на участи тысячи рабочих семейств и повести к весьма серьезным замешательствам. Для устранения всех этих неудобств надлежало бы, по убеждению заводчиков, в изменение закона 1882 года, разрешить малолетним 12—15 лет заниматься работою в течение шести часов сряду. Мало того, они просили разрешить малолетним, достигшим 14-летнего возраста, 12-часовой рабочий день (дневными работами)! Второе ходатайство было отклонено, но первое получило благоприятное для фабрикантов разрешение: по закону 12 июня 1884 года министру финансов предоставлено было „временно“ в течение двухлетнего срока разрешать занятия малолетних 12—15 лет работою по шести часов сряду. Что оно шло в разрез с законом 1882 г., — об этом не слишком беспокоились. Даже государственный совет признал, что „такой постепенный и осмотрительный образ действий (предоставление министру финансов права делать изъятие из закона) вернее может привести к преследуемой правительством цели, нежели настойчивое применение предписаний закона“!!

Наступает время пересмотра этих временных правил (законов 1882 и 1885 г.г.), которые заменяются законом 1890 года, как постоянным актом. И что же происходит? Государственный совет признал необходимым восстановить в полной силе норму предельного 12-летнего возраста и высказался за запрещение труда 10-летних детей (закон 1882 года, следовательно, в этой части восстановлен законом 1890 года), хотя министерства финансов и промышленности цинически предлагали сохранить, в интересах самих малолетних 10-летнего возраста, право такой работы: вредного влияния на здоровье, — говорили те, — она не имеет, а при фабричном надзоре положение 10-летних

детей даже лучше в сравнении с их сверстниками, не занятыми в семьях каким-либо трудом! Правительство и фабриканты рассуждали совсем, как тот тайный финансовый советник Рейнской провинции, который доносил в Берлин (около 20-х годов прошлого века) про детей, изнемогавших от фабричного труда: „Дети ночной смены отличаются от бледных берлинцев своим здоровым и цветущим видом: ночная работа так мало утомляет их, что по дороге домой, тянущейся более $^1/_4$ мили, они предаются всякого рода шалостям; спать днем так же здорово, как ночью“. Но зато по закону 1890 г. разрешена ночная работа малолетних 12-15-летнего возраста в течение шести часов в стеклянном производстве, одном из самых вредных для здоровья рабочей молодежи; дозволен шестичасовой непрерывный труд малолетних 12—15 лет и девятичасовой, по $4^1/_2$ часа сряду, в заведениях, работающих 18 часов двумя сменами. Что касается допущенного законом 1885 г., „в виде опыта на три года“, воспрещения ночной работы подросткам, не достигшим 17 лет, и женщинам в производствах хлопчатобумажном, полотняном и шерстяном, — запрещения, распространенного в 1886 г. административным путем на производства: льнопрядильное, льнотрепальное и смешанных тканей, то оно сохранено и в законе 1890 г., но с важнейшей оговоркой, уничтожающей самый принцип: с разрешения местных по фабричным делам присутствий и губернатора допускается ночная работа подростков и женщин в случаях особо уважительных и в случаях совместной работы этих лиц с главами их семейств. И эта новая норма лицемерно объяснялась „соображениями нравственного характера“, „в видах ограждения добрых нравственных основ семейной жизни, которые могут быть поколеблены при разобщении на ночное время родителей с детьми, а жен с мужьями“. В действительности, конечно, эти уступки были предприняты в интересах капитала, представители которого, главным образом московские фабриканты, не переставали осаждать правительство жалобами на законы 1882 и 1885 годов. В этих же интересах, по закону 1890 г., понятие ночного времени было сужено — ночь стали считать не с 9 час. вечера до 5 утра, а с 10 до 4 (где введена непрерывная 18-часовая денная работа двумя сменами). Наконец, малолетним, моложе 15 лет, было запрещено работать в воскресные и высокоторжественные дни, но и тут административной власти было предоставлено право разрешать работы в те воскресные и высокоторжественные дни, в которые производятся

работы взрослыми лицами. Таким образом закон 24 апреля 1890 г. о работе малолетних, подростков и женщин в корне подорвал все ранее установленные в законодательном порядке нормы — закон явился актом сильнейшей реакции законодателя в угоду предпринимателям. Справедливости, которой будто бы проникнуты все наши законы, не оказалось здесь и следа.

Не менее резкий поворот произошел и с законом июня 1897 г., нормирующим рабочий день взрослых. Для рабочих, занятых исключительно в дневное время,—гласил закон,—рабочее время не должно превышать одиннадцати с половиною часов в сутки, а по субботам и в кануны двунадесятых праздников — десяти часов (ст. 4). Для рабочих, занятых хотя бы отчасти в ночное время, рабочее время не должно превышать десяти часов в сутки (ст. 5). В расписании праздников, в которые не полагается работы, обязательно включаются все воскресные и определенные праздничные дни. Казалось бы, все просто и ясно. Нормы точно определены. Но уже в самом законе открыты были лазейки для обхода закона. Правило о воскресном и праздничном отдыхе сопровождено было статьей 7-й: по взаимному соглашению заведующего и рабочих последние могут быть занимаемы, в отступление от ст. 6-й, работой в воскресный день взамен будничного; фабричным органам не предоставлено право препятствовать подобному соглашению — они должны быть о том лишь оповещены. Правило об $11^1/_2$-часовом рабочем дне встретило в законе невинную по форме статью о сверхурочных работах, подорвавшую, однако, все значение нормировки. „Сверхурочною считается работа, производимая рабочим в промышленном заведении в такое время, когда, по правилам внутреннего распорядка, ему не полагается работы. Сверхурочные работы допускаются не иначе, как по особому соглашению заведущего промышленным заведением с рабочими. В договор найма могут быть включаемы условия только о таких сверхурочных работах, которые оказываются необходимыми по техническим условиям производства“. Другими словами, $11^1/_2$-часовой рабочий день, это — та норма, дальше которой рабочий не обязан работать по договору найма, насколько он регулируется правилами внутреннего распорядка; да и то в этот договор, в эти правила может быть внесено условие о более продолжительном труде для „необходимых“ сверхурочных работ. Все же остальное время, сверх $11^1/_2$ часов, не регулируется правилами внутреннего распорядка, и рабочий может продавать свой сверхурочный труд по особому

соглашению с предпринимателем, до которого никому нет дела. В довершение этого законодатель предоставил надлежащим министрам, по соглашению с министром внутренних дел, „допускать, когда сие будет признано необходимым по свойству производства (непрерывность и т. д.) или по свойству работ (уход за паровыми котлами, приводами, ремонт текущий и экстренный) и в других особо важных исключительных случаях отступления от требований настоящего узаконения“ (ст. 9); следовательно, что̀ не удастся предпринимателю достигнуть соглашением с рабочими, то можно будет провести через административные власти. Закон, его нормы были уничтожены в самом же законе. И действительно, вслед за изданием закона 2 июня 1897 года, частью в согласии с ним, частью вопреки ему, началось систематическое искажение $11^1/_2$-часовой нормы и других правил о воскресно-праздничном отдыхе и ночном труде. Уже в циркуляре министра финансов 20 октября 1897 г. напоминалось чинам фабричной инспекции, что „закон не имеет в виду ставить какого бы то ни было стеснения фабрично-заводским производствам, с процветанием коих тесно связаны интересы фабрикантов и рабочих. „Закон нисколько не стесняет продолжительности работ самого промышленного заведения“. Но закон, по толкованию высшей административной власти, не стеснил и продолжительности труда рабочих. Изданные министром финансов, по соглашению с министром внутренних дел, правила 20 сентября 1897 года внесли ряд отклонений от закона 2 июня 1897 года. При 18-часовой работе заведения двумя сменами, — заявлялось в правилах 20 сентября, — число рабочих часов в сутки может быть увеличено до двенадцати (с тем, чтобы в среднем по расчету за 2 недели, рабочее время для каждого не превышало девяти часов в сутки). По отношению к рабочим, занятым непрерывными работами, т.-е. такими, которые не могут быть прерываемы в произвольное время без порчи приборов, допущено важнейшее отступление от правил (об $11^1/_2$-часовом дне, 10-часовом ночном труде, часовом перерыве при более чем 10-часовой работе и о праздничном отдыхе): для таких рабочих был дозволен труд в 24 часа в течение двух последовательных суток, т.-е. 12-часовой рабочий день, и в 30 часов в течение тех двух суток, на которые приходится ломка смен, т.-е. 15-часовой; что касается отдыха, то каждый рабочий должен быть освобождаем от работы на 24 часа сряду не менее трех раз в месяц, если число его рабочих часов в сутки не превосходит восьми, и не менее четырех раз в месяц,

если оно более восьми; другими словами, число свободных дней сокращено было с 66 до 36 и 48 в год. Отступления от тех же правил были допущены по отношению к рабочим, занятым вспомогательными работами при различных производствах (текущим ремонтом, уходом за котлами, двигателями и приводами, отоплением, водоснабжением и освещением фабрично-заводских зданий, сторожевой и пожарной службой и т. д.). Без соблюдения постановлений о продолжительности и распределении рабочего времени, празднования воскресных и праздничных дней и с отступлением от правил внутреннего распорядка, разрешено было производить: а) необходимый ремонт в случаях внезапной порчи котлов, двигателей и вообще непредвиденных расстройств в механизмах и б) временные работы в каком-либо отделе заведения в тех случаях, когда вследствие пожара, поломок и т. п. непредвиденных обстоятельств работа того или иного отделения была на некоторое время сокращена или приостановлена и когда то необходимо для полного хода других отделов заведения (ст. 15). Но и всех этих изъятий, в корне уничтожающих значение закона 2 июня, оказалось недостаточным. Законодатель, как мы видели, в самой общей форме выставил принцип: „Меня не касаются ваши сверхурочные работы". Но так как рядом с таким принципом $11^1/_2$-часовая норма становится ненужным баластом в законодательстве, то высшей административной власти пришлось установить какие-нибудь границы. В правилах 20 сентября и было разъяснено, что необходимыми сверхурочными работами, которые могут быть включаемы даже в договор найма, называются лишь „вызываемые исключительно случайными и притом зависящими от самого производства отклонениями от нормального хода"; и главное—было установлено, что число сверхурочных часов на каждого рабочего не должно превосходить 120 в год, но в это число не включаются ни обязательные сверхурочные работы, ни те, которые были исполнены рабочими по случаю внезапной порчи механизмов, пожаров и пр. (указанные выше в ст. 15). Но даже эти необъятные рамки для производства сверхурочных работ показались предпринимателям тяжелой и вредной их интересам обузой. Началась ожесточенная кампания против правил о сверхурочных работах, приведшая промышленников к победе над рабочими. Министерством финансов был издан циркуляр 14 марта 1898 г. (№ 7290), отменивший норму допустимых сверхурочных работ в 120 часов в год. Министерство открыто признало, что сделано это „по возбужденным чинами фабричной инспекции

вопросам о порядке применения закона 2 июня 1897 г., равно по поступившим в министерство финансов прошениям фабрикантов и заводчиков о разрешении в принадлежащих им заведениях некоторых отступлений от вышеозначенных правил".

Необузданному господству капитала был предоставлен полный простор. В циркуляре 15 мая 1899 года хотя и напоминали фабричным инспекторам, что на их обязанности лежит тщательно удостоверяться каждый раз в полной добровольности соглашения между заводоуправлением и рабочими о производстве необязательных сверхурочных работ, но эта обязанность, разумеется, была чисто формальной, потому что рабочий не имеет свободы выбора: как многократно было удостоверено даже фабричными инспекторами, рабочий, слабейшая сторона в договоре найма, фактически постоянно вынуждается соглашаться на сверхурочные работы. Для рабочих обязанность эта фабричных инспекторов не представляла никакого значения, потому что чины фабричной инспекции, как заявлялось в том же циркуляре, не могут препятствовать подобным соглашениям. При таких условиях от всех правил о сверхурочных работах не осталось и помина. В каком бы объеме предприниматель ни практиковал этих работ, на его обязанности до самого последнего времени было лишь незамедлительно уведомлять инспекцию, и больше ничего. Единственный оплот против бесчеловечной эксплоатации трудовых сил — требование закона об отдыхе — и тот был сорван под давлением заинтересованных сфер: сначала было признано (циркуляр 24 февраля 1898 г.), что в заведениях, где установлена восьмичасовая трехкомплектная работа, необязательно исполнение правила о предоставлении рабочим 3 или 4 свободных от работы дней; затем (циркуляр 21 апреля 1901 года) было „разъяснено", что заводоуправлениям не воспрещается вступать в соглашение с рабочими о производстве сверхурочных работ в воскресные дни.

Важнейший акт нашего законодательства был сведен к нулю.

Рабочий класс в России долгое время не составлял сколько-нибудь значительной по численности группы. Только в последнюю четверть XIX в., под влиянием усиленного роста промышленности, рабочий класс стал быстро увеличиваться в числе. В 1887 г. число

фабрично-заводских и горных рабочих составляло 1.318.048 человек, к 1897 г. оно возросло до 2.098.262, а к концу 1900 г. уже достигло почти 2.350.000 человек, при чем фабричных рабочих числилось 1.714.715 (1900) и горнозаводских рабочих — 634.000 (по данным за 1889 г.). Разумеется, этими цифрами не выражается еще истинная численность рабочего класса в России. Мы должны еще сюда присоединить сотни тысяч сельско-хозяйственных рабочих, лиц, занятых наемным трудом в ремесленной и других видах мелкой промышленности, не подчиненной надзору фабричной и горной инспекции (и не вошедших потому в вышеприведенный подсчет), наконец, сотни тысяч, если не миллионы кустарей, работающих на фабрикантов и скупщиков. Все эти лица объединены одним общим признаком, составляющим характеристическую особенность понятия рабочего, — все они продают свой труд по договору найма и получают за него заработную плату. У всех их и условия труда отличаются теми особенностями, которые позволяют говорить о наличности рабочего вопроса. Более того, нигде рабочий не подвергается такой безграничной эксплоатации, как именно в этой мелкой и кустарной промышленности, изъятой от надзора инспекции и не подчиненной действию фабричного законодательства. Статистические данные, собранные земствами, показали, что рабочий день многих категорий кустарей продолжается от 13 до 20 час. в сутки, заработная плата их нищенская, падая в некоторых промыслах до 5—10 коп. в день, при чем санитарная обстановка труда прямо ужасна, женский и детский труд эксплоатируется неограниченно. Все это говорит за то, что рабочий вопрос в России не ограничивается одними фабрично-заводскими рабочими, что при оценке всей его огромной общественной важности не надо забывать миллионов тружеников, не входящих в категорию фабричных, но требующих такого же, если не более решительного, вмешательства государственной и общественной власти.

Было бы, однако, большим заблуждением думать, что законодательная охрана фабрично-заводских рабочих достигла уже своей конечной цели. Ни одно западно-европейское государство не имеет такого отсталого и реакционного фабричного законодательства, как наше. Продолжительность рабочего дня, составлявшая по закону 2-го июня 1897 г. $11^1/_2$ час., была административным путем увеличена для так называемых непрерывных производств до $12^1/_2$ часов, тогда как даже ультра-буржуазная Франция, имевшая самое отсталое законодательство, не только не решилась сделать

шаг назад, но пошла вперед и признала необходимым переход к 10-часовому рабочему дню. У нас до сих пор еще не вполне запрещен ночной труд женщин и несовершеннолетних, не принято никаких мер к охране беременных работниц, не обеспечено школьное образование малолетних, не поставлено границ сверхурочным работам; мало того, установленное в законе ограничение сверхурочных работ 120-ю часами на 1 рабочего в год было затем отменено 14 марта 1898 г. административной властью министра финансов.

Основная точка зрения нашего фабричного законодательства— посильное ограждение интересов предпринимателей — станет особенно ясным, если мы остановим свое внимание на тех частях нашего законодательства, которые говорят об обязанности предпринимателей по врачебной помощи рабочим и вознаграждения их за несчастные случаи.

Если не считать узаконений, представляющих земским и городским учреждениям издавать обязательные постановления об устройстве и порядке содержания промышленных заведений в санитарном отношении, и статей устава о промышленности, возлагающих на губернские по фабричным делам присутствия издание таких же постановлений о врачебной помощи рабочим (ст. 52-я) и воспрещающих взыскания с последних платы за нее (ст. 102-я),—то все материальное содержание действующего права по интересующему нас вопросу сведется к одному правилу: высочайше утвержденным 26 августа 1866 г. положением комитета министров постановлено, „в виде временной меры“, чтобы „при фабриках и заводах, имеющих 1.000 рабочих, было устроено больничное помещение на 10 кроватей, выше 1.000—на 15 и более, ниже 1.000—на 5 и более кроватей, по расчету 1% на 100 человек“.

Исходя из органической связи между промысловым трудом и заболеваниями рабочих, можно бы думать, что закон относится ко всем вообще фабрикам и заводам, независимо от их размеров; что центр тяжести его лежит в словах „по расчету 1% на 100 человек“, — так понимал смысл закона и государственный совет в 1867 г., — все же остальные приведенные цифры имеют лишь значение примеров. Но что значит „по расчету 1% на 100 человек“? Обязан ли фабрикант устраивать больницу, если на фабрике занято менее 100 рабочих, и должна ли больница в таком случае иметь не менее 5 кроватей“.

Различию в толковании закона соответствовало такое же различие и в применении его местными присутствиями: если циркуля-

ром медицинского департамента от 11-го июля 1887 г. и было закреплено буквальное толкование закона в том смысле, что при 100 рабочих требуется одна кровать, при 200 — две и т. д., то одни присутствия по фабричным делам обязывали к организации правильной и полной врачебной помощи владельцев всех фабрик, подчиненных надзору инспекции, другие требовали этого только от фабрик с числом рабочих не менее 50, третьи — 100 и более, четвертые — при 300 и более рабочих, освобождая фабрики с меньшим числом от устройства больниц и возлагая на них лишь амбулаторное лечение рабочих.

Затруднения по толкованию и применению действующего закона еще более усилились при сопоставлении его с правилами о больничном сборе, установленном в разное время в десяти городах (Петербурге, Иванове-Вознесенске, Харькове, Кронштадте, Москве, Владивостоке, Одессе, Ростове-на-Дону, Варшаве и Николаеве). Так как сбор этот, взимаемый и с фабричных рабочих, дает последним право требовать от городов бесплатной врачебной помощи, то владельцы в этих городах могли считать себя освобожденными от обязанностей, возложенных на них положением комитета министров. И действительно, некоторые присутствия, как московское, петербургское, варшавское, ссылаясь на установленные в этих городах больничные сборы и на обязанность городов оказывать врачебную помощь рабочим, уплачивающим этот сбор, освободили фабрики и заводы от устройства больниц.

При такой неопределенности требований закон мог получить на практике слишком слабое применение. И действительно, современная организация врачебной помощи рабочим, сложившись под непосредственным влиянием распорядителей деятельности фабричных присутствий, „клонившейся — по уверению составителей законопроекта — к облегчению владельцев фабрик“, представляет злую насмешку над законом. Официальное исследование, произведенное в 1898 г., показало, что из 19.292 промышленных заведений, подчиненных действию фабричной инспекции в 1897 г., врачебная помощь в том или ином виде оказалась лишь в 3.488 фабриках и заводах, т.-е. в 18% всего их числа, с 1.017,309, или 69,9% рабочих. Таким образом, 15.804 фабрики с 436.616 рабочими не оказывали последним никакой врачебной помощи. При этом оказалось, что чем мельче предприятие, тем хуже организована помощь: в то время, как среди 194 фабрик, имеющих по 1.000 рабочих и более, врачебная помощь представлялась в 95,4% предприятий

(185) с 94,7% рабочих (400,836 человек), в группе мелких фабрик, имеющих не свыше 15-ти рабочих, таких оказалось всего 1,7% с 2,8% рабочих.

Однако,—болезнь еще из меньших зол. Среди грохота машин, тесно расставленных в фабричном корпусе и движущихся с быстротой нескольких тысяч оборотов в минуту, в чаду литейных, где расплавленный металл, искрящийся миллионами огненных брызг, течет горящим потоком у ног рабочего, в сырых и темных подземных шахтах, где стихийные силы природы грозят обвалом, пожаром и наводнением, рабочий стоит лицом к лицу со смертью и другими несчастными случаями, готовыми превратить крепкого человека в жалкого калеку. Трудно себе представить, каких огромных жертв в виде несчастных случаев требует от рабочих промышленность. Германская статистика показала, что промышленные и сельскохозяйственные предприятия дают в год (1899) до 440.000 несчастных случаев, легких и тяжелых, между тем как во время франко-прусской войны потери немцев убитыми, ранеными и выбывшими из строя составили 128.000 человек. В России, где промышленность слабее развита и где статистика несчастных случаев до самого последнего времени почти не регистрировалась, общее число жертв значительно меньше, чем у наших соседей, но все же оно велико и у нас. По официальным сведениям, в подчиненной надзору инспекции фабричной промышленности произошло (в 1901 г.) 27.135 несчастных случаев, в горной же и горнозаводской (1899) 13.321, не считая некоторых заводов, перешедших в министерство финансов и давших (в 1898 г.) 7.693 несчастных случая в двух только заводах—Путиловском и Невском; по другому официальному источнику, после произведенного нами подсчета число несчастных случаев в горной промышленности определилось в 12.457 (1901 г.), не считая казенных заводов, относительно которых в „отчете“ вовсе не имеется данных. Но ни та, ни другая статистика, дающая до 50.000 несчастных случаев для фабричной и горнозаводской промышленности, не выражает истинной величины явления, потому что регистрация несчастий ведется у нас крайне неполно, как это признают официальные издания; действительное число несчастных случаев должно быть, по крайней мере, втрое или даже вчетверо больше, чем показано, т.-е. от 150 до 200 тысяч в год. Надо ли доказывать, как необходима помощь рабочим, пострадавшим от несчастных случаев, какое огромное значение с общественной точки зрения имеет правильное решение этой задачи...

Беспристрастное наблюдение над промышленной жизнью приводило к выводу, что огромное большинство несчастных случаев с рабочими вытекает из самого технического процесса производства, из условий и обстановки производства; что вопрос о виновности или невиновности предпринимателя не имеет почти никакого значения, так как несчастные случаи неразрывно связаны со всем техническим прогрессом, и если ограждениями машин и другими мерами предосторожности и может быть сокращена численность катастроф с рабочими, то совершенно их предупредить при современной технике нет никакой возможности; что если в некоторых случаях несчастие и происходит по вине или неосторожности рабочего, то не надо забывать, при каких условиях производится работа в фабричных и заводских помещениях: когда рабочий проводит по 12 часов в душной, смрадной, шумной мастерской, чувство осторожности, свойственное нормальному человеку в нормальной обстановке, должно естественно притупиться (статистика показала, что большинство несчастных случаев приходится не на первые, а на последние часы работы). Если можно говорить о вине, то лишь о „вине предприятия", т.-е. о профессиональном риске. В виду этого законодательство об ответственности предпринимателей должно быть построено на более близких к промышленной жизни основаниях: рабочий не должен доказывать связи между действиями предпринимателя и несчастным случаем; наоборот, предприниматель должен отвечать за всякое несчастие с рабочим, происшедшее вследствие или во время производства; от этой ответственности он может быть освобожден, если докажет, что несчастие произошло вследствие действия стихийных сил природы или по злому умыслу потерпевшего.

В чем заключается содержание закона 2 июня 1903 г.? — „При несчастных случаях в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности владельцы предприятий обязаны вознаграждать рабочих за утрату долее, чем на три дня, трудоспособности от телесного повреждения, причиненного им работами по производству предприятия или происшедшего вследствие таковых работ". От обязанности вознаграждать рабочих и членов их семейств (если последствием несчастного случая была смерть) владелец предприятия освобождается „только в том случае, если докажет, что причиною несчастного случая были злой умысел самого потерпевшего или грубая неосторожность его, не оправдываемая условиями и обстановкою производства работ". Вознагра-

ждение самих потерпевших производится в виде пособия: со дня несчастия по день восстановления трудоспособности или признания утраты ее постоянною,—в размере половины заработка потерпевшего, и пенсии, назначающейся в случаях постоянной утраты трудоспособности: при полной ее утрате — в размере $^2/_3$ годового содержания потерпевшего, а при неполной — в уменьшенном размере, соответственно степени ослабления трудоспособности; кроме того, предприниматель обязан возмещать потерпевшему расходы по лечению впредь до излечения или прекращения лечения. В случае же смерти потерпевшего, последовавшей немедленно за несчастным случаем, или же во время лечения, или же не позднее двух лет со дня несчастного случая, если лечение было прекращено ранее, владелец предприятия обязан: 1) уплатить на погребение (30 руб. на взрослого и 15 руб. на малолетнего) и 2) выдавать пенсии: а) вдове,—в размере одной трети годового содержания умершего, пожизненно; б) детям обоего пола: законным, узаконенным, усыновленным и внебрачным, а равно воспитанникам и приемышам, до достижения ими 15-летнего возраста, каждому—в размере одной шестой при жизни одного из родителей и одной четвертой круглым сиротам; в) родственникам в прямой восходящей линии, пожизненно, каждому — в размере одной шестой, и г) братьям и сестрам, круглым сиротам, до достижения ими 15-летнего возраста каждому—в размере одной шестой. Общая совокупность пенсий названным членам семейства рабочего не должна превышать $^2/_3$ годового его содержания. По взаимному соглашению сторон, пенсии могут быть заменяемы единовременными выдачами в размере десятикратного годичного пенсионного платежа (для малолетних пенсионеров — по числу лет, в течение которых они имеют право на пенсию). Размер вознаграждения в каждом отдельном случае определяется порядком, указанным в законе; фабричный инспектор (для горной промышленности — окружный) является той инстанцией, которая проверяет правильность состоявшегося между сторонами соглашения или приводит их к соглашению, а при несогласии между ними дает заключение о праве потерпевшего на вознаграждение и о размерах последнего. В такого рода случаях потерпевшие должны искать вознаграждения судом, при чем для предъявления исков о назначении вознаграждения полагается двухлетний срок. Пенсии и пособия не могут быть обращаемы на пополнение казенных и частных взысканий, причитающихся с вознаграждаемых рабочих или их семейств; право на вознагра-

ждение не может быть закладываемо, отчуждаемо или иным образом передаваемо. Настоящие правила применяются к вознаграждению не только рабочих, но и служащих, обязанных присутствовать при производстве работ и получающих годового содержания не свыше 1.500 руб.

Вот что говорит новый закон...

Всякий закон имеет цену лишь постолько, поскольку им достигается конечная его цель. К сожалению, правила 2-го июня, не давая гарантий, что права увечных будут определены в точном согласии с законом, не представляют увечным никакого обеспечения и в том, что они получат причитающееся им вознаграждение. В этом заключается самая слабая сторона закона. Закон возлагает материальную ответственность на владельцев предприятия, в котором произошло несчастье; следовательно все будущее несчастных калек зависит от материального благополучия предпринимателя, и если в его делах произойдет крах, все права увечных мигом превратятся в пустой звук. Если владелец предприятия состоятелен, то и в этом случае право увечных зависит от доброй его воли; сколько мытарств придется пережить им, прежде чем они получат свою пенсию. Чтобы понудить владельца к платежу, в законе установлена одна только карательная мера — пеня в размере... 1% в месяц, и только при шестимесячной просрочке он обязуется обеспечить платежи страхованием. Но какими мерами можно понудить предпринимателя к страховке — об этом в законе нет никаких указаний, потому что... его и нельзя понудить. В одной из более ранних редакций закона, при неисполнении предпринимателем этой обязанности, фабричный инспектор входил в суд с прошением об объявлении владельца несостоятельным должником; при такой угрозе можно быть уверенным, что предприниматели действительно выполнили бы свое обязательство, но теперь, за неимением в законе какой бы то ни было карательной статьи, исполнение требований закона предоставлено доброй воле каждого владельца, его порядочности и совестливости. Ровно никакого значения по тем же основаниям не имеет и обязательство страхования в случае добровольного закрытия предприятия. Так как обязанность по вознаграждению увечных составляет чисто личное, а не вещное право, то и при продаже предприятия другому лицу всем увечным, имеющим требования к предпринимателю, грозит опасность умереть с голоду: закон говорит, что при добровольном отчуждении предприятия обязательства „могут быть возложены

на нового владельца", если же такого соглашения о переходе обязательств нет, то владелец обязан застраховать увечных или, вернее, — так как закон наш не грозит, подобно итальянскому, штрафом в 4.000 лир за незастрахование рабочих, — ничего не обязан сделать. Надо ли говорить, что в случае несостоятельности предприятия, все заботы законодателя, выражающиеся в причислении требований увечных к долгам первого разряда, не могут иметь почти никакого практического значения. Таким образом, ни в одном случае закон, в сущности, не обеспечивает за потерпевшими реального вознаграждения: все оно — в правах, льготах, словом—в одной лишь мечте. Не трудно, конечно, понять, что подобного рода отношение к нуждам увечных могло возникнуть только при неумеренном покровительстве интерсам капитала. Необеспеченность увечных неизбежно связана с принципом индивидуальной ответственности, и если уж решено было отдать ему предпочтение перед другими, необходимо было обставить этот принцип известными гарантиями в пользу потерпевших. Практика европейских государств показывает, что нежелательные последствия индивидуальной ответственности могут быть в значительной степени обезврежены. Чтоб обеспечить увечных от нищеты и горя, стоило только последовать примеру Италиии или Франции. В Италии законодатель постановил, что предприниматели обязаны звстраховать своих рабочих от всех предусмотренных в законе несчастных случаев, предоставляя им произвести страхование в любом из учреждений — в коммерческих, или страховых обществах, или в национальной страховой кассе, в фабрично-заводской кассе или в обществах взаимного страхования; ответственным остается отдельный предприниматель, но он безусловно обязан перенести свой риск на страховое учреждение. Еще оригинальнее разрешила задачу Франция: не признав возможным обязательное страхование, закон создал особого рода государственную гарантию в виде специального фонда, образуемого из поступлений добавочного налога в 4 сантима со всех промышленных предприятий (т.-е. 4% надбавки к патентному сбору) и в 5 сантимов с гектара горной разработки; если несчастный случай влечет за собою смерть или постоянную потерю трудоспособности, то вознаграждение потерпевшим уплачивается из фонда гарантии „национальной рентой кассы на случай старости"; касса эта взыскивает потом с отдельного предпринимателя или страхового учреждения, в котором были застрахованы потерпевшие. И у нас, следовательно, было возможно создать известное обеспечение увеч-

ным, и если это не сделано, то об этом можно только глубоко пожалеть. Защитники нового закона, конечно, ссылаются на добровольное страхование рабочих, как на неизбежное последствие, но ведь и во Франции подобное страхование было широко распространено, и законодатель, тем не менее, не счел возможным обойтись без серьезного к нему корректива.

(М. Г. Лунц — Сборник статей.)

---

61. Фабричный быт.

Не вдаваясь в подробный перечень всех занятий, выполняемых малолетними рабочими на различных фабриках и при различных производствах, так как для этого пришлось бы мне перечислять почти все существующие занятия, я буду говорить только о тех операциях, в которых малолетние работают по преимуществу, а равно и о тех, которые представляются почему-либо особенно тягостными для них или занимают сравнительно много детских рук.

При прядильном собственно производстве, с его приготовительным отделением, к которому относятся сортировочные мастерские, трепальные, чесальные, банкоброшные и ленточные машины, малолетние работают во всех мастерских; но наибольшее число их находится в прядильном отделении, при прядильных машинах в качестве присучальщиков и ставильщиков на ватерах, в качестве ватерщиков и съемщиков. Занятие первых заключается главным образом в присучивании обрывающейся пряжи; ставильщики же следят за катушками: снимают те, с которых сошла вся пряжа, и ставят на место их новые катушки; кроме того, на их же обязанности часто лежит подметание пола в прядильной мастерской и сметание пыли с брусьев машины. Прядильные мастерские на всех осмотренных мною фабриках всегда представляли очень обширные залы, с огромным кубическим содержанием воздуха и сравнительно наименее пыльные. Но зато на всех прядильных фабриках работа постоянно идет день и ночь, за весьма немногими исключениями, да и то иногда только временными, с 6-часовыми сменами, а на некоторых фабриках — с 8-часовыми сменами, т.-е. одну неделю они работают 8 час., а другую — 16 час. в сутки. Все рабочие в этих мастерских обыкновенно получают сдельную плату и всякая остановка машины есть потеря

для них, а также, конечно, для самого фабриканта; поэтому малолетним приходится постоянно быть в напряженном состоянии, ибо ни прядильные каретки, ни ватера ни на минуту не останавливаются, — и все операции малолетний проделывает во время хода машины. Вследствие этого ему приходится беспрерывно бегать от одного места к другому и нагибаться, следя за тем, чтобы, при малейшей оплошности, не быть раздавленным кареткой. Хотя на всех почти осмотренных мною прядильнях существуют объявления, которыми запрещается чистить машины на ходу, но это никогда не исполняется; по крайней мере я ни разу не видел, чтобы для сметания, например, пуха с брусьев останавливались каретки: операция эта постоянно производится ставильщиками во время движения ее; а между тем, благодаря таким порядкам, ставильщики и присучальщики рискуют каждую минуту быть раздавленными ею. Причина тому, кроме уже упомянутой выше (уменьшение от остановки количества выделываемой пряжи), заключается еще и в том, что от остановки машины портится пряжа, за что прядильщики штрафуются. Господствующая в прядильнях очень высокая температура еще более, конечно, утомляет малолетних в этих мастерских.

В приготовительном отделении прядилен в весьма значительном числе работают малолетние на банкоброшах и на ленточных машинах, на разного рода чесальных, а иногда и на трепальных. Отделение это, в противоположность собственно прядильному, обыкновенно очень пыльно, особенно там, где находятся трепальные и чесальные машины, и где нет достаточных приспособлений для удаления пыли. На банкоброшах и ленточных машинах исключительно работают девочки; на остальных же — мальчики, в качестве холстовщиков, тазовщиков, пуховщиков, ваточников и т. д. Благодаря постоянно господствующей в таких мастерских пыли, работающие здесь дети всегда почти отличаются более болезненным видом с признаками иногда уже сильной анемии и малокровия, чем в прядильном отделении. Но в особенности страдальческий вид имеют дети, работающие на льнопрядильных фабриках; объясняется это очевидно тем, что при обработке льняной пряжи, несмотря даже на устройство весьма сильных вентиляторов, как это, например, существует на фабрике Демидова, в мастерских, где помещаются карды (чесальные машины), воздух сильно насыщается пылью, которая по составу своему, пожалуй, еще вреднее пыли от хлопчатой бумаги, ибо вместе с льняною пылью отделяется

много твердых частиц, состоящих из кремне-кислых соединений и так называемой костры; вот почему у $^1/_3$ детей я нашел глаза и веки красными от воспаления и от трахомы. Самые карды на льнопрядильных фабриках, как и на других, представляют собою одну из очень опасных машин, так как они заключают в себе множество открытых так называемых вальянов, очень часто служащих причиною несчастных случаев. Между тем, на этих-то именно машинах весьма много сравнительно работает малолетних. На Муромской, например, мануфактуре, из 21 человека всех кардовщиков, малолетних до 15 лет было 12 человек, следовательно, 57 слишком процентов. Не менее вредным на льнопрядильных, нам кажется, и то обстоятельство, что на ватерах пряжа обрабатывается мокрым путем, т.-е. льняная ватерная пряжа постоянно проходит через воду, находящуюся в жолобах ватеров. Вода эта насыщается от пряжи разлагающимися органическими веществами и, испаряясь, наполняет ими воздух мастерской.

На фарфором заводе № 49 дети до 15 лет всего более работают в живописной, где они занимаются расписыванием и разрисовкой фарфоровой посуды. Живописная этого завода состояла, при моем посещении, из двух, хотя и довольно больших, но переполненных комнат. В них работает 322 человека; вся эта масса рабочих занимается расписыванием посуды красками, растворяемыми почти исключительно в скипидаре. От этого в живописных господствует чрезвычайно сильный запах скипидара, с примесью запаха разных красок, несмотря на то, что в каждой комнате находятся закальные печи, представляющие собою естественные вентиляторы. Я посетил завод летом, когда все окна были растворены, — и, несмотря на то, воздух в живописной был почти невыносим; после этого можно представить себе, каков должен быть воздух в этих мастерских зимою. Затем, малолетние на заводе № 49 занимаются в значительном числе формовкой посуды, в качестве точильщиков и подавальщиков, а один из малолетних был даже занят обточкою ее (шлифованием), — одною из самых вредных операций во всем производстве. Подавальщики приготовляют руками для точильщиков лепешки известной величины и толщины из мягкой и вязкой массы каолина; точильщики же берут эти лепешки, кладут в форму и вытачивают из них требуемую посуду: блюдца, чашки, чайники и т. д. Более уже опытные подавальщики делают руками ручки к чашкам и чайникам и прилепляют их к сделанной точильщиком посуде. Все эти мастерские крайне

пыльны, отчего рабочие, и в особенности подавальщики, покрыты бывают с ног до головы белою пылью фарфоровой глины, как мукою. За исключением обжига, где работа идет день и ночь, при всех остальных операциях фарфорового производства рабочие заняты только днем в течение 12-ти часов, не считая тут перерывов.

Огромное большинство малолетних, работающих на осмотренных мною фабриках, живет в семьях; при чем последние находятся или в нанимаемых ими вне фабрики квартирах, или в ближайших деревнях, в собственных домах, или на фабрике—в семейных каморках фабричных казарм. Только в немногих случаях мне пришлось встретить общие казарменные помещения, где вместе со взрослыми спят на нарах и малолетние. Такие именно помещения существуют на медно-литейном заводе № 46, они имеют вид простых сараев с нарами, расположенными по обеим сторонам у продольных стен. Постелью рабочих в этих казармах служит обыкновенно собственная их одежда или разная рвань, и только изредка попадаются набитые соломою мешки. На ткацкой и ситцепечатной фабрике № 23 имеются тоже казармы с общими спальнями, где все рабочие — и взрослые, и малолетние — спят вместе на нарах. Но спальни эти устроены несравненно лучше предыдущих: в них на нарах у каждого рабочего имеются мочальные матрацы, даваемые от фабрики, вместе с одеялами и подушками. Такие же точно общие казарменные спальни, но с одними только матрацами от хозяина, я нашел на ситцепечатной фабрике № 34. На ситцепечатной фабрике № 35 для подстилки нар давалась от хозяина общая кошма. На миткалеткацкой № 17 существует небольшая казарма на 20 человек с постельными принадлежностями от рабочих. Далее, на многих шелкоткацких рабочие, без различия пола и возраста, спят на самых станах; но малолетние здесь были все при родственниках. Наконец, на фабриках № 7 и № 8 имеется тоже несколько казарм с нарами, разделенных на небольшие общие спальни, из которых одна (на фабрике № 8) для ткачей была крайне тесна и грязна. Но фабричная администрация имеет в виду скоро ее упразднить и переместить из нее всех рабочих в новую казарму, постройка которой в скором времени должна кончиться. На торфяных болотах малолетние вместе с взрослыми спят также в общих казармах.

Что касается жилых помещений, специально предназначенных для малолетних, то таковых мне пришлось встретить еще менее,

чем общих казарм. Общая казарма для малолетних мальчиков существует на мануфактуре № 7. Казарма эта довольно просторная, но содержится неопрятно; на нарах имеются очень грязные и истрепанные матрацы, выдаваемые от фабрики. На фарфоровом заводе № 49 малолетние, преимущественно сироты, о которых было упомянуто выше, также отделяются на ночь от взрослых рабочих, но в таких помещениях, которыми заводская администрация уже никак похвалиться не может. В самом деле, в них все сироты живут в кухне, очень тесной, судя по числу их (44 чел.); при чем, по словам сопровождавшего меня смотрителя, они спят на чем попало — на обеденных столах, на досках, положенных одним концом на столы, а другим на подоконники, на кухонной печке и, по всей вероятности, на полу. На лето им отводится для спанья сарай, где просушивается материал, вследствие чего помещение это наполнено пылью, — и все найденные мною там рабочие были покрыты ею с ног до головы. Общие казарменные помещения исключительно для малолетних, тесные и грязные, существуют также на фабриках № 10 и № 12. О жилых помещениях в ремесленных заведениях я уже говорил.

Говоря о жилых помещениях для малолетних рабочих, нельзя не упомянуть и о существующих при фабриках местах для призрения младенцев тех матерей-работниц, которые, будучи заняты на фабрике, не имеют времени сами их призревать. Из всех осмотренных мною фабрик только на Никольской мануфактуре Саввы Морозова существует для этой цели специальное учреждение: при больнице этой фабрики устроен приют с колыбельной на 70 коек, куда принимаются не только младенцы, но вообще все дети до 5-ти лет, во время занятий матерей на фабрике. Дети в приюте и колыбельной пользуются полным содержанием и уходом. Для надзора за ними имеется смотрительница с помощницей (старшей нянькой) и 12 нянек, нанимаемых из живущих, но не работающих на фабрике женщин. Приносимых детей в приют и колыбельню в прошлом 1882 году было около 60 человек в день. Кроме того, в том же году здесь воспитывалось постоянных 8 сирот (3 мальчика и 5 девочек), получавших полное содержание. Помещение для приюта с колыбельной просторно, содержится чисто и вообще удовлетворительно.

На всех остальных фабриках нет и помину о колыбельнях. Младенцы, во время работы матерей, призреваются обыкновенно живущими в семьях рабочих неработающими женщинами, большею

частью старухами: при чем иногда приходилось видеть под надзором таких старух по несколько младенцев, из числа которых были и не принадлежащие к семье, где жила старуха. Старухи эти иногда принимают на свое попечение, но за вознаграждение от $2^1/_2$ до 3 рублей в месяц, детей и неживущих в каморке матерей, отчего и без того уже тесные вообще семейные каморки рабочих бывают иногда, правда временно, совершенно переполнены народом. Но уход за младенцами даже и при таких условиях не везде практикуется; обыкновенно дети работающих на фабрике отцов и матерей остаются без всякого присмотра. Грудные же младенцы все время в отсутствие матерей кормятся только сосками. На одной лишь только Ставровской мануфактуре Баженова для женщин, кормящих грудью, полагается, по словам директора, перерыв в два часа — от 8 до 9 утра и от 4 до 5 час. вечера, не считая тут перерыва в полтора часа, с 12 до $1^1/_2$ час. для обеда.

На фабриках Владимирской губернии обыкновенно всем рабочим выдаются расчетные книжки, в которых заключаются печатные или писанные условия найма.

Не считая возможным изложить все разнообразные правила и условия найма, заключающиеся в расчетных книжках, я ограничусь здесь только указанием на более или менее общие всем осмотренным мною заводско-фабричным и ремесленным заведениям, а также и на те, которые по своим особенностям заслуживают почему-либо особого внимания.

Наиболее общим правилом, которое, впрочем, не всегда заносится в расчетные книжки, на владимирских фабриках можно считать то, что с каждого рабочего, в виде залога, удерживается конторой известная часть заработка, которая выдается только при окончательном расчете. Правило это практикуется преимущественно на тех фабриках, где рабочие нанимаются на известный срок. Затем, на владимирских фабриках почти постоянно практикуется, хотя также не всегда упоминается в книжках, правило, по которому за книжку вычитается от 5 до 10 и 15 коп.; но в то же время рабочий не имеет права отказываться, если то окажется нужным, от назначения его на другую работу, при чем ему выдается нередко новая книжка, за что снова взыскивается с него та же плата. Точно так же и в таком же размере взыскивается с рабочего и за простые разлинованные тетрадки.

В большинстве книжек заключаются сначала извлечения из законов, а потом следуют собственно условия или „правила“, как

то: о сроке найма, о времени получения вознаграждения, о харчевом продовольствии, о жилых помещениях, о прогульных днях и о размере штрафа за них. Чаще всего за прогульные дни, а также за уход с фабрики ранее условленного срока, полагаются следующие взыскания: за прибытие на фабрику после звонка или свистка, спустя 5, 10 или 15 минут, штраф, равняющийся одному рабочему дню, за прогул целого дня — штраф в размере стоимости двух, а подчас и трех рабочих дней. За уход ранее условленного срока удерживается обыкновевно полумесячный заработок, если рабочий не объявит об этом за две недели ранее, но иногда—месячный и даже полуторамесячный. На обойной фабрике № 40 рабочий, ушедший ранее срока и не заявивший о своем уходе хозяину за две недели, лишается двухнедельного заработка, а при необъявлении за две недели — всего своего заработка за последний месяц, а также и залога. На ситценабивной фабрике № 33, в виде залога, у каждого рабочего ежемесячно удерживается по 20%, которые и остаются за конторой в случае ухода его ранее срока, а также и в том случае, когда хозяину почему-либо вздумается отказать рабочему. На одних фабриках в расчетных книжках указываются очень подробно все взыскания за разного рода проступки рабочих, на других же — в книжках, кроме извлечения из законов, нет никаких правил и условий найма, а иногда условия найма в книжках бывают только рукописные; из числа последних заслуживают внимания выдаваемые рабочим на фабрике № 25. В ней, между прочим, заключаются следующие условия для ручных ткачей: 1) в течение шести рабочих дней непременно сдать в контору два куска сработанного товара; в противном случае рабочий подвергается штрафу за недоработку в количестве 50 коп.; 2) подвергается штрафу в 15 коп. с куска за близны, помехи, подковыры и подплетины; 3) подвергается вычету, по 60 коп. за фунт, за сырой товар, когда, по высушке его, окажется в нем недостача веса; 4) 60 коп. за фунт — за провес сверх назначенной на утерю скидки; 5) скидка на утерю полагается $1^1/_2$ фунта с пуда. Условия эти, без чрезмерного напряжения сил со стороны рабочего, положительно невыполнимы. И действительно, ткачи на фабрике № 25, по словам самого хозяина, работают чуть не 20 часов в сутки, уделяя себе на сон не более 2—3 часов.

Вообще ни при одном производстве рабочие не обременены так разного рода правилами, касающимися преимущественно технических недостатков работы и несоблюдение которых с их стороны

влечет за собою штрафы и вычеты, как при ткацком; трудно даже представить себе ткача, который был бы в состоянии выполнить все предъявляемые ему требования и, не взирая на его старания и искусство, не подвергся бы несколько раз в году за что-либо штрафу или вычету.

На фабрике № 10 всех штрафов с пасхи 1882 г. по пасху 1883 года по прядильному и ткацкому отделению, приблизительно на 1300 человек, было: за прогул — 342 р. 80 к., за порчу товара — 4628 р. 58 к. и за разные другие проступки — 1316 р. 6 к.; итого — 6287 р. 44 к., или около 5 р. (4 р. 88 к.) в год с каждого рабочего.

Но кроме штрафов и вычетов за перечисленные выше проступки, на многих фабриках делаются еще вычеты за медикаменты, за баню, за дрова, уголь и воду, а также за некоторые инструменты, о чем было уже сказано выше.

Вычеты за медикаменты в общей сумме иногда превышают стоимость содержания всей больницы или лечебницы. Так, на мануфактуре № 1 за баню и медикаменты с каждого рабочего вычитается по 25 коп. Полагая даже, как это заявлял директор этой мануфактуры, что за медикаменты собственно вычитается только 10 коп. в месяц, или 1 р. 20 к. в год, то и из такого вычета составится за год со всех рабочих (2000 чел.) сумма в 2400 руб., между тем как содержание больницы на этой фабрике обходится только в 1845 р. 36 к. в год. Полагая за баню по 15 коп., выходит, что содержание ее при топке 3 раза в неделю (1 раз — для мужчин, 1 раз — для женщин и 1 раз—для стирки белья) обходится будто бы в 300 руб. каждый месяц. На льняной фабрике г. Д. со всеми ее отделениями (№№ 5, 20, 37 и 59), на которой работает 3336 человек, за медикаменты и за баню вычитается по 30 коп. в месяц с каждого рабочего, без различия возраста и пола. Если и тут за медикаменты положить по 10 коп. с рабочего, то получится сумма в 4003 р., тогда как содержание больницы стоит только 2579 р. 80 к. Одна же баня, разделенная на две половины (мужскую и женскую), при одной топке в неделю, по этому расчету обходится хозяину будто бы в 667 руб. с лишком в месяц.

На бумагопрядильных фабриках средний ежемесячный заработок равняется у мужчин с малолетними немного более 10 рублей (10 р. 18 к.), а у женщин, тоже с малолетними, более 8 рублей

(8 руб. 33 коп.), считая тут самый полный месяц по числу рабочих (25) дней, без прогулов. Что же касается малолетних обоего пола, то, принимая во внимание средний минимум заработка у тазовщиков, съемщиков, ставильщиков, ватерщиков, моталок, ленточниц и банкоброшниц, ежемесячный заработок их простирается на бумагопрядильных до 6 руб. (5 р. 92 к.); при чем максимум достигает 8 руб. 22 коп. (банкоброшниц), а минимум спускаются до 3 р. 56 к. (у съемщиков).

На льнопрядильных таким же образом вычисленный средний ежемесячный заработок рабочих мужского пола равен также 10 р. 18 к., женщин — 7 р. 83 к. и малолетних, считая съемщиков, ленточниц и минимум у кардочников — около 5 р. (4 р. 83.); при чем максимум составляет 5 р. 66 к., а минимум — 3 р. 83 к.

На механических и ручных ткацких фабриках средним числом получают: мужчины — 16 р. 5 коп., женщины — 11 р. 53 к. и малолетние, считая заработок подавальщиков и минимум у моталок с цевочниками — 5 руб. 46 коп..

На красильных, ситцепечатных и отбельных — взрослые мужчины — 20 р. 30 к., женщины — 8 р. 59 к. и малолетние, считая только минимумы у всех отмеченных в таблице, — 6 р. 66 к.

На ручных набивных фабриках, в запарных отделениях и на одной обойной фабрике взрослые рабочие мужского пола — 17 р. 53 к., женщины (сшивалки) — 8 р., и малолетние—5 р. 65 к.

На слесарных, механических слесарных и чугунно-литейных взрослые мужчины зарабатывают 24 р. 97 к.; ученики и малолетние — 8 р. 93 к.

На хрустальных и стеклянных заводах взрослые мужчины — 19 р. 25 к., малолетние (хлопцы) — 4 р. 33 к.

На бумагоделательных фабриках взрослые мужчины — 14 р. 28 к., женщины — 7 р. и малолетние — 4 р. 79 к.

На химических заводах средний ежемесячный заработок взрослых мужчин равняется 15 р. 37 к.

На спичечных заводах мужчины-мастера (макальщики, ставщики и строгали соломы) зарабатывают средним числом 12 р. 50 к., малолетние обоего пола — 3 р. 50 к., максимум до 5 р. и минимум 1 р. 50 к. в месяц.

На кирпичных заводах средний ежемесячный заработок достигает — 19 р. 22 к.

На кожевенных заводах — 11 р.

На торфяных болотах взрослые мужчины зарабатывают средним числом около 38 р. в месяц, женщины — 5 р. 43 к. и малолетние обоего пола — 2 р. 82 к.

Наконец, в ремесленных заведениях взрослые мужчины получают средним числом в месяц:

	Взросл. мужч.	Ученики.
В типографиях	14 р. 66 к.	7 р. — к.
В булочных	11 р. 90 к.	3 р. 48 к.

	Взрослые.		Малолетние.	
	Мужчины.	Женщины.	Мальч.	Девоч.
В модном магазине и магазине готового платья	20 р. 20 к.	10 р.	6 р.	0

В сапожном заведении Смирнова взрослые мужчины зарабатывают 6 р. 75 к. в месяц.

В овчинно-шубных: взрослые мужчины — 12 р. 83 к., малолетние — 6 р. 33 к.

Что касается до фарфорового завода Кузнецова и медно-латунного Шапошникова, то на первом средний заработок в месяц равняется 16 р. 50 к., а на втором взрослые мужчины зарабатывают средним числом 22 р. 44 к., а малолетние — 2 р. 20 к.; максимум — 3 р., а минимум — 1 р. в месяц.

Если сравнить между собою эти средние выводы, то окажется, что из мужчин наибольший заработок получают рабочие на торфяных болотах и на слесарно-механических заводах с чугунно-литейными; а наименьший, если не считать сапожного заведения Смирнова, на прядильных фабриках. Женщины всего более зарабатывают на механических и ручных ткацких и, наоборот, меньше всего — на торфяных болотах. Малолетние наиболее высокую плату получают на слесарных с чугунно-литейными заводами и самую низкую — на медно-латунном заводе Шапошникова а также — на торфяных болотах.

О состоянии многих рабочих помещений или мастерских я уже говорил выше по поводу обстановки труда и жизни малолетних; поэтому здесь я сделаю только некоторые дополнения, и прежде всего скажу о размерах фабричных мастерских.

На всех осмотренных мною фабриках мастерские довольно просторны, по крайней мере, по отношению к заключающемуся

в них кубическому содержанию воздуха; а на многих фабриках они занимают даже очень обширные помещения. Но нельзя сказать, чтобы во всех мастерских машины размещались надлежащим образом, без опасности для рабочих. В большинстве мастерских пространство для прохода между машинами остается очень незначительное. Это особенно можно сказать относительно ткацких станков. На фабрике, например, № 7, в ткацком отделении, находящемся в прядильном корпусе, станки расставлены так тесно, что даже в главном проходе, посредине мастерской, с трудом можно пройти, не рискуя получить удар от батана. Довольно тесно также, хотя несколько просторнее фабрики, размещены станы и в ткацких мастерских фабрики № 8, а также на всех остальных виденных мною ткацких фабриках Счастливое исключение в этом отношении составляет полотноткацкая фабрика Демидова: на ней проходы между станами очень просторные и безопасные.

При такой тесноте размещения ткацих станков, — теснота, которая сама по себе представляет неудобства и даже опасность для рабочих,—на ткацких фабриках не существует, за весьма немногими исключениями, никаких приспособлений против возможности поранений, иногда очень серьезных, от часто выскакивающих челноков—вроде железных скобок над желобками, в которых движутся челноки, как это давно уже практикуется, например, на Раменской фабрике бр. Малютиных. На одних лишь полотноткацких в г. Вязниках устроены веревочные в рамках сетки, прикрепленные у концов батанов, да и это немудреное приспособление содержится не всегда удовлетворительно. На полотноткацкой, например, № 22, многие сетки прорваны и едва держатся. Но против пыли, которая особенно сильна при льняном производстве, на полотноткацких фабриках не принимается никаких особых мер, кроме обыкновенных форточек, да и то редко отворяющихся.

На некоторых фабриках, как, например, № 17 и № 12, существует много станков старой системы, имеющих тот недостаток, что в них все шестерни выходят наружу и защищены только маховым колесом, которое вместо защиты само может причинить несчастие. На последней фабрике на очень многих станках даже такого ограждения не имеется, так как маховые колеса от ветхости сломались. Нередко мастерские находятся в очень старых и неудобных помещениях; на ткацкой, например, № 12 одна

мастерская совсем темна благодаря пристройке, загородившей с одной стороны свет; а на фабрике № 22 пол от ветхости всего здания настолько неровен, что по нем неудобно даже ходить; притом от движения машин он сильно дрожит так, что впоследствии совсем может провалиться. На ручной ткацкой № 25 мастерская и без того переполнена тесно расставленными станками, служит в то же время для рабочих и кухнею, и столовою, и спальнею. В ней, для приготовления кушанья, устроены с обеих сторон две плиты, на которые и ставят рабочие свои горшки. Когда наступает время обеда, каждый берет свой горшок, и тут же, у станка, обедает. Спят рабочие в этой мастерской на станках или около сновальных колес. Вследствие всего этого воздух в мастерской отвратительный, тем более, что никаких вентиляционных приспособлений для его очищения тут не сделано.

Все осмотренные мною на фабриках Владимирской губернии жилые помещения для рабочих, по устройству своему, можно разделить на следующие три типа: 1) казармы, или так называемые балаганы, с общими большими залами, 2) каморочные казармы и 3) отдельные домики. Вместе с этими типами существуют еще, так сказать, промежуточные, составляющие как бы переходные ступени от одного из упомянутых типов к другому. Между каморочными казармами встречаются, например, разделенные на более крупные отделения, так что в каждом из них живет по 6 и 7 семейств; точно так же попадаются и такие общие казармы, которые разделяются на более мелкие залы. Между домиками есть и такие, которые заключают в себе под одною крышею по несколько семейств, предоставляя собою таким образом переход к общим каморочным казармам.

Казармы первого типа (общие) на осмотренных мною во Владимирской губернии фабриках все реже встречаются. Они существуют преимущественно там, где много между рабочими одиноких и притом пришлых издалека мужчин или женщин. Так, например, я встретил такого рода казармы на торфяных болотах, а также на красильно-набивных фабриках: Полушина, Зубкова, Куваевой, Гандурина и Новикова, на химических и кирпичных заводах и, наконец, на медно-латунном заводе Шапошникова. На крупных фабриках, каковы: Морозовские, Барановых и Каретникова, вместе с другими типами, встречаются также и общие казармы.

Устройство общих казарм самое простое: один большой зал, уставленный нарами, редко кроватями, и без всяких других приспособлений для жилья. На торфяных болотах, принадлежащих мануфактуре № 7, а также на мануфактуре № 11 спальные помещения устроены в два яруса: внизу какие-то ящики, в которых спят по два, по три человека, а вверху—общая спальня. Между казармами такого типа одни — теплые, с печами, поставленными у обоих концов спального помещения; другие же—холодные, непроконопаченные, со щелями, и вообще представляют собою не что иное, как простые сараи. При одних казармах устроены отдельные помещения для кухни со столовой; в других — кухня и столовая находятся в одном помещении со спальнею. При упомянутых уже ситцепечатных фабриках Полушина, Зубкова, Куваевой, Гандурина и Новикова, а также на химическом заводе Лепешкина, казармы—каменные; при чем у Зубкова, Куваевой и Лепешкина имеются для каждого рабочего мочальные матрацы с прочими постельными принадлежностями. Эти последние казармы имеют вид довольно опрятный. Нельзя того же сказать об общих спальнях при других осмотренных мною фабриках, где грязь и дурной, спертый воздух составляют необходимую их принадлежность.

В каморочных казармах отдельные комнатки (каморки) расположены обыкновенно по обеим сторонам внутреннего корридора, проходящего вдоль всего здания, при чем в каждой каморке большею частью живет по два семейства или от 7 до 10 человек. Казармы эти бывают и каменные, и деревянные, и притом в один, в два и три этажа. Кухни помещаются или в том же здании, внизу, или в отдельных пристройках, почти всегда каменных. Из каждой такой казармы имеются обыкновенно два выхода, по обоим концам здания, нередко с деревянными лестницами. Печи в кухнях бывают или простые русские, или общие с гнездами, в которых каждая семья ставит свои горшки. Отхожие места большею частью находятся вне казарм, на дворе, и на расстоянии 10, 15 и 20 шагов от спален.

На мануфактуре № 7 каморочные казармы устроены так: одна часть их сооружена по только что упомянутому типу; другая же—в виде буквы Т; при чем в корпусе, соответствующем верхней части букты Т, расположены в двух этажах, по обеим сторонам широкого (около сажени) внутреннего корридора, каморки; а в более коротком, стоящем перпендикулярно к первому корпусе, находятся

ретирады, помещающиеся в месте соединения обоих корпусов, и, наконец, — кухни. Благодаря такому устройству, в одних из них, вследствие отсутствия целесообразной вентиляции отхожих мест, господствует сильный запах из последних, смешанный с кухонными испарениями; в других же казармах (в двух новых) в отхожих местах сделаны приспособления, состоящие в том, что из выгребных ям устроена тяга в трубу, постоянно нагревающуюся от кухонных печей, отчего воздух из ретирад стремится в сидение, а не наоборот, и состояние его в этих казармах несравненно лучше. Кухни находятся, как я сказал, в более коротком корпусе на противоположном свободном конце его. В каждом этаже имеются отдельные кухонные печи с гнездами; возле печей устроены места с выдвижными трубами для самоваров, покрытые общим шатром. Далее, перед каждой кухней имеется комната, где помещаются шкафы с номерами каморок, которым они принадлежат. В этих шкафах хранятся съестные припасы жильцов каждой каморки.

Большею частью каждая каморка освещается одним большим или двумя окнами обыкновенных размеров. На противоположном конце, обыкновенно посредине стены, находится дверь, отворяющаяся вовнутрь коридора. При входе, по обеим сторонам двери, в простенках стоят кровати, прикрытые занавесками и принадлежащие двум семьям; далее, вдоль стены, устроены спальные места для малолетних каждой семьи; при чем иногда и у последних имеются также кровати, но большею частью они спят на полу В этих же местах обыкновенно висят и зыбки с грудными детьми; наконец, в простенках, по обеим сторонам окна, у каждой семьи имеется свой стол, за которым она обедает. В углах, у окон, висят обыкновенно несколько образов, непременно с лампадкою у каждого; а по стенам — лубочные картины, с изображением почти всегда членов царской фамилии; между этими картинками висят иногда дешевые стенные часы. В некоторых каморках есть даже и цветы на окнах и занавески. Вот в общих чертах размещение рабочих семей в каморках; но далеко не всегда такова в них внутренняя обстановка.

Как лучший тип казарменных построек с семейными каморками, заслуживает внимания строящаяся обширная казарма на фабрике Викулы Морозова. Она — каменная, трехэтажная, с асфальтовыми полами, с широкими сводчатами коррпдорами и с вентиляционными приспособлениями. Во внутреннем устройстве

каморок здесь сделано такое изменение, что над входною дверью для детей рабочих семейств устроены палати. Вся остальная обстановка та же, как и на других фабриках. В каждой каморке, кроме обыкновенных форточек в окнах для протока свежего воздуха, сделаны еще форточки для удаления испорченного воздуха. Устройство кухон и отхожих мест такое же, как и в новых казармах Саввы Морозова.

На льнопрядильной № 5 каморки в казармах имеют характер обыкновенных деревенских изб, с тою лишь разницею, что пол в каждой каморке асфальтовый, а не деревянный; затем, стоит в углу русская печь; возле печи—палати, а по стенам—лавки и стол в переднем углу с божницей, как и во всякой русской избе.

Третий тип жилых помещений для рабочих — отдельные домики — мне удалось встретить только на хрустальных и стеклянных заводах, а также отчасти, при писчебумажной фабрике Способина.

Относительно распределения часов в течение суток, я представляю нижеследующие данные:

Механические ткацкие:

Номера фабрик.	Распределение рабочих часов.	Число всех рабочих часов в сутки.	Число часов для перерывов.
Ставровская мануфактура (№ 13).	Теперь фабрика работает только днем, с 5 часов утра до $8^1/_2$ вечера . .	$15^1/_2$	$1^1/_2$ часа.
	Прежде работала суточно, с шестичасовыми сменами.	12	—
Плисоткацкая № 14.	У красильщиков и частью у ткачей—с 5-ти утра до 8-ми вечера	$13^1/_2$ и 13 ч.	$1^1/_2$ и 2 ч.
	Остальные работы—суточно, с 6-часовыми сменами	12	—
Полотноткацкая № 20.	Суточная, с 6-часовыми сменами.	12	—
Миткалеткацкая. (Лемешковская ман.) № 15.	Т о ж е	12	—
Миткалеткацкая № 16.	Сновальщики, пробирщики и подавальщики—с 5-ти утра до 8-ми веч.	15	$2^1/_4$ ч.

Номера фабрик.	Распределение рабочих часов.	Число всех рабочих часов в сутки.	Число часов для перерывов.
Миткалеткацкая № 16.	Остальные работают суточно, с 6-часовыми сменами	12	—
Миткалеткацкая № 17.	Суточная с 6-часовыми сменами	12	—
Миткалеткацкая № 18.	Мерялыщики — с 6 утра до 8 вечера	14	$1^1/_2$ ч.
	Остальные работают суточно, с 6-часовыми сменами	12	—
Полотноткацкая № 22.	Дневная,—с 5 утра до 8 часов вечера	15	$1^3/_4$ ч.
Миткалеткацкая № 19.	Нитовщики, проборщики и подавальщики—с 6-ти утра до 8 вечера . . .	14	2 ч.
	Остальные работают суточно, с 6-часовыми сменами	12	—
Полотно ткацкая № 21.	Суточная, с 6-часовыми сменами	12	—
	В июле и в августе — дневная, с 5 утра до 8 часов вечера	15	$2^1/_4$ ч.
Ткацкая и ситцепеч. № 23.	Дневная,—с 5 утра и до 8 часов вечера	15	$1^1/_2$ и 2 (в ткацкой).
Ткацкая и ситцепеч. № 24.	На ткацкой — суточная, с 8-часовыми сменами	8 и 16	—
	На ситцепечатн. — дневная,—с 5 утра до 8 веч. .	15	$2^1/_2$ ч.
	Ручные ткацкие:		
Ручные ткацкие №№ 25 и 26.	У сновальщиков—с 5 утра до 11 вечера	18	3 и 4 ч.
	У ткачей — неопределенно	от 18 до 20 ч.	3 — 4 ч.
Ручн. шелкоткацкая № 27.	Дневная,—с 6 утра до 9 вечера.	16	$3^1/_2$ ч.
Ручн. шелкоткацкая № 28.	Тоже	Тоже	Тоже
Ручн. шелкоткацкая № 29.	Тоже	Тоже	Тоже
Ручн. шелкоткацкая № 30.	Дневная,—с 4 часов утра до 8 вечера, а зимой— до 10 вечера	16 — 18 ч.	2 и $3^1/_2$ ч.

Ситцепечатные, красильные, отбельные и обойные

Номера фабрик.	Распределение рабочих часов.	Число всех рабочих часов в сутки.	Число часов для перерывов.
Ситцепечатная № 32.	Дневная,—с 6-ти утра до 8 часов вечера	14	2 ч.
	В заварочной работа идет только ночью	10	—
Ситцепечатная № 34.	Дневная,—с 4 ч. утра до 8-час. вечера, зимой — начиная с 5 час. утра .	16 и 15	2 и 1 ч.
	В заварочной работают только ночью,—с 8-ми вечера до 4 часов утра.	8	—
Ситцепечатная № 35.	Дневная, —с 4 утра до 8 в.	16	3 ч.
	Перед праздниками оканчивают в 6 час. веч. .	14	1 ч.
Пунцовая № 39.	Дневная,—с 6 утра до 8 в.	14	1 ч.
Отбельная № 9.	Суточная,—с 6-часовыми сменами	12	—
	В уборной,—с 5 утра до 8 часов вечера	15	2 ч.
Шуйская мануфактура № 36.	Дневная, летом—с $4^1/_2$ утра, а зимой—с 5-ти утра и оканчивается к 8-ми часов вечера . .	$15^1/_2$ и 15	$1^1/_2$ и 1 ч.
Ситценабивная № 38.	Дневная,—с 5 утра до 8 вечера	15	$2^1/_2$
	У граверов,—с 6 утра до 7 вечера	13	3
Отбельная льняной пряжи № 5.	Большею частью—суточная, с 6-часовыми сменами	12	—
Обойная № 40.	Дневная, зимой—с 5 утра до 7 вечера, летом — с 5 утра до 8-ми час. вечера	14 и 15	1 и 2 ч.

Ручные набивные.

Ручные набивные № 41.	Дневная, летом — с 5-ти утра до 8 час. вечера, зимой — с 7-ми утра до 9-ти вечера	15 и 14	3 и 2 ч.

Номера фабрик.	Распределение рабочих часов.	Число всех рабочих часов в сутки.	Число часов для перерывов.
Ручная набивная № 42.	Дневная,—с 5 утра до 8 часов вечера	15	3 и 4 ч. (в мае, июне, июле, авгус
Ручная набивная № 43.	Дневная, летом—с 4 утра, зимой — с $5^1/_2$ утра до 8 вечера	16 и $14^1/_2$ ч.	$2^1/_2$ и 2 ч.

Хрустальный, стеклянный, фарфоровый и чугунно-литейный заводы:

Хрустальный завод № 46.	Непрерывно в течение 30—60 часов, сменами в 5 часов каждая . . .	10	—
	В шлифовальной—суточная, с 5 утра до 5 веч. и с 9 веч. до 5 утра . .	12 и 8	2 и 4 ч.
Хрустальный завод № 47.	Непрерывно в течение 18—20 часов, сменами по 9 и 10 часов каждая	9 и 18	2 ч.
Стеклянный зовод № 48.	Суточно, сменами,—по 8 часов каждая	8 и 16	—
	В гончарной — дневная, с 6 утра до 6 вечера .	12	1 ч.
Фарфоровый завод № 49.	Дневная,—с 5 утра до 8 вечера	15	3 ч.
	При обжоге—непрерывно 18 — 30 часов, сменами в 6 часов	12	—
Чугунно-литейный и механический завод № 44.	Дневная,—с $5^1/_2$ утра до 8 часов вечера	$14^1/_2$	$2^3/_4$

Кирпичный и спичечный заводы:

Спичечный завод № 50.	Дневная,—с 7 утра до 6 вечера	11	2
	У съемщиков работа часто оканчивается в 5 часов вечера	10	2
Спичечный завод № 51.	Дневная,—с 7 утра до 7 вечера	12	3
Кирпичный завод № 55.	Дневная,—с 3 утра до 7 вечера	16	4

Номера фабрик.	Распределение рабочих часов.	Число всех рабочих часов в сутки.	Число часов для перерывов.
	Химические заводы:		
Химический завод № 56.	Суточная, с 8-часовыми сменами	8 и 16 ч.	—
	В купоросной — дневная, с 5 утра и оканчивается как придется . . .	7 — 15	—
Химический завод № 57.	Большею частью дневная,—с $4^1/_2$ утра до 8 вечера	$15^1/_2$ ч.	3 ч.
	Летом—с 4 до 8 час. . .	16	4 ч.
	Суточная, с 12-часовыми сменами	12	2 (днем).
	Бумагоделательные фабрики:		
Писчебумажная № 58.	Суточная, с 12-часовыми сменами	12	2 ч.
	В паккамере и сортиров. тряпья—дневная,—с 7 у. до 7 часов вечера . .	12	1 ч.
Бумаго-оберточная № 59.	Суточная, с 6-часовыми сменами	12	—
	В сортиров. бумаги и в паккамере—дневная, с 6 утра до 8 час. веч. .	14	2 ч.

(Песков — Фабричный быт Владимирской губернии.)

Мы должны сказать несколько слов и о жилых помещениях рабочих на фабриках. Подробное описание их было сделано нами во второй части тома 4 Сборн. стат. свед. по Московской губ. Ссылаясь на него, мы ограничимся здесь лишь общими, наиболее характерными их чертами. Специальные жилые помещения существуют далеко не на всех фабриках: все рабочие, почти по всем производствам, где применяется только или преимущественно ручной труд, живут непосредственно в тех же помещениях, где работают, нисколько как будто бы не стесняясь подчас совершенно невозможными условиями их и для работы, и для отдыха. Так, например, на овчинодубильных заведениях они сплошь и рядом спят в квасильнях, всегда жарко натопленных и полных удушливых испарений из квасильных чанов и от сушащихся овчин и т. п.

Разницы между мелкими фабриками и крупными мануфактурами в этом отношении почти нет никакой и, например, и на мелких, и на крупных ситценабивных фабриках набойщики спят на верстаках своих, пропитанных парами уксусной кислоты, мастерских. Понятно, что о какой бы то ни было „обстановке“ жизни рабочих во всех подобных случаях не может быть и речи. Рабочие из дальних мест имеют при себе какой-либо мешок или сундучок с кое-каким имуществом, вроде белья, а иногда даже „подстилку“ для спанья; те же, которые фабрикантами считаются „неживущими“ на фабрике, т.-е. рабочие из окрестных деревень, уходящие домой по воскресным и праздничным дням и почующие в мастерских „только“ по будним дням, не имеют при себе в буквальном смысле ничего. Во всяком случае, ни те, ни другие никогда не имеют никаких признаков постелей.

Наиболее рельефным типом подобной жизни в мастерских могут служить рогожные фабрики. Войдя в мастерскую, посетитель попадает, как в лес. Только раздвигая перед собою всюду развешанную на жердях и веревках мочалу, осторожно передвигая ноги, липнущие к полу, покрытому толстым, в 1—2 вершка слоем грязи, попадая на каждом шагу в наполненные жидкой грязью выбоины, образовавшиеся местами в прогнивших и провалившихся досках пола, натыкаясь на кадки с водой, вокруг которых стоят целые лужи, рискуя ежеминутно придавить всюду ползающих по полу маленьких детей, он добирается, наконец, до одного из окон, у которого кипит работа. Устройство мастерских везде одинаково. Вдоль стен с окнами поставлены „становины“, т.-е. четыре стойки со связывающими их перекладинами, так что против каждого окна образуется нечто вроде клетки, длиною в 4 и шириною в $2^1/_2$ — 3 аршина. Каждая такая становина служит как местом работы, так и жильем семьи „стана“ — рабочей единицы рогожных фабрик; все же остальное пространство, т.-е. середина мастерской и проходы между станами и большими русскими печами, сплошь занято развешанною мочалою. Таким образом каждая становина рогожной мастерской представляет ни больше, ни меньше, как стойло, где семья проводит все 24 часа суток. Здесь рогожники работают, здесь же едят и отдыхают; здесь они спят, одни на досках, положенных на верхней раме становин, так что образуется нечто вроде полатей, другие на кучах мочалы на полу, — о постелях, конечно, не может быть и речи; здесь они рожают на глазах всего населения мастерской, здесь, захворав, „отлеживаются“,

если организм еще в силах побороть болезнь, здесь же и умирают, хотя бы и от заразных болезней. Все население этих мастерских располагается настолько тесно, что лишь в трети случаев на каждого из живущих приходится от 1 до 1,5 куб. саж. воздуха, а в 65% случаев (из 60 мастерских) приходится на каждого всего 0,4 — 0,9 куб. саж. Всегда жарко натопленные и сырые, вследствие крайнего переполнения живущими и беспрерывной мочки мочалы в горячей воде, эти мастерские не имеют никаких искусственных приспособлений для вентиляции; ограниченное число оконных форток и простые двери в стенах, по совершенно понятной причине, рабочими всегда тщательно забиты и замазаны, между тем как естественная вентиляция через стены всегда понижена вследствие их сырости. Вся грязь, какая отмывается от мочалы, попадает на пол, всегда мокрый и прогнивший, а так как он никогда не моется, то за 8 месяцев работы рогожников на нем образуется толстый слой липкой грязи, в виде своего рода почвы, которая отскабливается только раз в год, в июле, по уходе рогожников. Везде,— помещаются ли мастерские в деревянных или каменных зданиях,— грязные, никогда не обметающиеся и не белящиеся стены их—отсырелые и покрыты плесенью; с закоптелых и заплесневших потолков обыкновенно каплет, как в бане, с наружных же дверей, обросших толстым слоем ослизнелой плесени, текут буквально потоки воды.

Специальные жилые помещения, за ничтожным исключением трех или четырех фабрик, по своим качествам везде одинаковы. На мелких фабриках, а иногда и на крупных, как добавочные к монументальным казармам, они встречаются в виде небольших отдельных домиков или в виде одной или нескольких комнат (нередко в сырых подвальных этажах), выделенных в зданиях, назначенных для производства. На всех же больших мануфактурах жилые помещения представляют типические громадные многоэтажные, казармы с центральными, сплошь и рядом чрезвычайно узкими, кривыми и темными коридорами с комнатами - „каморками“ по сторонам, за кое-как сколоченными досчатыми перегородками, обыкновенно не доходящими до потолка. Встречаются фабрики, где все казармы разбиты на каморки, в которых помещаются и семейные, и одинокие рабочие. На иных же число каморок бывает сравнительно ограничено, и большая часть рабочих, в том числе и семейные, размещаются в общих спальнях.

Устройство каморок, очевидно, вытекает из желания сколько-нибудь обособить семью. Но было бы ошибочно думать, что

в каждой каморке помещается действительно одна семья. Если это и случается, то крайне редко, в особо маленьких каморках. Обыкновенно же совершенно напротив: в каждой каморке помещается две - три и до семи семей, и, кроме того, на многих фабриках одинокие рабочие, мужчины или женщины, все равно обязательно рассовываются по тем же каморкам. В конце концов большая часть каморок, а на многих фабриках и все каморки, превращаются в общие спальни, отличающиеся от типических общих спален лишь меньшей величиной.

Устройство спален везде одинаково. Случаи, когда в каморках, кроме нар, от фабрики дается что-либо в виде столов и табуретов, вовсе не часты. Рабочие обыкновенно спят на нарах в виде сплошных досчатых помостов без всяких разгородок на отдельные места, вповалку, друг возле друга. Очень часто такие нары делаются в два яруса, так что при обычной высоте комнат, в 3—4 арш., верхний ярус отстоит от потолка всего на $^{3}/_{4}$ арш. Разделение полов по отдельным комнатам вовсе не составляет правила, и на преобладающем большинстве фабрик царит полное смешение полов и возрастов: в одной и той же спальне спят и дети, и взрослые, и мужчины, и женщины, и женатые, и холостые. Понятно, что семейные рабочие всячески стараются выгородить себя от остальных и с этою целью отделяют свои места на нарах какими-нибудь занавесками, часто просто из разного грязного тряпья. Иногда фабриканты идут навстречу этому естественному стремлению рабочих и на помосте нар делают дощатые перегородки вышиною в $1^{1}/_{2}$ арш., так что на нарах образуется ряд, в полном смысле слова, стойл на каждую „пару“. На некоторых фабриках в общих спальнях, для семейных рабочих, а иногда и для одиноких, по каким-либо причинам пользующихся предпочтением перед остальными, где-нибудь в углу, чаще у печки, тесовыми перегородками выгораживаются каморки, обыкновенно в 2—$2^{1}/_{2}$ арш. шириною и в $2^{1}/_{3}$—3 арш. длиною. Кубическая вместимость подобных каморок нередко менее 1 куб. с., и в большинстве случаев окон в них не бывает. И в эти-то шкафы на ночь кладутся человеческие тела, как бы вовсе не нуждающиеся в воздухе.

(Е. М. Дементьев — Фабрика, что она дает населению и что она у него берет.)

---

62. Классовая группировка по переписи 1897 года.

Самодеятельное население 78 губерний разбивается на следующие категории:

	Число самодеятельных.	%% распределения.
Крестьяне и земледельцы с их служащими	20.683.478	55
Хозяева и служащие в прочих промысловых занятиях	4.403.247	12
Пролетарии (рабочие и прислуга)	8.406.440	22
Непромысловые занятия (кроме прислуги)	4.055.928	11
Итого	37.549.093	100

На 100 самодеятельных приходится несамодеятельных: в земледельческом населении 246, в неземледельческом 135. Воспользовавшись этими данными и распространяя подсчет на всю Империю, получим, что на крестьян (в экономическом смысле) с их семьями приходится около 80 миллионов душ, или 64% населения, на пролетариат с семьями 22 миллиона душ, или 17% населения, на все прочие группы 24 миллиона, или 19% населения.

Подсчеты, сделанные выше, показали, что среди самодеятельного населения крестьяне в экономическом смысле составляют не более 55%, а среди всего населения (с семьями) не более 64%. Крестьяне, как сословие, более многочисленны, и по Империи на них приходится до 97 миллионов, 77% всего населения. Нет сомнения, что некогда эти оба понятия: крестьяне, как сословие, и крестьяне в экономическом смысле, — ближе подходили друг к другу и даже совпадали, тем более, что крестьяне, прежде чем стать сословием, были лишь экономической группой. От этого сословного разделения, совпадавшего с экономической группиров-

Самодеятельное население и пролетаризированная его часть

в 78 губерниях и областях России, по переписи в 1897 г., в тысячах душ.

Группы занятий, показанных, как доставляющие главные средства существования.	Число лиц, имеющих самостоятельные занятия.			В том числе рабочих (и прислуги).			% последних в каждой группе.		
	Мужского пола.	Женского пола.	Обоего пола.	Мужского пола.	Женского пола.	Обоего пола.	Мужского пола.	Женского пола.	Обоего пола.
Земледелие . . .	13.223,3	1.840,3	15.063,6	1.263,5	584,2	1.847,7	9,6	31,7	12,2
Прочие отрасли сельского хоз., рыболовство и охота	1.049,3	91,8	1.141,1	446,0	74,8	520,8	42,5	81.5	45,6
Итого . . .	14.272,6	1.932,1	16.204,7	1.709,5	659,0	2.368,5	12,0	34,1	14,6
Добыча руд и выплавка металлов	216,3	10,8	227,1	195,0	10,5	205,5	90,2	96,9	90,6
Обработка волокнистых веществ .	429,6	462,9	892.5	302,2	214,2	516,4	70,3	46,3	57,9
Обработка животных продуктов .	132,1	8,9	141,0	67,0	2,8	69,8	50,7	32,0	49.6
Обработка дерева .	368,2	12,4	380,6	158,2	6,0	164,2	43,0	48,5	43,2
Обработка металлов	583,9	9,3	593,2	351,6	6,0	357,6	60,2	65,2	60,3
Изготовление одежды	757,4	286,8	1.044,2	241,3	66,7	308,0	31,8	23,3	29,5
Строительные работы	666,4	7,3	673,7	326,9	—	226,9	49,1	—	48,6
Прочие отрасли обрабатывающей промышленности	766,7	103,5	870,2	473,3	69,8	543,1	61,7	67,4	62,4
Итого . . .	3.920,6	901,9	4.822,5	2.115,5	376,0	2.491,5	54,0	41,7	51,6

Группы занятий, показанных, как доставляющие главные средства существования.	Число лиц, имеющих самостоятельные занятия.			В том числе рабочих (и прислуги).			% последних в каждой группе.		
	Мужского пола.	Женского пола.	Обоего пола.	Мужского пола.	Женского пола.	Обоего пола.	Мужского пола.	Женского пола.	Обоего пола.
Железные дороги .	231,1	14,7	245,8	152,5	12,1	164,6	66,0	82,2	67,0
Извоз и всякие средства сообщения	411,8	6,2	418,0	180,9	1,3	182,2	44,0	20,7	43,6
Торговля	1.196,3	182,1	1.378,4	202,1	41,2	243,3	16,9	22,7	17,6
Итого . . .	1.839,2	203,0	2.042,2	535,5	54,6	590,1	29,1	26,9	28,9
Поденщики и чернорабочие . . .	712,5	263,8	976,3	712,5	263,8	976,3	—	—	—
Всего: промысловые занятия	20.744.9	3.300,8	24.045,7	5.073,0	1.353,5	6.426,5	24,5	41,0	26,8
Занятия непромысловые и проч. .	3.509,4	2.526,5	6.035,9	—	—	—	—	—	—
Прислуга	—	—	—	725,9	1.254,1	1.980,0	—	—	—
Всего . . .	24.254,3	5.827,3	30.081,6	5.798,9	2.607,6	8.406,5	23,9	44.9	28,0

кой, современная Россия сделала большой шаг вперед: по крайней мере, 17 миллионов душ, числившихся в 1897 году в крестьянском сословии, т.-е. более одной шестой крестьянского сословия, не были уже связаны с земледелием, не имели „собственного хозяйства“ и не могли считаться крестьянами в экономическом смысле. В целом ряде губерний, преимущественно промышленных, с крупными городскими центрами, это противоречие крестьян, как сосло-

вия и как экономической группы, достигает гораздо больших размеров и быстро растет.

В 1897 году в России оказалось 9.156.080 лиц, для которых продажа рабочей силы составляет исключительный или, по крайней мере, главный заработок, а связь с землей безусловно отступает на задний план. Среди же всего населения пролетаризованная его часть составляла не менее 17%.

Как видим, схема Маркса в приложении к России оправдалась с буквальной точностью. „Если Россия, — говорил он в известном своем письме, — стремится стать нацией капиталистической по образцу западно-европейских наций, — а в течение последних лет она наделала себе в этом смысле много вреда, — она не достигнет этого, не преобразовав предварительно доброй доли своих крестьян в пролетариев; а после этого, приведенная на лоне капиталистического строя, она подпадает под власть неумолимых законов, как и всякая непросвещенная нация“.

Данные переписи 1897 года показывают, что задолго до того, как кончился цитированный спор марксистов и народников, история осуществила условие, указанное Марксом.

(А. Лосицкий — Этюды о населении России.)

---

63. Численность и состав рабочих в России.

Общее число рабочих в горной промышленности, в различных отраслях обрабатывающей промышенности, на разных дорогах и других путях сообщений и сношений, а также рабочих в строительном деле и в торговых предприятиях определилось, согласно специальной разработке, произведенной по поручению министерства финансов, в 3.322 тыс. человек, в том числе 2.776.503 мужчины (86,1%) и 445.062 женщины (13,9%). В этот подсчет не вошли, однако, рабочие, занятые в прочих отраслях добывающей промышленности, включая земледелие, а также чернорабочие, поденщики и различного рода прислуга. Для этих категорий сведения сообщаются особо в приложении, а именно: 1) сельскохозяйственная промышленность, лесные промыслы и лесоводство, рыболовство и охота (2.722.624 чел.); 2) поденщики и чернорабочие (809.426 мужчин и 285.422 женщины); 3) прислуга в учреждениях (142.706 мужчин и 24.534 женщины); 4) прислуга на фабриках, заводах и в усадьбах (205.720 мужчин и 21013 женщин);

5) прислуга домовая (160.089 мужчин и 1.964 женщины); 6) прислуга домашняя (288.086 мужчин и 1.288.513 женщин).

По округам в начале 90-х годов число рабочих, работающих круглый год на фабриках, т.-е. порвавших с землей, распределялось следующим образом:

О к р у г а.	Число заводов.	Общее число рабочих.	Число работ. круглый год.	Процент постоянн. рабочих.
1. С.-Петербургский	288	81573	72783	89,22
2. Виленский	3000	34000	29789	87,61
3. Петроковский	678	76808	65538	85,32
4. Варшавский	222	39486	32745	82,92
5. Московский	1225	213128	171508	80,47
6. Владимирский	296	132776	106527	80,23
7. Харьковский	249	29502	14392	48,78
8. Киевский	4417	92005	39117	42,50
9. Воронежский	2288	63763	15133	23,73
Всего	12663	763041	547532	71,75

(А. В. Погожев — Учет численности и состава рабочих в России.)

---

64. Ростовщичество-кулачество.

Мочальный кулак.

Половина июля. По р. Вятке спускаюсь вниз. На этот раз пассажиры почти сплошь купцы и мещане, едущие в Нижний на ярмарку. Даже совершенно похожие по внешности на крестьян оказываются торговыми людьми. Подле меня сидит типичный мещанин, недавно вылезший из мужиков. Ему лет под

сорок; он еще не успел разжиреть. Окладистая борода, красивое лицо, говорит бегло, красно, обращается на „вы“, но это ему заметно трудно и он часто, сворачивая на дружественный тон, обращается на „ты“. Предупредителен, любезен и большой болтун. Мы артелью попиваем чаек, очередуясь то моим чаем и сахаром, то его. Любознательность необычайная. „Кто я, что я, откуда, где был, куда еду, зачем?“ и т. п. вопросы без конца. Он видимо доволен, что напал на своего брата, мещанина, и притом много разъезжавшего и много видевшего, могущего порассказать немало интересного.

— Ну, как дела идут? — спрашиваю.

— Мои дела хорошие, нечего бога гневить. У нас нашему брату жить можно, надо правду говорить. Довольны, довольны, благодарение господу!

— Какие ж у вас дела?

— А у меня мочальное заведение, хорошее дело. Вот проезжали Кукарки [1]), так в верстах в двух, чай, приметили мое заведение?

— Много ли у вас рабочих?

— Много, душ 100, бывает и больше. Летом-то мало, а все зимой.

— Как вы их нанимаете — помесячно или на год?

— Нет, зачем... Никакого расчету нет: найми его на месяц, да и смотри за ним, — как отвернулся, он и работу бросил. Нет, мы так не нанимаем. У нас сдельно: сколько сделаешь, за столько и получишь; а ничего не сделаешь, ничего не получишь, — такое дело. У нас работают на стану, выходит, маленькой артелью из трех человек, меньше нельзя, бывает и более; на стану кули и выделывают. Как сделают 100 кулей, так и подай им пять с полтиной. А они промеж себя уж рассчитываются. Хоть в день сработают 100 кулей, хоть в месяц — это их дело.

— А если хорошо работать, старательно, в какое время сделают 100 кулей?

— Старательно в неделю сделают. Более не сделать, потому работа кропотливая. Иной стан едва в две недели успеет.

— Народ-то не балованный у вас, не пьяницы?

— Нет, нечего клепать, надо говорить по совести, народ у нас старательный, непьющий. Ты посмотри, друг, удивишься, —

[1]) Богатая торговая пристань на р. Вятке.

когда только они спят. Перед сном это я каждый день обхожу заведение, часов, стало быть, в 10. И все еще работают, спать и не думают. Встаю я в 4 часа, иду, а уж все на работе. Я грешным делом и днем час-другой прикурну, а они полежат полчаса, и, смотришь, опять на работе. Как это они так, — не знаю, а мало спят. Трудновато бы, кажись, это.

— А пища чья у них?

— Ихняя, разумеется; — стану я еще хлопотать об этом!

— Почем же вам материал обходится на куль?

— А вот считай. Купил я 10 тысяч пудов мочалы в Уфимской губернии; с доставкою обошлась по 70 коп. пуд, потому большая партия, а то дороже. На 100 кулей нужно 18 пудов мочалы. Значит 100 кулей мне стоят 12 руб. 6 гривен — это мочала, да 5 руб. 50 коп. за работу. Итого выходит 18 руб., ну, куль обходится 18 коп.

— А продаете по чем?

— 28 — 30 руб. на месте за 100 кулей, а бывает и выше.

Я начинаю высчитывать, смеясь, его доходы, а он поправляет, где нужно: из 18 пуд. выходит 100 кулей, из 1 пуда выйдет 100/18, из 10.000 пуд. — 100×10.000/18 = 1.000.000/18 = = 55.555 кулей. Минимум барыша, как видно, 10 коп. на куль, следовательно, за все кули 5.500 руб. круглым счетом. Если же взять среднюю цену 30 коп. за куль, тогда барыш будет 6.600 р. Итак, доходы этого производства распределяются так: валовой доход 16.650 руб., стоимость материала 7.000 руб.; процент на капитал с 7.000 положим 600 руб., т.-е. $8^1/_2$%; на долю труда и кулака остается 9.000 руб.; из них $^2/_3$ идет посреднику, $^1/_3$ труженику!..

— Однако, удивляюсь я, ведь это останется вам 6.000 рублей!..

— Надо полагать, что так, потому ежели цена не подходящая, я придержу товарец, а свое возьму; опять же мочалу покупаю за наличные, а оно ведь это что-нибудь значит, — известно, дешевле. Одно слово, дело хорошее и, правду сказать, не хлопотное. Можно и еще у нас кое-чем заняться. Вот я везу на ярмарку шерсти тысяч на восемь, а назад повезу с ярмарки разных товаров: все будто ехать не задаром.

— Тысченки две еще перепадет?

— Надо бы так, да ведь кто ж его знает? Каковы будут цены, не узнаешь, — может, и более возьмешь.

— Значит, дела отлично идут?

— Нечего, нечего бога гневить, довольны. Ты бы посмотрел, какой у меня дом: барин разорился, так у него купил; какая мебель, посуда, ты бы диву дался. А лошадки-то какие!—говорил он, сладко осклабляясь.—Да что говорить, барином зажил, вот что, а давно ли мужиком был?

— Стало-быть, сам разжился, от отца не пришлось получить?

— Какое там от отца Всего-то на ноги стал лет десять Так, значит, с последних сил сбился, кабачок открыл. Бог пособил, хорошо пошло дело. Открыл другой. Да пожар немного подпортил. Теперь-то уж кабаки бросил. Одно, друг, я тебе скажу,—начал он, немного помолчав, грустным тоном,—сынка бог не дает. Дочери-то две. Одну в прошлом году выдал замуж за богатого купца. Какую соболью шубу я ей справил на бархате, 600 рублей стоила! Да что девки?—товар продажный. Вот кабы сынка бог дал... Эх, как обидно! И за что господь наказует?

— А может за то, что очень рабочих обижаете?

— Нет, какая обида... Я не неволю. Нехорошо, иди, ищи себе работу. И не обсчитываю.

Через некоторое время я его спрашиваю:

— Вот вы ведете такое большое дело, а состоите мещанином; не требуют с вас, чтобы записались в купечество?

— Как не требовать? Да я тоже не дурак, — за что буду платить? Я заведение поставил на чужое имя, тут у меня приятель есть, и веду дело по приказчицкому свидетельству. Этак-то дешевле.—Через некоторое время он, как бы в свое оправдание, прибавил:—у нас многие так дела ведут.

Строители баржей.

Перейдем к производству баржей. Это — промысел древний, распространенный, дает занятие и кусок хлеба многим тысячам рабочих. Кто разъезжал по Волге, Оке, Каме, Вятке и т. д., тот видел бесчисленное множество судов (в 1880 г. было до 33.000 штук) разных величин и разных названий, — значительно преобладают впрочем баржи, — тот поймет, насколько этот промысел велик, особенно имея в виду недолговечность судов, как он важен для народа и насколько важна для общества и государства правильная его постановка. Значение этого промысла усугубляется

еще тем, что он производится позднею осенью, более зимой, т.-е. именно в то время, когда работа для крестьянина особенно необходима и когда ее трудно иметь. Притом часто баржи строятся не в крупных промышленных центрах, требующих рабочего отхожего, со всеми, довольно уже выясненными, неблагоприятными последствиями этого, а в глухих лесных местностях, на огромных пространствах губерний: Нижегородской, Костромской, Тверской, Ярославской, Вологодской, Казанской и т. д., непременно на сплавных реках, как Ветлуга, Унжа, Кострома, Шексна, Молога и т. д., и всегда строятся местными крестьянами. А между тем этот промысел остается необследованным. Нельзя же считать сколько-нибудь за исследование убогое описание в 10 строках артелей барщиков в небольшой и крайне поверхностной статье: „Артели в Сычевском уезде Смоленской губернии,“ помещенной в I выпуске „Сборника материалов об артелях“, точно так же, как и несколько строк в „Докладах сельскохозяйственной комиссии“ (Валуевской) о постройке судов по реке Мологе и Чагодоще. В старой статье Корнилова тоже несколько строк. Более, кажется, ничего нет по этому предмету.

Впрочем, и я не намерен остановиться на основательном описании этого производства в данном случае. Это было бы совершенно неуместно здесь, да кроме того я и сам недостаточно знаком с ним, так как мое путешествие окончилось октябрем, и если я имел возможность наблюдать этот промысел, то только по Волге и благодаря тому, что в этом году, при хорошем урожае, многие поспешили постройкою баржей, чтобы успеть пустить их осенью в дело. А потому уже в начале августа можно было наблюдать по Волге немало начатых баржей.

Не мешает прибавить следующее. Если я не был на всех рынках этого производства, то имел возможность при постоянных столкновениях с рабочей массой много раз встречать тех самых крестьян, которые зимой у себя строят баржи и таким образом из их рассказов мог составить понятие о промысле. Кроме того, те рынки, на которых я наблюдал его: Балахна и Нижний-Новгород, бесспорно могут считаться самыми крупными и типичными центрами его, особенно Балахна.

По всем рассказам, в глухих, далеких местах постройка баржей, в огромном большинстве случаев, производится на артельном начале, — веянья цивилизации еще не проникли туда, и характер производства остается древне-народным, артельным. То же гово-

рят и вышеуказанные печатные материалы: так, по словам „Доклада“, только на Мологе и Чагодоще 41 артель барочников.

Не то на волжских пристанях, и особенно в Нижнем и Балахне. Эти рынки уже значительно окулачились, и хотя здесь встретишь самые разнообразные, какие только могут быть, типы организации труда, но преобладающий — чисто кулацкий, тип же чисто артельный здесь большая редкость.

Балахна представляет из себя крайне удобный пункт для постройки баржей. Начать с того, что между городом и берегом, расстояние довольно порядочное, лежит на большом пространстве значительное углубление, нечто вроде болота, все лето наполненное вонючею водой. Это углубление, защищенное с одной стороны городом, с другой—берегом, с горами навороченного на нем леса, представляет удобное, как бы самою природою предназначенное место для постройки баржей, будучи защищено как от холодных зимних ветров, так и от снежных заносов. Кроме того, огромное значение имеют следующие условия: бойкое положение Балахны близ такого торгового центра, как Нижний, громадная лесная пристань, местожительство, быть может, самых крупных предпринимателей в этом деле, центральное положение в районе рабочих, именно плотников и конопатчиков, при чем почти все мещане Балахны—искусные плотники и барщики, занимающиеся этим промыслом испокон века, — все это создает из Балахны крупный центр производства баржей.

Здесь строится их ежегодно 30 — 40 штук, а в этом году ожидается более. Уже эта валовая цифра, не считая множества более мелких посудин и огромных пароходных корпусов, дает некоторое понятие о значительности этого производства, если принять во внимание, что баржа стоит от 9 до 10 тысяч руб. и более. Около этого промысла питаются не только барщики и конопатчики (последние всегда работают артелями), но и лесные артели, рубящие и приготовляющие лес, сплавные артели, сплавляющие плоты, артели выгрузчиков леса на берег, пильщиков и др. Главными строителями считаются местные богатые купцы, Худяков и Плотников. Первый является рядчиком пароходного общества „Кавказ и Меркурий“ и как для общества, так и для других, строит ежегодно баржей по 12 из своего леса и берет тысяч по десяти за сорокасаженное судно. Купец Плотников строит их до десяти штук. Как владелец больших лесов и паровой лесопильни на Балахнинской лесной пристани, Плотников строит из своего леса

и по тем же ценам, как и Худяков. Будучи акционером пароходного общества „Лебедь“, он вместе с тем является и рядчиком для постройки баржей и обществу. Третье, самое крупное пароходное общество „Дружина“ имеет несколько рядчиков более мелких. Так, на Боровской пристани в Нижнем уже в сентябре было отстроено пять баржей для „Дружины“. Вообще, все крупные пароходные фирмы сдают постройку их непременно рядчикам и никогда не становятся в непосредственное отношение с артелями. Еще большее количество их строится по всему верхнему Поволжью купцами и богатыми крестьянами по одной и по несколько, так сказать, на свой страх, с целью продать, отдать в аренду, или для собственной надобности.

Самая организация труда замечательно разнообразна, видоизменчива, от чисто капиталистической постепенно нисходя до строго артельной. При этом более мелкие рядчики, как Тюрин или Пряхин („Дружинские“), строят баржи не из своего леса, а берут только плотничью работу, по цене от 1.500 до 2.000 руб., строят чисто на кулацких началах, нанимая рабочих помесячно или понедельно. Крупные же рядчики - предприниматели, как Худяков и Плотников, строящие из своего леса; часто для работы нанимают артели или передают более мелким рядчикам и, еще реже, имеют рабочих месячных и недельных. Точно так же организуется труд и у хозяев - предпринимателей. Нередко также сдается подряд не на всю баржу, а на части ее: выстлать днище или даже полднища, поставить копани (огромные, из двух частей, почти под прямым углом стоящие бревна, составляющие остов постройки, подобно ребрам грудной клетки), обшелевать один бок или всю баржу, сделать палубу, оконопатить, окрасить и произвести отделку (лестницы, караулки, соколки, отхожие места и пр.). Преобладают разновидности кулацкой организации.

Цена, как подрядная, так и рабочая плата, — помесячная, понедельная, поденная, — самая неустойчивая, неопределенная. Средняя цена за плотничью работу 40 - саженного судна—1.500—2.000 руб. При отдаче подрядов по частям разнообразие еще большее. Так, выстлать днище стоит от 75 до 150 руб. и выше. Поставить копани, т.-е. обделать их, установить (до 160 штук) — от 150 до 300 руб. Обшелевать бок — от 75 до 150 руб., обшелевать всю баржу—вдвое, и т. д. Месячная плата от 10—15 руб. восходит до 25—30 руб. Такая шаткость, неопределенность цены зависит от многих причин. На первом плане — урожай хлеба.

Хороший урожай, усиливая против обыкновенного потребность в баржах и разных посудинах, а с другой стороны более обеспечивая рабочего и таким образом не заставляя его искать какой бы то ни было заработок и во что бы то ни стало, естественно ведет к возвышению цен и наоборот. Затем последние зависят в каждом данном случае от величины баржи или какой другой посудины, так как они не имеют строго определенных размеров: например, бывают в 30 — 35 саж., более в 40, но встречаются и выше, 40 — 45 саженей. Также влияет на цены и местность, где строится баржа. Одна цена будет в Балахне, Нижнем, Рыбинске, куда рабочий приходит, где содержаться ему стоит значительно дороже, нежели когда она строится где-нибудь в глуши, на Унже или Ветлуге, местными крестьянами. На каждом данном рынке цены могут временно подниматься и опускаться сообразно тому, превышает ли спрос на труд его предложение, или наоборот.

Как ни интересно было бы определить доход рядчиков в этом производстве, но приходится отказаться даже от какой-либо попытки к этому. Если возьмем предпринимателя, например Плотникова, то, обнимая всю сложность производства, увидишь невозможность вычислить действительную стоимость посредничества. Дело в том, что нужно определить ценность леса, употребленного на баржу, а это едва ли возможно и для самого хозяина, так как им куплены большие леса, производство ведется обширное; затем надо знать цену затотовки леса, доставки, выгрузки, выделки копаней, пилки досок, стоимость работ и т. д. Значительно легче добиться барышей рядчиков более мелких, берущих на подряд только работу, без материала. Но и здесь встречаешь непреодолимые затруднения. Работает 20 — 30 человек; почти всем жалование различное, начиная от подростков, которым платы не полагается: „что даст рядчик“, — говорят они на вопрос о получаемом жаловании, и от 5 — 7 рублей постепенно плата возвышается, сообразно искусству, опытности, до 20 — 25 и даже иногда до 30 руб. в месяц. Притом рабочие непостоянные: один уйдет, проработав неделю, другой — две; на этой неделе 20 рабочих, на следующей 30, а там 25 — вот и усчитай тут!

Насколько трудно учесть и разобраться в этой путанице, доказывают такие, иногда возможные факты, что даже опытные рядчики ошибаются и вместо барыша берут убытки. Так, в этом году кулаки, взявшие подряды от „Дружины“ по 1.650 рублей очень рано, вероятно в начале августа, когда цены на труд еще

не выяснились, по словам многих, взяли убытки, так как вследствие большого требования на рабочих, цены установились высокие. Впрочем, убытки рядчиков номинальные, в виду того, что, как говорили, контора набавит. Единственно возможно усчитать выжимания посредников, когда они постройку ведут не сами, а сдают артелям, — всю ли целиком баржу, или по частям. Мне приходилось наблюдать случаи, когда рядчик, взяв подряд за 2 тысячи рублей, отдавал артели или артелям за 1.500, даже за 1.400 рублей. Нужно иметь в виду, что кулак никогда не ограничивается подрядом на одну баржу. Во всяком случае, то бесспорно, что значительные куши отрываются рядчиками от трудовых заработков артелей. Бесспорность этого подтверждается тем, что они быстро богатеют, разживаются на глазах у всех.

Какие нежелательные результаты получаются при этом, видно из того, что кулацкие инстинкты здесь проникают в массу и глубоко разъедают артель. Нередко можно встретить артели в 4, 6, 8, 10 человек, которые не стыдятся сами нанимать месячных рабочих и даже в количестве, превышающем число членов. Обращаясь к ним с укорами за безнравственность желания жить на чужой счет, за несовместимость принципов артели с эксплоатацией рабочих, получаешь довольно развязные ответы: „мы-де не неволим, коли недоволен, ищи себе место“. При этом ссылаются на всем известные факты, что такой-то рядчик нанимает сотни рабочих, да разбогател-то как — страсть.

Против такой логики трудно возражать, да и бесполезно. Так рассуждающие слишком уже, в душе по крайней мере, окулачились, инстинкты наживы закопошились у них, страсть разжиться на чужой счет охватила их, эксплоатация уже дала им доказательства всей прелести обдирания ближнего. Тщетно вы станете убеждать, что это—не по-товарищески не по-христиански,— все ваши слова бесследно разобьются, как волны о гранитный утес, при заманчивых примерах быстрой и легкой наживы кулаков, со всеми прелестями богатой, независимой жизни. Справедливость требует заметить, что это явление приходится наблюдать, во всем его неприглядном свете, главным образом в мещанских артелях, а в чисто крестьянских — редко.

Кулак в Константинове.

Проезжая от Ярославля вверх по Волге, уже издали видишь, как по возвышенности и склону ее, на значительном пространстве,

широко расползлось какое-то чудовище, просторно раздвинув свои громадные части. Эта гидра высоко подняла множество своих голов, головы учащенно дышат, испуская смрад и клубы дыма, словно хотят задушить им само небо. Показавшееся под вечер при помощи надежного органа зрения чудовище оказывывается заводом смазочных минеральных масл В. И. Рагозина.

Положение на заводе г. Рагозина мало чем отличается от положения фабрично-заводского рабочего. Там на горе целый городок образовался из однообразных домиков, расположенных маленькими кварталами довольно широко. В каждом таком коттедже две разгороженных комнаты для двух семейств. К сожалению, комнаты очень малы. Далее, направо, больница; есть доктор, фельдшер, акушерка; многого еще нет... Но дальше к делу.

Завод кишит рабочими, их тут несколько тысяч, спешат закончить громадные постройки, а потому большинство из них не постоянные, а временные. Вот каменщики, плотники, штукатуры, печники и т. д.

— Как работаете, от рядчика, месячно?—спрашиваю то в тех, то в других группах.

— От рядчика, месячно, на лето, — отвечают.

На вопросы о цене получаю разные ответы: 5 — 7 рублей в месяц, а иногда 8 и очень редко опытным мастерам 12 — 15 рублей.

— Ну, а кормит хорошо ли рядчик?

— Какô хорошо! Лядаща пища. У рядчиков не разжиреешь. Вот в артелях дюже хорошо едят. Артельная каша густая, бают, а у нас так только, лишь бы душа не улетела. А тело вишь какое у нас — заправская шкура, одна кожа, вот что. Разве он тебе мяса в щи даст, рядчик-то. Как же, разевай рот шире. Нет, брат, шалишь. Вас, гыть, мясом кормить, вы с жиру сбеситесь. Его пищу не боле 5 рублей клади на человека,—отвечают мне почти одно и то же в разных группах.

Все кулаки и кулаки... Вдали работают землекопы.

Наконец-то, думаю, увижу и артели. К удивлению, оказывается, что и землекопы работают от рядчика. Я уже теряю всякую надежду увидеть хоть одну артель в этом царстве капитала. Но вот вдали на окраине видны пильщики. Это уж, конечно, артели, они иначе не работают; не одну тысячу пильщиков видел я, и всегда не иначе, как артелями, от 2 до 8 — 10 пар. Наконец-то душу отведу, думаю, пробираясь к ним. 21 пара,

разделенные на 5 артелей, мерно, раз за разом, то наклоняют, то поднимают стан свой, вместе с движением пилы вверх или вниз. Каково же было мое удивление, когда узнал, что и пильщики у г. Рагозина работают от рядчика!... Обратимся к рабочим постоянным. И эти, кроме чисто заводских, работающих прямо от конторы, заарендованы также кулаками. Огромное количество разных чернорабочих — от рядчиков. Возчики для передвижения продуктов и разных тяжестей — тоже от рядчика. Передвижение продуктов на судах в Ярославль или Рыбинск, (а из Балахны в Нижний) — от рядчиков. Громадное производство боченков — 100 бондарей — от рядчиков и т. д.

Естественно, меня заинтересовало, во что обходится здесь рабочему ненужное посредничество. Но это — такая трудная вещь, что положительно чорт шею сломает. Несмотря на усиленные расспросы рабочих, несмотря на приставание к рядчикам, несмотря даже на обязательную любезность директора завода, г. Попова, пришлось добиться далеко не всего. Дело в том, что разнобразие условий поразительное: один берет известную работу на подряд, огулом; другой работает с сажени, аршина (плотники, пильщики), и притом цены самые разнообразные, например: на стену, потолок, крышу; третий подряжается доставить определенное число рабочих по известной плате поденно и т. д. У одного они — на своей пище, у другого — на его.

Приведу некоторые примеры из того, что более определенно пришлось узнать. У рядчика 50 человек землекопов; за каждого от конторы он берет по 90 коп. в сутки, в месяц 1350 руб. Платит он средним числом по 8 руб. в месяц, 400 рублей всем. Пища, по общим отзывам, стоит не более 6 рублей на человека — 300 руб. на всех. Значит, 50 рабочим в месяц чистых достанется 400 рублей, тогда как одному рядчику 650 рублей, т.-е. на долю труда идет немного более 1/3 чистого заработка, посреднику же — 2/3. Рядчик получит в 81 раз более того, что получает производитель-работник.

Следующий расчет относится собственно к Балахнинскому заводу, но так же дело поставлено и в Константинове. Как ничтожный остаток недавней старины, то там, то здесь, на небольших расстояниях, уцелела по Волге тяга небольших судов бурлаками. Так, с балахинских кирпичных заводов идут в Нижний кирпичи, а с Рагозинского — масло. С Константиновского же завода тягой идет масло до Ярославля и Рыбинска. Дело это небольшое, не-

велик здесь и кулак, но в массе он не менее важен, чем и крупный, и нередко ловче объегоривает рабочего, а потому по праву он может претендовать на внимание к нему, тем более, что пройдет 2—3 года, и он станет видным кулаком. Последний здесь — капиталист; он владетель судна, стоющего 400 — 500 рублей (подержанное — полцены). Подобное судно вмещает 2 — 4 тыс. пуд., а на обратном пути — против течения — 1500 пуд. Обыкновенно рядчик берет 2 коп. с пуда. Значит, за один путь в Нижний и обратно возьмет 100 — 110 рублей. За лето он сделает не менее 20 путин. Следовательно, за лето рядчик возьмет 2000 — 2200 рублей. Тянут судно 6 рабочих, балахнинские мещане; у руля сам кулак. Рабочим он платит за путину со свалкой и навалкой 5 — 6 руб., всего 30 — 36 рублей. Пища обойдется (5 — 7 дней едят раз в день) не более 8 — 10 рублей. Значит, все расходы рядчика на путину будут 38 — 46 рублей, а за 20 путин — 760— 920 рублей. Выходит, 6 рабочих за один из самых тяжелых родов труда получает за лето 600 — 720 рублей, а рядчик — 1200 — 2240 руб., не считая 10% на капитал, т.-е. посредник из общего заработка берет $^{2}/_{3}$, а на долю труда остается $^{1}/_{3}$; один рабочий получит $^{1}/_{18}$, кулак — $^{12}/_{18}$.

Возьмем еще пример. На обоих заводах существуют значительные бондарни. Бондарное производство чрезвычайно несложно. Бочонки выделываются из приготовленного материала, не выходя из рук одного рабочего. Каждый выделывает в день 2 бочонка. Готовый материал по определенной цене доставляет завод. Казалось бы, к чему здесь рядчик? Полюбуйтесь же, как прекрасно организован труд. Весь подряд на изготовление бочонков берет кулак по 2 руб. 20 коп. с бочонка. Директор Попов самым решительным образом уверял меня, что материал, доставленный заводом рядчику, стоит 1 руб. 50 коп. с бочонка. Следовательно, за производство одного бочонка завод платит 70 коп. Не имея основания не доверять Попову, я оставляю на его совести этот расчет. Дело в том, что в Балахне, по добытым мною данным, посреднику должно оставаться за производство бочонка 75 коп., а между тем условия на обоих заводах одинаковые. На обоих заводах рядчики платят одинаковые цены рабочему за производство одного бочонка — 60 коп. на его (рабочего) пище. Значит, кулаку с каждого бочонка остается чистых 10, по расчету Попова, и 15 коп. — по расчету на Балахнинском заводе. При сотне рабочих, производящих по 2 бочонка в день, ему перепа-

дает 20 руб., по второму расчету — 30 руб. в день, т.-е. 500 — 750 руб. в месяц... Нельзя не сознаться, что подать, собираемая рядчиком неизвестно за что, слишком обременительно тяжела — 6 — 9 руб. в месяц с человека.

Ростовщические приемы и цели.

В последние годы ростовщики в приемах обирания народа оказали заметные успехи. Так, некоторые не удовлетворяются векселями („хлопотливо" говорят) и уже лет 5 как упростили механику. Является купец с должником к мировому, и крестьянин заявляет, что должен купцу такую-то сумму. Сейчас же постановляется решение, заготовляется исполнительный лист, и через 10 минут выдается купцу уже не вексель, а прямо исполнительный лист. Купцу это куда как выгодно: расходов у нотариуса нет, а главное, с векселем много хлопот: предъявляй его ко взысканию по месту жительства, ответчик может не явиться, разбирательство откладывается, процедура длинная для столь желанного листа. А здесь коротко и ясно, — сейчас же получается исполнительный лист, который ежеминутно может сразить жертву, и как только крестьянин в чем-либо провинился, нарушил капиталистическую дисциплину, расправа коротка: берет кулак всемогущий лист, дает судебному приставу и разоряет виновного. К чести мировых судей, подобные фортели проделываются только одним из них. Другие, я уверен, сумели бы не потакать и противостоять злу, назначив, например, срок заседания для разбора, не принимая дел на крестьян других участков и т. п., но в данном случае рука руку моет: „кривосудный" судья, по выражению крестьян, делает услуги купцам и в свою очередь пользуется кредитом в городском общественном банке на 12.400 руб., т.-е. более чем на 5 т. р. сверх законного размера, как это видно из протоколов ревизионной комиссии за 1883 год.

Но и на этом не останавливается изобретательность ростовщиков. За последние годы пущены и стали распространяться акты продажи на движимость, как оригинальный вид залога. Берет крестьянин ссуду у купца, дает ему расписку о продаже своего имущества, и в тот же день совершается арендный договор на эту движимость, якобы крестьянин берет ее в аренду у купца. Этим актом крестьянин с головой отдается кулаку, поддаваясь на безнравственные речи ростовщика, что это делается в интересе его, крестьянина, ибо в таком случае никто уже не можит описать и отнять его имущества.

Это зло, как самый опасный яд, быстро действует, растет и распространяется, особенно среди тех, которые задолжали многим, из желания уклониться от платежа, страшно развращая массу, и уже не редкость встретить совершенно фиктивные акты. Может показаться, что купец мало выгадывает и будто действует бескорыстно, на пользу ближнего. Как бы не так! Нет, он не забудет себя и, опутывая жертву, уговаривает в ее же интересе (!!) писать продажу в 5—6 раз выше ссуды; даст, например, рублей 50, а продажа пишется за 250—300 руб. Вот где разгадка бескорыстия. Может быть, кто усомнится в справедливости этих фактов, в виду закона, запрещающего продажу необходимого имущества крестьян, но ведь добровольная продажа не запрещена, — этим ростовщики и пользуются.

Самая сделка обыкновенно делается в таком виде. „1885 г., июля 20, я, нижеподписавшийся крестьянин Полянской волости, дер. Меньково, Захар Леонов, даю сию расписку опочецкому купцу, Илье Петровичу Кудрявцеву, в том, что я продал ему всю свою движимость... (перечисляется) за двести пятьдесят рублей, получил деньги сполна. В чем и подписуюсь, крестьянин Захар Леонов, а за его безграмотного, по личной просьбе его, расписался такой-то. Правильность выдачи сей расписки и подпись руки за неграмотного крестьянина таким-то свидетельствую. Волостной старшина Покровский“. Вслед за этим пишется и арендный договор на все проданное имущество. В более мелких операциях сделка упрощается и принимает такую форму:

„1886 г., августа 1 дня, я, нижеподписавшийся крестьянин Копылковской волости, дер. Сергеево, Дмитрий Ларионов, даю сию расписку крестьянину одной со мною волости дер. Белохребтово, Максиму Дмитриеву, в том, что я продал ему одну корову и три овцы ценою за пятнадцать рублей, деньги получил сполна, а корову обязуюсь содержать на своем дворе и кормить своим кормом до 1 декабря сего года. В чем и подписуюсь“ и т. д. Подобные сделки, не фиктивные, очевидно являются займом под залог движимости или недвижимости, как обеспечения.

Фиктивные же сделки, с целью уклониться от платежа долгов, носят все признаки крайне грустного явления, в коммерческом мире именуемого злостным банкротством. Насколько зло пустило корни, видно из того, что за последние два года, например, по Копылковской волости подобные сделки совершаются по 50 ежегодно! Это—уже не цветы, это—ягодки буржуазно-капиталистического яда,

свободно и безнаказанно проникающего в деревни через чумазых Ильюшек, Павлушек, отравляющего душу народную. Какое, однако, это зло, какое гнусное преступление! Какие грозные результаты готовятся обществу, государству!... Страшен этот бешеный яд, и никакие Пастеровские институты не помогут, если зло не пресечется.

Гребеневскому товариществу в последние два года не раз уже приходилось столкнуться и бороться с этим злом. Приведу примеры. 18 августа 1885 года при описи имущества крестьянина Полянской волости дер. Меньково, Захара Леонова, за неплатеж долгов и процентов товариществу, должник заявил, что его имущество принадлежит „Ильюшке". Как перешло оно, крестьянин отказался выяснить. Было несомненно, что это—злостное банкротство, и Гребеневское товарищество решило бороться с этим явлением и душить его при самом зарождении. П. А. Плен обратился к мировому, но кулак, очевидно, струсил и поручился в уплате долга. Дело приостановлено. В подобном же случае тот же кулак письменно, до суда, поручился товариществу за крестьянина дер. Колымихи, Василия Лукина.

В 1886 г. товарищество описало имущество крестьянина дер. Юринково, Якова Федорова, за неплатеж долга. Купец Егор Кудрявцев предъявил иск о принадлежности ему имущества Федорова, будто купленного им раннее. Однако, несмотря на правильность сделки и даже на наличность подкупленных лжесвидетелей, фиктивность была доказана несомненно, ибо благоразумные крестьяне с ужасом смотрят на это „безбожное" явление и, при своих симпатиях к усилиям товарищества, охотно являются достоверными свидетелями, а главное — поручители за должников из сил выбиваются доказать фиктивность продажи, имея в перспективе, в противном случае, платить долг из своего кармана. Конечно, при таких исключительных условиях, товарищество может бороться со злом; другим это не так легко.

Но будем справедливы к крупным хищникам — ростовщикам, в простоте души воображающим, что они „ведут коммерцию", и посмотрим на ростовщиков деревенских — крестьян. В каждой волости обыкновенно есть мелкие пауки, крепко плетущие паутину, из которой, раз попадет жертва, уж не выкрутится; таковы, например, в Сине-Никольской волости крестьяне дер. Ласы, Иван и Ларион Григорьевы; в Вельской волости крестьянин дер. Сафоново, Влас Федоров, дер. Гришечкино, Захар Григорьев и т. д.

В сети этих недорослей чумазых попадают самые несчастные крестьяне, или с большой семьей на одном наделе, или вдова с подростками, или безлошадные. Они не имеют никакого кредита, ни средств; в товарищество их не примут, купец не верит, — хоть помирай с голоду. Вот тут-то спасителем и благодетелем является сосед-кулак: он принимает под свое крылышко, от него не убежишь и лишнего куска хлеба не съешь; он зорко наблюдает за своей жертвой. Даст рублей 10—15, чаще товаром, хлебом, и вместо процентов („проценты—грешное дело“, говорят эти праведники) обязывает должника засеять на лучшей части его надела четверик льна семенами кредитора, при чем весь труд по посеву и уборке падает на должника; иногда только треплет и мнет сам заимодавец. Здесь даже стыдно говорить о процентах: четверик льна может дать берковец, т.-е. рублей 40—50, это—рост на 10—15 р... Подобные сделки разнообразны. Бывает и так, что за все сказанное кулак дает безвозвратно рублей 5, а иногда, при более крупных ссудах, берет, кроме того, и проценты. Вообще, кредит на слово не существует; даже мелкие ссуды в 1—5 р. не получаются иначе, как под залог скота и прочей движимости. Эти операции у некоторых кулаков вполне завершили свое развитие и обратились в настоящие кассы ссуд под залог движимости. Крестьяне при нужде несут шубы, овчины, льняное семя; ростовщик складывает в специальные амбары и выдает ничтожные ссуды при баснословных процентах.

Чтобы не конкурировать и не мешать друг другу, крупные ростовщики поделили между собой уезд, и каждый знает свою—одну, две или более волостей. Это удобно для них и с другой стороны: будь должники рассыпаны по всему уезду, следить за ними было бы невозможно или, по крайней мере, трудно, тогда как, опутав сравнительно небольшую часть уезда, наблюдать вполне возможно, и от „ста глаз“ хозяйских, по выражению крестьян, должнику трудно провести лен кому другому незамеченным. Это—настоящие коммерческие „приходы“, каковое название приходится слышать: крестьяне так и говорят иногда, что такой-то такого-то приходу. Приходилось слышать такие разговоры:

— Вы чьего будете приходу?

— У Павлушки забираемся...

Для полноты картины приведу еще одну черту, характеризующую это крепостничество. Как известно, крепостной крестьянин не имел права купли-продажи, и потому, покупая земли, совершал

купчие на имя помещика. Освобожденный крестьянин имеет полное право покупать и продавать, но не имеет для покупки средств, и в большей части России до сих пор нет для него организованного кредита. А между тем потребность приобретать земли — огромная. К тому же земля ведь — не корова: ее нужно покупать не тогда, когда скопятся деньги, а когда она продается. Вот продается необходимая земля. Сколотил крестьянин деньжонок, да мало; барин хоть и рассрочивает, да требует сейчас значительную часть. Мнется-мнется мужичек и идет к купцу. Начинается приблизительно такой диалог:

— Дай, ради Бога, деньжонок; землица продается,—страсть, как нужно, просто по-зарез.

— Возьми, только купчую пиши на мое имя,—говорит купец,—как сплатишь ленком, так купчую перепишем.

— Что делать?—быть тому так, некуда податься.

Мужик не рассуждает, он только думает: „необходимо купить во что бы то ни стало; как бы не перебил кто!“ И купчая пишется на имя купца. Это—обычай не новый. Мне известен случай, бывший лет 20 назад. Один купец купил крестьянам Воронецкой волости на свое имя землю за 8.000 р.; 12 лет возили крестьяне лен, до 40 берковцев ежегодно. Наконец, терпение лопнуло, они потребовали рассчет и купчую. Купец дал купчую, но оставил за собою 40 дес. и заставил уплатить еще 2.000. Сведем итог: 40 берковцев в 12 лет (50 руб. за берковец) составляют 24.000; 40 дес. в Воронецкой волости стоят не менее 6.000 р. да еще 2.000 доплаты, итого 32.000 р. Итак, на 8.000 р. за 12 лет ростовщик получил 24.000 процентов!

Пореформенное крепостничество.

В Порховском уезде существует только один род кредита — ростовщический. Бороться с ним гуманными чистыми средствами немыслимо, ссудо-сберегательные же товарищества, как и во всей России, играют более, чем жалкую роль. Между тем при установившемся в деревне денежном хозяйственном обороте, при существующих способах взыскания податей, при частых неурожаях и иных бедствиях, потребность в кредите является чрезвычайной. Нужды самые неотложные, как пополнение податей и сборов, продовольственные потребности, обсеменение и иные хозяйственные задачи требуют непременного удовлетворения. Когда есть нечего или полоса рискует остаться незасеянной, хозяин не станет рас-

суждать и пойдет на всякие условия, которые поставит кредитор, так как иного кредита ведь нет. Только вполне усвоив себе эту жгучую нужду, можно понять поразительную готовность крестьян на невероятные условия.

Система кредита в нескольких словах такова. Взяв 5 — 10, много 20 руб. деньгами или продуктами, должник обыкновенно выдает вексель на сумму свыше 100 руб., от 101 до 125 руб. и более. Это объясняется главным образом тем обстоятельством, что кредитор—по большей части крестьянин; по закону при долговых обязательствах до 100 руб. он должен бы тягаться в волостном суде. В обход закона ростовщики и вынуждают векселя на сумму свыше 100 руб., дабы судиться в излюбленном ими гласном мировом суде. Казалось бы, что за странная боязнь волостного суда? Если и раздаются и притом справедливые жалобы на последние, то исключительно вследствие господства на них сильных людей и особенно ростовщиков. Им ли бояться судей, нередко своих же должников? Нет, имеется другой умысел. Волостной суд, как известно, не стеснен формальными данными и может, несмотря на вексель, отказать кредитору, если свидетельские показания выяснят, что долг уплачен, или присудить часть долга, при уплате другой. Иное дело—мировой судья. Здесь, раз представлен вексель, заемное письмо, расписка, хотя бы дважды оплаченные, что и бывает, никакие свидетельские показания по закону не допускаются, и судья постановляет взыскать в полной сумме. Вот в чем разгадка нелюбви к волостному суду. Ростовщики пользуются законом и сплошь и рядом полностью взыскивают по оплаченным векселям, или по таким, по которым дана $^1/_{10}$ суммы, или даже, обманным образом, ни копейки. Позволяю себе утверждать, что это—не частные редкие случаи, а целая система. Мною констатировано при исследовании множество фактов просто невероятных...

Подтверждению этому заключению служит следующий рапорт Запольского волостного правления:

„В книгу заносятся только сделки по требованию кредиторов; из таковых крестьянин, временный купец дер. Илемна, Андрей Иванов Бычок, настоятельно требует записи, коему А. И. Бычку долговые обязательства крестьяне выдают на сумму против забора в четыре раза и больше, и то забор производится не деньгами, а по лавке товаром; по истечении срока расписки эти возобновляются с повышением и самой суммы, если заемщик не в силах был уплатить,

насчитывая 20 и 30%. Уплата на расписках не отмечается; такое снисхождение длится до первого раздора; затем подает ко взысканию и взыскивает не по забору, а сумму по выданному обязательству. Были случаи, которые разбирал волостной суд в последних числах июля 1889 года. Андрей Иванович Бычок представил суду обязательство, выданное крестьянином дер. Дорогостицы, Иваном Петровым Поляковым, от 22 мая 1883 г., в сумме 110 руб., просил взыскать сто руб., заявляя, что это количество дано наличными деньгами. Поляков на суде объяснил, что он в счет расписки набрал по лавке товаром только на 35 руб. и в уплату дал семени льняного на 10 руб. 50 коп. и что он больше ни деньгами, ни товаром не забирал, просил представить расчетную лавочную книжку, но Бычок ответил, что книжки лавочной нет и таковая не ведется. Судьи, недоумевая, не приняв во внимания объяснения, присудили взыскать сто рублей. 2-й случай... Крестьянин дер. Заполья, Тимофей Ефимов, выдал долговое обязательство ему же, Бычку, на 50 руб. от 1-го апреля 1887 г., забрал по оной по лавке товаром на 20 руб., суд тоже присудил взыскать 47 руб. 50 коп., признал, что в уплату принял льняного семени на 2 руб. 50 коп. Подобных случаев очень много как от Бычка, так и от прочих кредиторов, — таковых в волости есть несколько человек; проделки эти вкоренивши, почему население и приходит в разорительное положение, а торгаши обогатели: в течение 10 лет успели выстроить каменные городские палаты и амбары, славясь тысячниками. Это обстоятельство и есть источник бедности, вкоренившейся в Запольской волости. Волостной старшина по неграмотности приложил печать. Волостной писарь Астанков".

Можно себе представить положение крестьян при подобных условиях. К тому же по безграмотству и невежеству, а главное вследствие преступных приемов ростовщиков, погашение долга никогда не списывается с векселя и последний, даже совершенно оплаченный, остается в руках кредитора под предлогом потери или в виду уверения, что он уничтожен, оставлен в суде. Нередки и такие случаи: ростовщик обещает дать крестьянину хлеба или семени и требует вперед вексель, затем долгое время водит обещаниями и в конце концов отказывает, а вексель, говорит, разорвал или затерял. Подобные проступки распространены и широко практикуются некоторыми кредиторами. Но наиболее горькие жалобы слышатся на Халуева и зятя его Демина. Первый живет

в с. Дне, второй—в купленном имении Общее Поле, в нескольких верстах. Ведется эта новопомещичья операция довольно незамысловато и совершенно однообразно. Приходит к Демину крестьянин просить семя на посев.

Происходит следующий диалог:

— Тебе что надо?

— К твоей милости, батюшка, не откажи.

— В чем дело-то?

— А вот семячек на посев надо бы,—дай, ради бога.

— Вексель принес?

— Нет.

— Ну, что же будем попусту болтать.

— А на сколько вексель-то писать?

— Иль не знаешь? Пиши на 105.

Через некоторое время крестьянин возвращается из волостного правления с векселем.

— Ну, ладно,—говорит Демин,—приходи через неделю, а я с тятькой (Халуевым) посоветуюсь.

Приходит через неделю.

— Тебе чего?—встречает его Демин.

— Да вот, так и так.

— Да, да, помню. Только вот что, друг умильный, тятька не приказал давать,—себе, говорит, семян на посев не хватит.

— Как же быть-то теперича?—горюет крестьянин, и если он еще не учен, то так и пойдет разыскивать семян, не спросив о векселе, думая, что если ничего по нему не получил, то какую же он силу имеет? Ученый же почешется, помнется да и скажет:

— Ну, делать нечего, только ты уж расписочку-то мою подай назад.

— Эка беда какая, а я ее у тятьки-то и забыл. Ступай, возьми у него.

— Какую тебе расписку?—кричит на него Халуев, пошел вон.

И идет он опять к Демину, объясняет ему.

— Что он, старый... врет?—возражает последний.—Чай при мне положил твою расписку в железный сундук, что хранится в церкви. Далее повторяется то же. Ходит, ходит бедняга, пока, наконец, не увидит, что его морочат. Поплачет, да тем дело и кончится. А пройдет некоторое время, нередко несколько лет, и без-

денежный вексель выплывает на свет божий и разоряет жертву обмана, жестокосердия и беззакония. Повторяю, подобных фактов записано и точно установлено мною немало по многим селениям.

(Сазонов — Ростовщичество-кулачество.)

65. Подчинение кустаря капиталу [1]).

Обстановка скупки придумана как бы нарочно для того, чтобы во всяком стороннем человеке вызвать жуткое чувство. Темная нора, прилавок, трепетный огонек сального огарка в фонаре, освещающий фигуру за прилавком, и напряженные лица кустарей, напирающих с улицы. Скупщик одет в теплой шубе, кустари дрожат от пронизывающего ветра. Он сдержан, холоден, спокоен, — они взволнованы. Он развертывает образцы и равнодушно отодвигает одни, назначает цену за другие. Соответственно с этим на физиономиях мастеров сменяются выражения: надежды у тех, кто подходит, страха у тех, чьи образцы в руках скупщика,—вражды на лицах отходящих... „Вот паук, раскинувший свою сеть у входа в пещеру“, — невольно приходит в голову при виде этого человека, сидящего у фонаря за прилавком в середине загороженного входа.

Но с другой стороны, если бы скупщик не засветил сегодня своего огня, многие кустари впали бы в уныние. Если бы не вышло их трое или четверо, уныние достигло бы значительных размеров. Если бы не явился ни один, все Павлово принуждено было бы голодать целую неделю и, пожалуй, прекратить работу за недостатком материала.

Итак, выходя, он оказывает этой толпе благодеяние. Он скупит эти замки и ножи, а отсюда, из его подвалов, они разойдутся по

---

[1]) Данный очерк рисует кусочек быта знаменитого своим кустарным промыслом села Павлово, Нижегородской губ. Как в самом Павлове, так и в районе, к нему прилегающем, сосредоточено изготовление кустарями различных изделий из металла—главным образом—замков, ножей и пр. В Павловском районе до войны насчитывалось свыше $17^1/_2$ тысяч человек, занятых металлическими промыслами. Само же Павлово, в котором около 20.000 жителей, еще в начале XVII века было известно обработкою металла; так, в 1621 г. оно имело 11 кузниц; в 1770 г. Шереметьевы, которым принадлежало это село, устроили здесь железный завод, способствовавший развитию промысла по обработке металла

всему белому свету, попадут в Турцию и в Персию и на далекие недоступные рынки неведомых стран Средней Азии.

Он здесь не один. Рядом, вдоль улицы и в переулках, горят такие же огни, идут те же разговоры. Он знает, что все его соседи будут сбивать цену до той степени, до какой только масса будет поддаваться. И он должен не отставать от соседей, иначе его товар выйдет дороже, и Москва возьмет у других.

И вот он окидывает толпу острым, проницательным взглядом. Он ее давно изучил; он видит, как люди жмутся, как испуганные бараны, и думает, что „ноньче народ станет уступать до последнего“. Это его не радует и не печалит, он просто принимает это к сведению.

— Рука, что ли, Иван Иваныч?—и кустарь кидает образцы на прилавок.

Скупщик медленно разворачивает и равнодушно отодвигает товар.

— Не рука.

Может быть, он и мог бы взять этот товар, но ему нужно укрепить свое положение и расшатать положение другой стороны. Для него отодвинутые образцы — несколько гривенников барыша, для кустаря, работавшего их целую неделю, это — новая неделя сравнительной обеспеченности или голода. Кустарь схватывает образцы и судоржно выбивается из толпы, чтобы бежать к другому огню, а в оставшейся толпе этот эпизод уже посеял некоторую долю неуверенности и уныния.

— Рука, что ли?—спрашивает следующий.

— Почем отдашь?

— По-прежнему, Иван Иваныч, как всегда.

— Без полтины.

— Много дороже слышали...

— Надо было отдавать.

И он опять завертывает образцы и отодвигает их, обращаясь к следующему.

Это он пробует, до какой степени народ подается. Через некоторое время, после нескольких уступок, после того как кустари обежали другие огни, он уже отлично знает положение сегодняшнего рынка.

Вот перед ним старик, деревенский кустарь, с которым он ведет дело давно и с которым пускается иногда в приятельские разговоры.

— Не сойдутся опять образцы у тебя с товаром. Личка [1]) у вас плоха,— говорит он.

— Личка у нас ноне, Иван Иваныч, первый сорт. Ноне мы рабочих нажали несколько. Забудут спать-то.

— Почем?

— По шести гривен.

— Уступай, Потапыч, уступай.

— Уступлено, Иван Иваныч, сами знаете, по восьми брали.

— Знаю, что по восьми. Да еще уступить надо. Ноне, сам видишь, до слез уступает народ.

Уступают до слез! Скупщику не нужны эти слезы. Зачем они ему? В общем человек, все-таки, человек, и слеза народа иному скупщику, может быть, даже неприятна. Но он ее выжмет. Ему нужна уверенность, что дальше уже не идет уступчивость, что больше не выжмет ни он, ни его сосед, что предел уступчивости народа достигнут для даннаго рынка. Конкуренция — пресс... Кустарь—материал, лежащий под прессом, скупщик—винт, которым пресс нажимается. Мне самому пришлось видеть, как во время приемки [2]), которая следует за скупкой, торговец взял в руки связку образцов, оглядел их, посмотрел записную цену и швырнул с досадой в общую кучу.

— Еще упала цена! Все уступают да уступают. Этот замок полгода назад шел по рублю, ноне вон по шести гривен валят. Из-за чего работают только, дьяволы,—за такую цену отдавать!

— Разве это вам невыгодно?—спросил я, удивленный этою досадою на дешивизну покупки.

Оказалось, что в данном случае, действительно, ему было невыгодно: на прежних базарах он занасся большим количеством товара, и если бы цена поднялась, он продал бы дешевый товар дороже. Теперь цена еще упала и ему придется, наоборот, дорогой товар пускать по более дешевой цене. Но он, конечно, жмет на скупку так, как всегда: необходимо дожать до последней возможности.

К огню подходит молодой мастер и молча, угрюмо кидает товар на прилавок. Он, видимо, уже обегал другие огни, слышал цены, но из него скупщический пресс выжимает не слезу, а угрюмое

---

[1]) Личить—обтачивать поверхности ножей на камне перед полировкой.

[2]) На скупке принимаются от кустаря образцы, к которым привешивается ярлычок с обозначением условленной цены. Во время приемки кустарь доставляет условленное количество самого товара.

ожесточение. Скупщик окидывает его проницательным взглядом и с особенном вниманием присматривается к образцам. Мастер с оттенком презрения наблюдает эту процедуру. Он знает, что образцы у него безукоризненны, что скупщику это известно, что именно потому-то он не может отдать товар так дешево, как отдают другие. Каждое продолжительное понижение цены понижает также общее количество товара; форма остается та же, но вес и работа— другие. Он—артист своего дела, гордый своим искусством, один из тех, которые до последней возможности не идут на компромиссы.

— Почем?

— Знаете сами, почем брали.

— Теперь дешевле.

— А как?

— Полтина.

Мастер сам берет образцы с прилавка, не дожидаясь пока их завернет скупщик.

— За полтину этот товар отдавать—солому надо есть. Не научились еще дети у нас.

— Научатся,—говорит скупщик хладнокровно.

Много, конечно, нужно упражняться в жестоком деле, чтобы так спокойно кинуть ближнему такое слово. Но в этой железной торговле вырабатываются и железные сердца, не знающие жалости.

Мне пришлось однажды зайти в дом кустаря. Он сидел, больной, на своей постели, встретив меня каким-то лихорадочно-беспокойным взглядом. Разговаривая, он все посматривал в окна и на двери.

— Вы о чем беспокоитесь?—спросил я.

— Беспокоюсь, верно. Баба у меня с образцами послана. Болен сам. Это в нашем деле, господин, беда большая, что бабу послать к торговцу... Запугивают их... Ну, вот идет, кажись, погоди-ка...

В избу вошла молодая женщина, села в изнеможении на лавку и как-то виновато опустила руки на колени.

— Почем?—спросил муж угрюмо.

— По шести.

— Так и знал. Это, господин, пятаком дешевле самой низкой цены. Говорил, ведь, я цену тебе?

— Не берет. Ни по чем, говорит, завтра этот товар не возьмут, в последнее и брали.

И вдруг, как-то встряхнувшись и вытирая рукавами слезы, молодая женщина заговорила с истерическою торопливостью:

— Да еще дает пять с полтиной и смеется: „Бери, грабь, загребай с меня деньги лопатой“. — „Полно, говорю, вам над беднотой над нашей смеяться, Василь Василич! Какая это цена!“ „Да ведь отдают!“ — „От нужды отдают, мол. Плачут, да отдают!“ — „Какая, говорит, ваша нужда: в своих домах живете, в калошах ходите, по праздникам белый хлеб покупаете. Вот будет нужда, как в прочих местах уже дошел народ: по пяти семей в одну избу натолкаетесь, на десять человек одна шуба, а о пшеничном хлебе и думать забудете“.

Женщина посмотрела на меня и на мужа обезумевшими, испуганными глазами.

(В. Г. Короленко — Павловские очерки. Очерк: Скупка, ее логика и ее разговоры.)

---

66. Обороты внешней торговли России за 1861—1905 г.г.

Год:	Вывоз:	Привоз:	Сумма оборота:
1861	177.180	167.111	344.291
1871	369.271	380.165	749.436
1881	506.423	540.611	1.047.034
1901	761.583	593.425	1.354.908
1905	1.077.325	635.087	1.712.412.

(Таблица составлена по данным министерства финансов — Производительные силы России, под ред. В. И. Ковалевского, и по Статистич справочнику по народному хозяйству, под ред. С. А. Клепикова, вып. IV, изд. 1924 г.)

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Полное развитие торгового капитализма.

А. Эпоха Петра I.

Б. XVIII век после Петра I.

II. Разложение крепостного хозяйства в первой половине XIX века.

III. Производственный (сельскохозяйственный и промышленный) капитализм.

А. Хозяйственные последствия крестьянской реформы.

Б. Сельское хозяйство с 60-х годов XIX века до 1905 года.

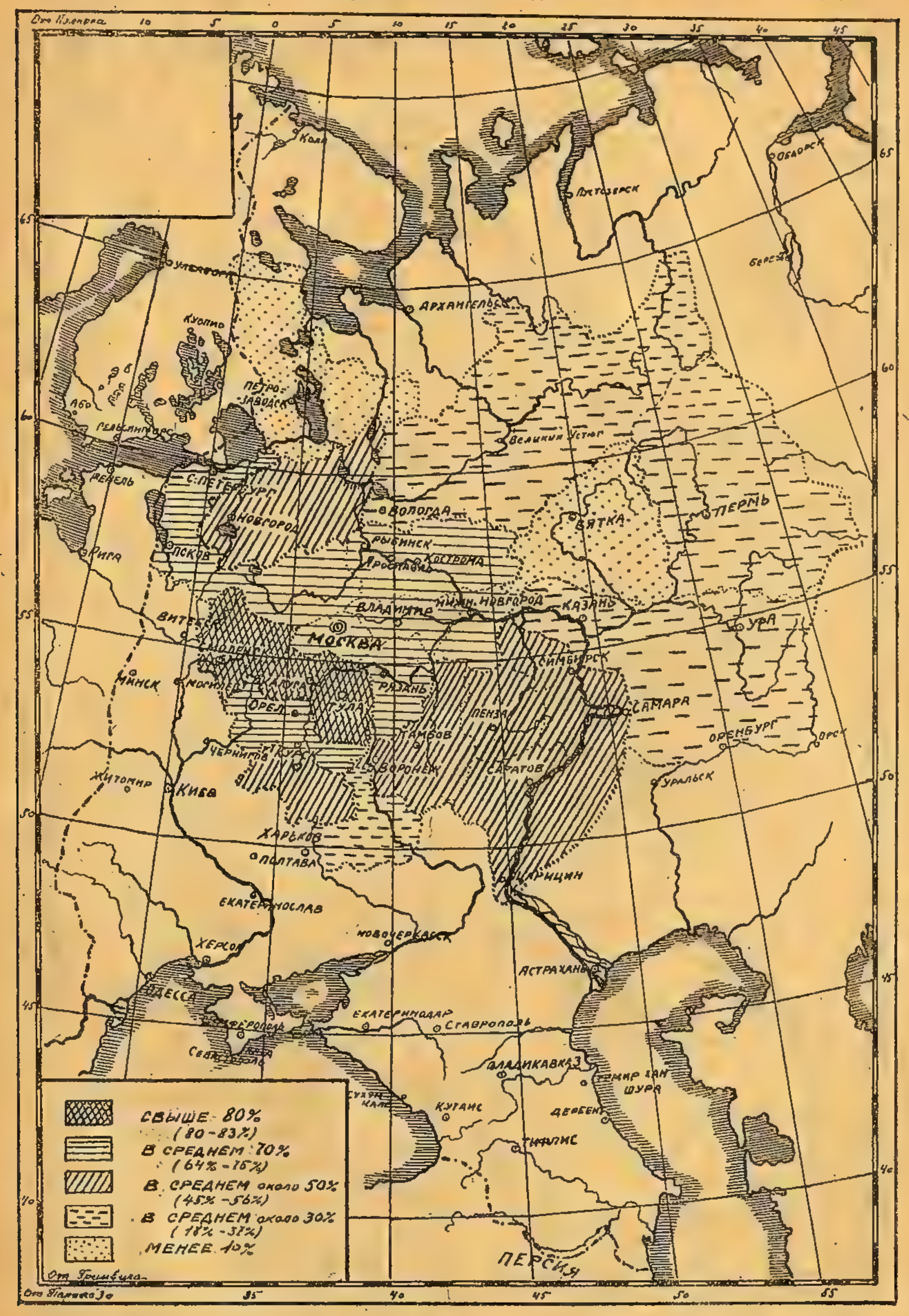
В. Фабричная промышленность с 60-х годов XIX века до 1905 года.

Приложение.

Крепостное крестьянство России

в % % ко всему сельскому населению
по данным IV рев. 1782 г.

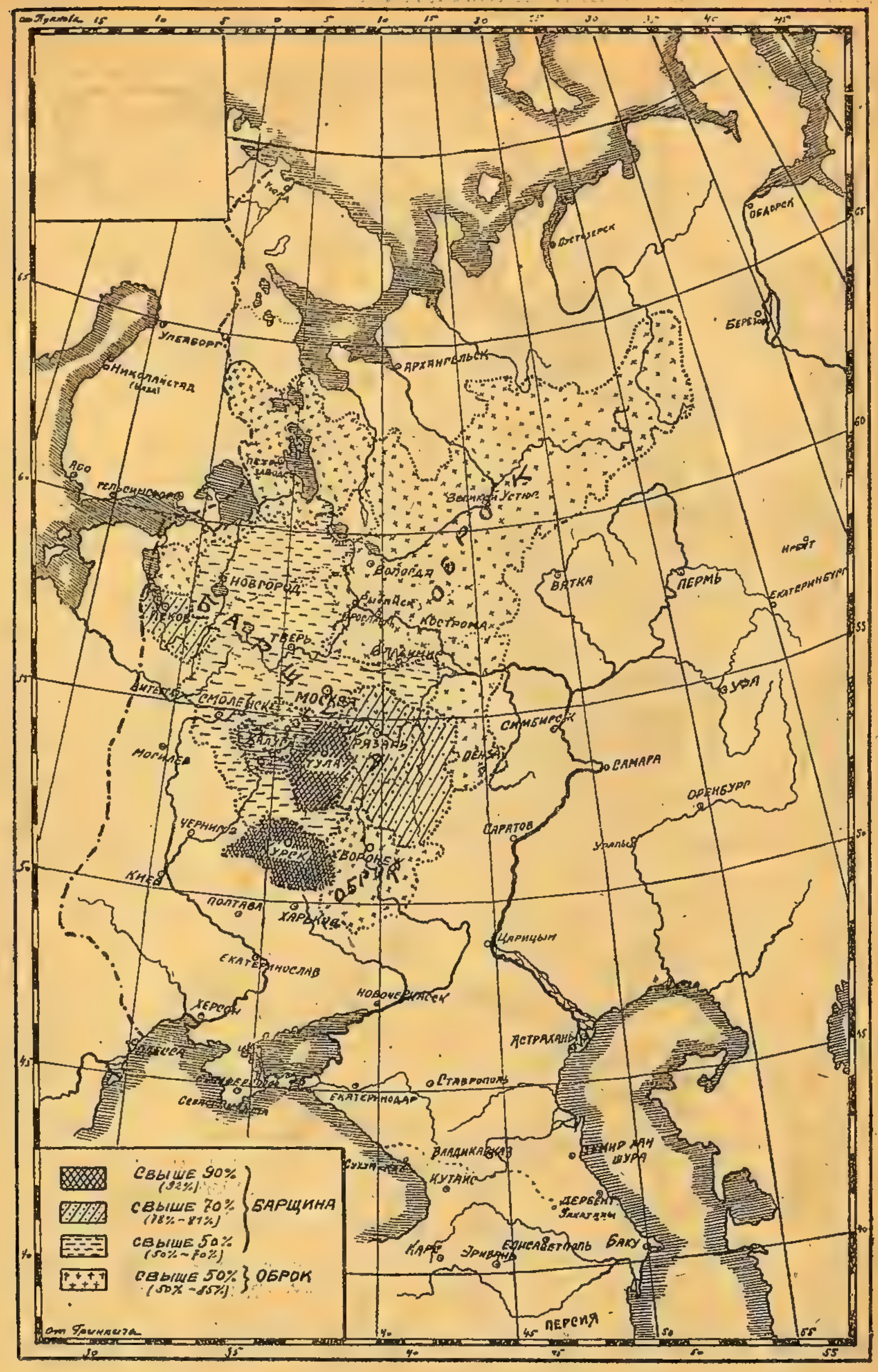
№ 1.



Примечание. Составлена по данным В. И. Семевского для 1780—1790 годов („Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I“), В. И. Пичета („Ист. народ. хоз. в России XIX—XX в., стр. 34). Для СПБ. губ. процент выведен из данных 5 рев. Областные границы соответствуют эпохе и нанесены по атласу конца 1780-х годов.

Распределение барщины и оброка

в конце XVIII в. № 2.



Примечание. Составлено по данным (1780—1790-х год.) В. И. Семевского, согласно указаниям которого в СПБ. губ. отмечены только Лужский, Гдовский и Новоладожский уезды. Данные же, полученные Семевским для 3-х уездов Олонецкой губ., для удобства сравнения с последующей картой распространены на всю Олонецкую губернию (в границах 1858 г.). Областные границы на карте соответствуют эпохе 1780—1790 годов (Семевский, „Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, 584—585).

Распределение барщинных и оброчных крестьян перед освобождением

по данным 10-й рев. 1858 г.

№ 3.

Примечание. Составлена по вычислениям Тройницкого („Крепостное население в России по 10-й ревизии") и Игнатович („Помещ. крест. накануне освоб." М. 1910, стр. 52 и табл. № 1). Облстные границы взяты 1858 г.

Распространение улучшенных орудий для обработки почвы

в крестьянских хозяйствах в самом конце XIX в.

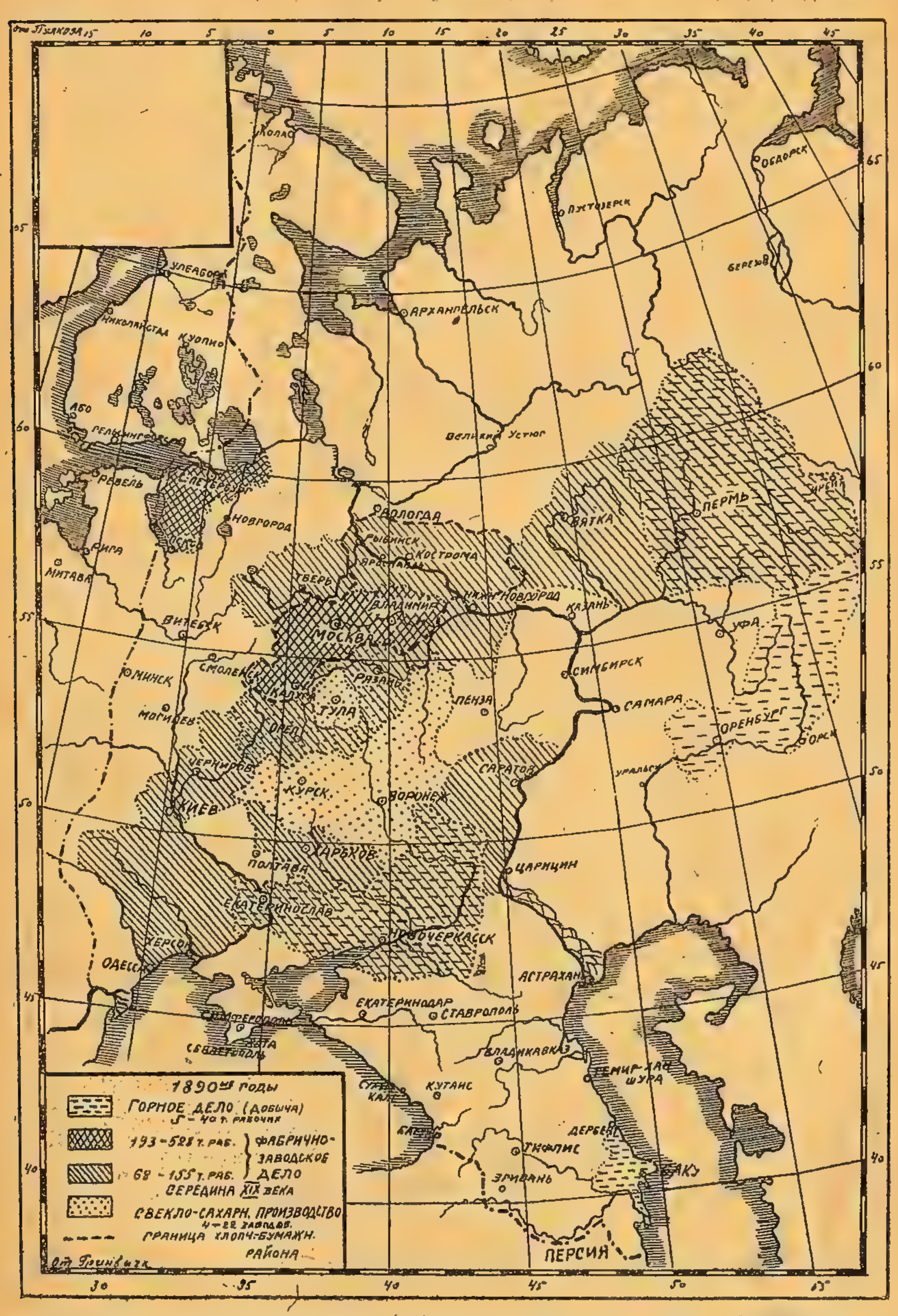
№ 4.

Примечание. См. Сельскохозяйственный промысел в России. Петрогр. 1914 г.

Распространение горного дела, фабрично-заводского и свекло-сахарного производства

в XIX веке.

№ 5.



Примечание. Районы горного и фабрично-заводского дела обозначены на основании данных переписи 1897 г., а район свеклосахарного производства по данным „Военно-Статистического Сборника" (см. С. Вознесенского „Экономика России XIX—XX в.", вып. I, 86-х г. Л. 1924, со ссылкой на „В.-Ст. Сб.").